

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы **О. И. Коробкова**, **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Голенок М. П.</i> Философия супрематизма Казимира Малевича	6
<i>Шакин С. А.</i> Феномен красоты в материалистической эстетике	10
<i>Шабалин В. В.</i> Художественное время в телерепортаже	15
<i>Шуталева А. В.</i> Проблема существования закона в биологии в контексте неклассической научной картины мира	18
<i>Бармина Е. С.</i> Феномен поведения	22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Макеева Е. Д.</i> Исторический подход к проблеме взаимоотношений общества и природы	25
<i>Машковцева В. В.</i> Делопроизводственная документация как источник по изучению государственно-старообрядческих отношений (на материалах Вятской губернии второй четверти XIX в.)	32
<i>Имашева М. М.</i> Институты государственной власти Российской империи в восприятии локальной мусульманской общины в начале XX в. (на примере Астраханской губернии)	41
<i>Лицарев М. Ю.</i> Восприятие революционных событий 1905–1907 гг. сельским населением Вятской губернии	50
<i>Шарабаров П. Н.</i> Функционирование городского хозяйства Вятки в 1929–1934 гг.	56
<i>Батагова Л. Х.</i> К вопросу о природе терроризма на Северном Кавказе	64

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ермакова Т. Н., Петухов К. В.</i> Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом	70
<i>Верзилина И. Г.</i> К вопросу о совершенствовании правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса	75

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Смолоногина Е. А.</i> Восемнадцатый век в истории немецкой лексикографии	80
<i>Крашенинников А. Е.</i> Понятие визионерство в поэтике экспрессионизма	83
<i>Касаткина О. А.</i> Тожество и его виды	91
<i>Наумова Н. Г.</i> Объективация концепта «Россия» в языковом сознании молодежи г. Кирова	96
<i>Старыгина Н. Н.</i> Антинигилистические поэмы А. К. Толстого: способы и приемы контекстуальной поэтики	103

<i>Жэнь Фэй.</i> Невербальное поведение человека и его отражение в художественном тексте (на материале повести А. П. Чехова «Моя жизнь»)	110
<i>Юдина Т. М.</i> Микросистема названий кузнечных мехов в горнозаводской терминологии XVIII в.	117

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ходырева Е. А.</i> Воспитательная деятельность вузов в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО)	121
<i>Перовщиков Д. В., Сауров Ю. А.</i> О методике организации познавательной деятельности при изучении астрономии в курсе физики	126
<i>Сведения об авторах</i>	132
<i>Information about authors</i>	134

CONTENTS

- Golenok M. P.* The philosophy of the Suprematism of Kazimir Malevich
- Shakin S. A.* The phenomenon of beauty in materialistic aesthetics
- Shabalin V. V.* Art time in the TV report
- Shutaleva A. V.* Problem of the existence of law in biology in the context nonclassical scientific view of the world
- Barmina E. S.* The phenomenon of behavior
- Makeeva E. D.* Historical approach to the problem of the relationship society and nature
- Mashkovtseva V. V.* Clerical documentation as a source for the study of Confessional state policy in relation to the Old Believers (on materials Vyatka province of the second quarter of XIX century)
- Imasheva M. M.* The institutions of state power of the Russian Empire in the perception of the local Muslim community in the early twentieth century (for example Astrakhan province)
- Litsarev M. Y.* The perception of the revolutionary events of 1905–1907 rural population of Vyatka province
- Sharabarov P. N.* The municipal Management in Vyatka in 1929–1934
- Batagova L. K.* Revisiting the Issue of the Nature of Terrorism in the North Caucasus
- Ermakova T. N., Petukhov K. V.* Criminal-legal protection of freedom of conscience and religion in Russia and abroad
- Verzilina I. G.* To the question of the improvement of the legal status of members of election commissions with the right of advisory vote
- Smolonogina E. A.* The 18th century in the history of German lexicography
- Krashennnikov A. E.* The concept *Visionary* in the poetics of expressionism
- Kasatkina O. A.* Identity and types of identity
- Naumova N. G.* Objectification of the concept «Russia» in the linguistic consciousness of youth of the city of Kirov
- Starygina N. N.* Anti-nihilistic poems A. K. Tolstoy: means and modes of contextual poetics
- Zhen Fej.* Non-verbal behavior of a man and its reflection in artistic text (according to the A. P. Chekhov's novel «My life»)
- Yudina T. M.* Microsystem of forge bellows terms in mining industry terminology of the XVIII century
- Khodyreva E. A.* The educational activities of universities in terms of implementing Federal state educational standards of higher education (FSES HE)
- Perevoshchikov D.V., Saurov U. A.* On the methodology of organization of cognitive activity in studying astronomy within the course of physics

Философия супрематизма Казимира Малевича

В статье рассматриваются некоторые аспекты философии супрематизма в теоретическом наследии русского художника-авангардиста Казимира Малевича. Анализ текстов Малевича позволяет выделить ключевые философские принципы супрематической теории. Во-первых, онтологичность как стремление познать предельные основы мира посредством творческой интуиции и утилитарность как обращенность к жизненным реалиям в поиске универсального способа переустройства и гармонизации мира. Во-вторых, принцип беспредметности, который выступает как познавательная форма и как функциональное выражение в живописной системе беспредметного искусства. В-третьих, это принцип экономии как универсальная категория, характеризующаяся рациональностью и целесообразностью, что проявляется и на уровне творческого мышления, и в жизнеустроительной практике конструирования предметов.

Показывается, что в супрематизме Малевича присутствует импульс к преодолению живописи как таковой и к уходу искусства в сферу предметно-утилитарного.

This article discusses some aspects of the philosophy of Suprematism in the theoretical heritage of the Russian avant-garde artist Kazimir Malevich. The analysis of texts Malevich allows us to identify key philosophical principles Suprematist theory. First, ontologically as the desire to know the ultimate foundations of the world through creative intuition and utility as its orientation to the realities of life in the search for a universal method of conversion and harmonization of the world. Secondly, the principle of pointlessness, which acts as a cognitive form and functional expression in a picturesque system of abstract art. Thirdly, it is an economy principle as a universal category, characterized by rationality and reasonability, which is manifested at the level of creative thinking and disneycruiseline practice design of things.

It is shown that in the Suprematism of Malevich present momentum to overcome the painting as such, and to care for the art in the field of subject-utilitarian.

Ключевые слова: художественный авангард, супрематизм, абстракционизм.

Keywords: art of avant-garde, suprematism, abstract of art.

Обновление искусства традиционно связывают с поиском нового «большого стиля», основанного, как правило, на переинтерпретации уже известных художественных стилей прошлого или художественных традиций этнических культур. Кризис искусства начала XX в. не был связан со стилевыми поисками и не случайно оценивался современниками как «глубочайший». Его суть достаточно точно удалось подметить Н. Бердяеву. «Окончательно померк старый идеал классически-прекрасного искусства, – сетовал философ, выступая на публичной лекции в Москве первого сентября 1917 года, – искусство судорожно стремится выйти за свои пределы <...> Никогда еще так остро не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда еще не было такой жажды перейти от творчества произведений искусства к творчеству самой жизни, новой жизни» [1]. Философ подчеркивал особую роль «аналитического» направления в творческих исканиях современников – кубизма и футуризма, отмечая их радикальность в переходе от материальных субстанций к дематериализации живописи.

Увлеченность авангардистов аналитическими принципами построения картины, желание раскрыть природу живописи как таковой вели к утверждению самооценности «чистой живописной пластики» и возрастанию значимости субъективного выражения художника в творческом процессе. Логическим следствием этого явилось особое внимание авангарда к формально-выразительной стороне искусства – статике и движению, «чистой форме» и цвету, поиску новых язы-

ков и новых техник. Искусство, мыслимое в новом ключе – как «умение создать конструкцию <...> на основании веса, скорости и направления движения» [2], показывает приверженность авангарда ко всему рациональному и техническому.

В то же время параллельно с формально-аналитическими поисками шел процесс концептуализации искусства. Он осуществлялся посредством формирования «эзотерического» языка простых элементов-форм и чистых цветов, которые наделялись новыми значениями (супрематические формы-знаки К. Малевича, система цветоформ В. Кандинского, семантичность «материальных подборов» В. Татлина), так или иначе связанными с интенцией к символизации мироздания. Самоценность таких произведений сводится к тому, что они апеллируют к сфере идей, которые уже не являются инструментом отражения реальности или познания мира, но, по наблюдению Х. Ортега-и-Гассета, представляют «знания художника, превращаясь в предмет и цель... мышления» [3]. И в этом, можно сказать, заключено одно из главных отличий авангардного искусства от традиционного.

Движение от изобразительных форм к «неизобразительному» письму нашло свое окончательное завершение в «беспредметности» супрематизма Казимира Севериновича Малевича – признанного корифея и идеолога русского авангарда.

Историческое значение Малевича не ограничивается его деятельностью только как живописца, но, подобно многим своим современникам, он был еще и философствующим художником. Используя средства абстрактной живописи и опираясь на опыт теософских откровений Е. Блаватской, идеи дзен-буддизма и переосмысливая христианское вероучение, Малевич стремится к построению универсальной модели мироустройства – «совершенного искусства мирового строительства» [4], где ключевая роль отводится супрематизму (супрематизм, от лат. *supremus* – наивысший) не только как живописной системе, но как философоме.

Анализ текстов Малевича позволяет выделить некоторые философские принципы его супрематической теории.

1. *Онтологичность и утилитарность.* Супрематизм мыслится Малевичем как философия космологического порядка, способная проникнуть в тайны мироздания. Вместе с тем в стремлении создать культуру «единого человечества» Малевич уделяет внимание вопросу участия искусства в оформлении вещей при их чисто утилитарном происхождении.

Эта обращенность как к «надличностному», так и к вещному миру определили двухполюсность концепции: с одной стороны, онтологичность, стремление понять предельные основы мира, с другой стороны, прагматичность. Первый полюс обусловлен стремлением *познать* универсальные законы мира посредством *творческой интуиции*. Беспредметное искусство рассматривается в качестве метода «чистого познания», освобожденного от идеологического, религиозного или образного диктата и возведенного в онтологический статус духовной энергии «знаков-форм». Второй полюс предопределен интересом к жизненным реалиям и связан с поиском универсального способа гармонизации мира через его *переустройство*. Исходя из представления, что мир, сотворенный человеком, аналогичен миру природы, Малевич обращается к природе как образцу рационального устройства и источнику вселенского творческого начала.

К пониманию искусства как способа практического жизнестроения, сближения (вплоть до тождества) искусства и жизни Малевич приходит через *символ*. Он определяет мир объективно существующих вещей в виде системы условных знаков, функций и отношений. И в этом смысле искусство супрематизма, свободное от предметной тождественности изображения, предельно абстрактно и символично. Значимость беспредметного искусства заключена не только в его гносеологической функции (изображении в произведении не самого предмета, а *знания* художника о предмете), но также в его стремлении «воздвигать новое реальное», отбросив ценности искусства прошлого и настоящего. «Новое» в супрематизме связано как с созданием мира «живописной реальности», так и с «оформлением» материи при «чисто утилитарном происхождении вещей». Речь идет о том, чтобы придать миру утилитарной предметности «пластические ощущения» на основе высокохудожественной интуиции и сделать супрематизм самой жизнью. По словам К. Малевича, супрематизм должен стать «тем солнцем, в теплоте которого распустилась бы харчевая жизнь» [5]. Форма обретает доминирующее значение. Художество как таковое не может быть выше и впереди всего, оно – придаток к форме и отдельно не имеет ни времени, ни пространства и возникает тогда, когда во времени и пространстве возникает творческая форма изображения. Плоскостная (супрематическая) форма приобретает значение «чистой формы», но не в плане стилевом, а в аспекте «новой выразительности».

Супрематические формы амбивалентны. Они отражают в образной форме такие атрибуты универсума, как время, пространство, движение. Также геометрия «простых форм», выстраиваемая уже не по классическим живописным канонам, а на основании материально-физических ка-

честв (веса, скорости, фактуры, направления движения и др.), имеет целью постичь «утилитарное совершенство». Супрематическая форма не изображается, но конструируется, поскольку мыслится как средство перехода «из проекта, начертанного на холсте, к постройке этих отношений в пространстве» и далее – к жизнотворчеству [6].

Таким образом, супрематизм предстает в качестве нового способа систематизации существующего миропорядка, в котором искусству отводится значимая роль – роль действия в пространстве самой жизни.

2. *Принцип беспредметности.* Малевич различает «беспредметность» как познавательную форму и как функциональное выражение в живописной системе. Изначально беспредметность знаменует идеальный мир форм вне миметической образности и утилитарной предметности. Малевич формирует новую систему первоэлементов мира, которые апеллируют к умозрительному восприятию: белый квадрат – знак «чистого действия», потенция нового миростроения, черный квадрат – «знак экономии», красный квадрат – «сигнал революции». Вместе с тем признание того, что в область «высшей организации» и порядка можно выйти только через познание структурных связей, обращает внимание Малевича на чисто «живописную природу» беспредметного искусства – пластику форм, движение, геометрию.

В наиболее сжатой форме суть малевичевского миропонимания сконцентрирована в «Черном квадрате».

С одной стороны, «Черный квадрат» как супрематический знак символичен и несет смыслы, связанные с представлениями о мироздании (его первоформе, первопространстве, первоцвете). С другой стороны, *квадрат*, являясь основой всех супрематических форм, имеет возможность перехода из «чисто познавательной системы» в другую – в прикладную (техническую, социальную), поскольку содержит в себе потенцию любых предметных форм. Квадрат может составить основу формы любой утилитарной вещи: от стола до космического аппарата – или выполнять прикладную функцию, а именно выступать в качестве «супрематического украшения» формы. Смысл таких форм (частью которых является *квадрат*) становится денотативным (предметным), поскольку на первый план выдвигается их функция. И в этом смысле «утилитарное совершенство» квадрата определяется его комбинаторной способностью и полифункциональностью. Но в любом случае *квадрат* выступает как «нулевое начало», играя роль универсального инструментария – познания и практического преобразования мира.

Сам Малевич говорит о возможности вывода беспредметных форм в предметный мир: «Супрематизм в одной своей стадии имеет чисто философское через цвет познавательное движение, а во второй – как форма, которая может быть прикладная, образовав новый стиль супрематического украшения» [7]. И в этом смысле супрематизм «прикладывается» к форме (хотя и здесь он не является «украшением» в традиционном понимании орнамента, сохраняя свою умозрительность). В силу того, что орнамент вообще (и супрематический орнамент в частности) подчиняется законам метафизического порядка, он оказывается независимым от конструктивного решения вещи. Этот принцип можно увидеть в работах И. Чашника, ученика и последователя Малевича, где супрематический орнамент имеет «свободное» расположение на поверхности предмета (она является фоном), стремясь выйти за границы формы, не согласуясь с ее строением (например, супрематический агитфарфор).

Для реально функционирующей вещи орнамент не нужен, в нем нет практической необходимости (прямому назначению вещи он чужд). Орнамент на предмете – это знак его создателя (своеобразная авторская подпись) и отражение всей концепции супрематизма. В этом и заключен его символический смысл. Что касается эстетического прочтения «супрематического орнамента», то оно связано с привнесением «живописности» в мир предметных форм. В сферу самостоятельного предметного мира супрематизм выходит в творчестве членов группы УНОВИС (Утвердители нового искусства).

Супрематизм опирается на комбинаторику символов-форм и используется не только для визуализации умозрительных реальностей, но и в качестве проводника в пространство универсального конструирования. Супрематизм как беспредметное искусство, таким образом, оказался «открытым» в сферу предметно-прикладного творчества.

3. *Эстетическое и принцип экономии.* В ходе интеллектуальных поисков Малевич особое внимание сосредоточивает на проблеме «нежизненности» форм предметов. Их антиэстетику художник объясняет отсутствием связи между формой предмета и его функцией (Малевич называет это «природоестественным действием»), согласованности между частями предмета.

Малевич формирует новое эстетическое видение «утилитарного совершенства», которое уже не связано со сферой человеческих переживаний, а сводится к *принципу экономии энергии*.

Малевич обращается к идеям П. Успенского относительно «высшей интуиции». Интуитивное начало в качестве проявления Мировой энергии выступает универсальным принципом по-

знания как «высшего» пространства, так и в сфере жизнеустроительной практики. Малевич считал, что «мировая интуиция» проявляется в логике *экономического* мышления, которое противостоит расточительности природы и способствует сохранению энергии.

Экономия выступает первоисточком любого действия, поскольку «всякая творческая форма строится на экономическом разрешении, и всякая вещь есть ответ разрешенного экономического вопроса» [8]. Понятие «экономии» мыслится как универсальный принцип, проникнутый рационализмом и целесообразностью.

В связи с этим для Малевича становится важным определение экономичных пластических средств, поскольку интуиция «зашифрована» в рациональной, геометрической, конструктивной форме и выражается в «новой экономической культуре знаков». Эта система знаков основана на *трех* составляющих супрематической системы. В качестве самого экономичного *элемента* он видит прямую; самой экономичной *формой* он называет квадрат, который является визуальной реализацией «интуитивного разума» и составляет основу всех других форм. В качестве элемента экономического *развития* выступает цвет, эквивалентный «металлическому» свету, имеющему искусственное происхождение.

Принцип «экономии мышления» выступает связующим звеном между представлениями онтологического плана и прагматическими устремлениями художественного и социального плана.

Эстетическое в предмете Малевич связывает с понятием *конструкции формы*. «Экономический» путь дает возможность освободить форму от всего лишнего (например, орнамента) и представить ее в «исчерпывающем виде», что и означает делание ее конструктивной. Иными словами, в контексте «экономического» расчета (по сути – целесообразности) *эстетическое* оказывается эквивалентным *конструктивному*, проявляя свойство «технической пользы», соотносимого с утилитарностью.

Таким образом, супрематизм не стал только итогом и целью развития новаторства Малевича – в нем пульсирует философский импульс к преодолению живописи как таковой, то есть формируется стремление выразить универсальные законы мироздания в предельно обобщенных геометрических структурах, что парадоксальным образом оборачивается уходом искусства в сферу предметно-утилитарного. Такой ответ дает русский художник-авангардист на вызов времени, пытаясь преодолеть границы *бытия-не-бытия* и увлечь соблазнами жизнетворчества.

Примечания

1. Бердяев Н. Кризис искусства. (Репр. изд.). М.: СП Интерпринт, 1990. С. 3.
2. Малевич К. От кубизма и футуризма к супрематизму // Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. М.: Гилея, 1995. С. 41.
3. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 232.
4. Малевич К. О новых системах в искусстве. Статика и скорость. Установление А // Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 159.
5. Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Статьи и теоретические сочинения, опубликованные в Германии, Польше и на Украине. М.: Гилея, 1998. С. 113.
6. Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 123.
7. Малевич К. Супрематизм // Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 151.
8. Малевич К. О новых системах в искусстве... С. 232.

Notes

1. Berdyaev N. *Krizis iskusstva* [The crisis of art]. (Reprod. ed.). Moscow. SP Interprint. 1990. P. 3.
2. Malevich K. *Ot kubizma i futurizma k suprematizmu* [From cubism and futurism to suprematism] // K. Malevich. Works: in 5 volumes. Vol. 1. *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* - Articles, manifestos, theoretical essays and other works. 1913–1929. Moscow. Gilea. 1995. P. 41.
3. Ortega-and-Gasset J. *EHstetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow. Iskusstvo. 1991. P. 232.
4. Malevich K. *O novykh sistemah v iskusstve. Statika i skorost'. Ustanovlenie A* [On new systems in art. Statics and speed. The establishment of A] // K. Malevich. Works: in 5 volumes. Vol. 1. P. 159.
5. Malevich K. Works: in 5 vols. Vol. 2. *Stat'i i teoreticheskie sochineniya, opublikovannye v Germanii, Pol'she i na Ukraine* - Articles and theoretical writings, published in Germany, Poland and Ukraine. Moscow. Gilea. 1998. P. 113.
6. Malevich K. Works: in 5 volumes. Vol. 1. P. 123.
7. K. Malevich *Suprematizm* [Suprematism] // K. Malevich. Works: in 5 volumes. Vol. 1. P. 151.
8. Malevich K. *O novykh sistemah v iskusstve...* [On new systems in art...] P. 232.

Феномен красоты в материалистической эстетике

Статья посвящена анализу онтологии красоты. Достижения науки XIX–XX вв. породили оптимистические настроения относительно возможности познания мира. Подобные настроения привели ученых и философов к стремлению посмотреть на многие философские и, в частности, эстетические проблемы под новым углом зрения. В данной статье рассматриваются попытки ученых и философов взглянуть на понятие и феномен красоты через призму естественнонаучных методов (математических и статистических методов, а также достижений психофизиологии).

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что красота всегда была одной из важнейших эстетических категорий, а эстетика как раздел философии в каждом своем моменте развития исходит из наследия прошлых эпох, так как многие эстетические ценности со временем не устаревают.

The article is devoted to analysis ontological of the beauty. In XIX–XX centuries advances in science gave rise to optimistic mood in the possibility of knowing the world. These sentiments have led scientists and philosophers to the desire to look at the many philosophical and the aesthetic problems from new angle. This article discusses the attempts of scientists and philosophers take a look at concept of the beauty through the prism of natural science methods (mathematical and statistical methods and advances in psychophysiology).

Actuality of the problem caused by the fact that beauty has been one of the most important aesthetic categories and aesthetics is based from the legacy of past ages in every moment of its development, because aesthetical values don't become obsolete eventually.

Ключевые слова: материализм, эстетика, красота, эстетическая мера, Биркгоф, Чернышевский, Велямович, Китайгородский, идеал, действительность, статистика, математика, психофизиология.

Keywords: materialism, aesthetics, beauty, aesthetic measure, Birkhoff, Chernyshevsky, Velyamovich, Kitaigorodski, ideal, reality, statistics, mathematics, psychophysiology.

Универсальность прекрасного способствовала поддержанию постоянного теоретического интереса к сущностным проявлениям эстетического мироотношения. В истории культуры восприятие красоты рассматривалось через призму взаимоотношений объективного и субъективного, земного и божественного. Вопрос об основаниях прекрасного является сложным и дискуссионным. Обладают ли предметы и явления эстетическими свойствами? В какой мере феномен красоты зависит от особенностей человеческого восприятия? Какова «степень метафизичности» прекрасного? Окружающий нас материальный мир находится в постоянном движении, таким образом, эстетические свойства этого мира изменчивы, преходящи. Однако в разуме человека существует понятие о некоем постоянном и неизменном идеале, именно поэтому в философии и эстетике долгое время господствовали идеалистические концепции. Заметим, что чувство прекрасного можно анализировать не только в эстетическом, но также в психологическом и физиологическом плане. Обычно эстетика и физиология рассматриваются вместе для противопоставления, а попытка естественнонаучного анализа эстетических проблем вызывает опасения в возможной «смерти» искусства.

Рассматривая проблему красоты, философы-эстетики зачастую обходят стороной достижения психофизиологии. В свою очередь, ученые пренебрежительно относятся к эстетике, обвиняя её в расплывчатости определений и критериев.

Научные открытия второй половины XIX в. способствовали укреплению материалистических концепций. Это привело, в свою очередь, к стремлению найти материалистическое основание объективной красоты. Однако философы и ученые зачастую забывали о достижениях предшественников (философов, эстетов прошлого), предпочитая только опыт современников. В связи с этим их исследования по данной проблеме часто оказывались односторонними и даже субъективными.

В настоящей статье предлагается анализ разнообразных подходов к определению феномена красоты и её онтологических оснований.

На сегодняшний день попытки применить естественнонаучные методы к изучению эстетических проблем сравнительно немногочисленны. Одним из первопроходцев на этом поле был аме-

риканский математик Дж. Биркгоф. Он считал, что эстетическое наслаждение зависит от гармонических взаимосвязей в системе воспринимаемых объектов. Математик разработал формулу $M = O/C$, где M – эстетическая мера предмета, O – упорядоченность, или мера числа закономерностей в изображении, а C – сложность, то есть число элементов, из которых состоит изображение. Суть этой формулы в том, что с увеличением сложности системы возрастает и её упорядоченность. Иначе говоря, простая система может быть прекрасна, она может доставлять человеку наслаждение даже будучи неупорядоченной, но, с повышением сложности системы, хаотичность начинает вызывать неприятие и отвращение. Любой раздражитель вызывает наслаждение, если в результате его действия изгоняется случайность, убывает энтропия, уменьшается уровень шума. Если попробовать пояснить эту мысль на более конкретном примере, то поэзия не может быть прекрасной без строгого соблюдения метрики и других законов стихосложения, то есть нам будет наиболее приятно сложное стихотворение, написанное с учетом правил стихотворного размера.

Однако другой позиции по этому вопросу придерживался английский зоолог и художник Д. Моррис. Он утверждал, что совершенный стихотворный размер монотонен и просто невыносим. Именно поэтому поэты и обратились к свободному стиху, а современные художники все дальше и дальше отходят от геометрических пропорций окружающего мира. Здесь получается, что прекрасным произведение искусства можно считать лишь тогда, когда оно отдалается от природы.

Говоря об использовании естественнонаучных методов в исследовании эстетических проблем, стоит упомянуть и об идеях советского физика А. И. Китайгородского, который стремился дать определение «объективной красоте». Для достижения поставленной задачи он предлагал активно использовать в эстетике методы математической статистики. Он сравнивал эстетическую оценку некоего произведения с судейскими оценками на спортивном состязании: мозг сравнивает имеющуюся ситуацию с множеством аналогичных виденных ранее вариантов. Таким образом, ученый призывал использовать статистический опыт для эстетической оценки. «Красота... становится эмпирическим понятием, а оценкой красоты – случайная величина, являющаяся предметом статистического изучения» [1].

По мнению Китайгородского, необходима экспериментальная проверка, «выяснение вкуса широкого круга людей в отношении любых предметов, явлений, признаков» [2]. Проведение анкетирования среди различных групп населения, распределенных по социальному положению, по национальности и т. д., а затем усреднение значений и составление графиков. Как считал ученый, данный эксперимент – это единственный способ дать определение понятию «красота». Таким образом, само понятие «красота», по мнению Китайгородского, приравнивается к степени «нравится» и имеет лишь статистический смысл. Точка зрения ученого не представляется достаточно убедительной, ведь если допустить, что мне и еще некой, достаточно большой, группе людей нравится сочетание черного и золотого цветов, то можем ли мы считать данное сочетание объективно прекрасным? И даже если мы признаем подобное сочетание цветов объективно прекрасным, то как нам быть с категорией людей, которые испытывают, допустим, отвращение к этим цветам?

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что формализация и математизация, характерная для рассмотренных нами ученых Биркгофа и Китайгородского, ведет к чрезмерному упрощению мира и, в частности, мира эстетической реальности. Подобные тенденции высмеивались еще французским философом Вольтером и даже профессором математики и автором «Алисы в стране чудес» Л. Кэрроллом. Математические символы создают всего лишь иллюзию мнимой точности, обманчивую видимость научной строгости. Рассмотренные учения односторонне подходят к изучению эстетических проблем, в своих попытках определить объективную красоту они упускают такую простую, но крайне важную деталь: человек – это существо субъективное, его чувства субъективны, соответственно и видение прекрасного также субъективно. В то же время человек – это существо социальное, в которого с рождения закладываются определенные представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном. Многообразен мир красоты, исследуя его, не следует пренебрегать социально-биологическими факторами.

Попытки учесть данные факторы неоднократно предпринимались русскими философами и учеными. Одним из первых русских философов, бросивших вызов идеалистическим концепциям в эстетике, был Н. Г. Чернышевский. В своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» он пытался создать систему эстетических взглядов, основанных на материалистической философии и демократических идеалах. Прекрасное, по Чернышевскому, держится в самой действительности. «Прекрасное есть жизнь...» [3] Окружающая нас действительность несоизмеримо выше любой нашей фантазии. Позже В. С. Соловьёв указывал еще на одно положение в теории Чернышевского – объективную реальность красоты в природе. Кроме этого здесь раскрывается диалектическая природа прекрасного: субъективное связывается с объективным. Дабы продемонстрировать данное положение, Чернышевский приводит пример, в котором

связывает идеалы красоты с социальными факторами. «Прекрасное – это все, в чем проявляется наш идеал, цель и предмет наших желаний и нашей любви» [4]. У каждого сословия, класса свои собственные представления об идеалах, красоте и хорошей жизни, «простолюдин и член высших классов общества понимают жизнь и счастье жизни неодинаково» [5]. Одновременно с этим Чернышевский указывал на зависимость эстетических идеалов от особенностей жизненного уклада различных наций, а также на историческую относительность прекрасного. Время идет, эпохи сменяют друг друга, а вместе с ними сменяются и идеалы. То, что доставляло нам эстетическое наслаждение сегодня, уже на следующий день может стать недостаточным, «завтра будет новый день, с новыми потребностями, и только новое прекрасное может удовлетворить их» [6].

Идеи Чернышевского оказали большое влияние на развитие материалистической эстетики в русской философии. Если у большинства представителей определенной группы населения эстетические вкусы и оценки совпадают, то, действительно, это значит, что восприятие у них оказалось сходным в силу воспитания, одинаковых социальных условий, привычек. Но восприятие от этого не перестало быть обусловленным психофизиологическими свойствами человека.

Одна из концепций, в которой была предпринята попытка учесть роль психофизиологии в формировании эстетического вкуса, в русской философии была описана эстетиком-позитивистом, представителем вульгарного материализма Вл. Ф. Велямовичем в работе, опубликованной в 1878 г., «Психо-физиологические основания эстетики». Данный трактат сразу же подвергся жесточайшей критике не только со стороны официальной печати, но и со стороны передового лагеря, с его материалистическими и демократическими настроениями. В частности, такая критика последовала со стороны историка искусства В. В. Стасова в статье «Новая эстетика». Это объясняет тот факт, что запланированная Велямовичем третья часть работы так и не вышла.

В своей работе философ стремился построить эстетическую теорию на основе научного материализма, как писал сам Велямович, избавить эстетику от всякой мистики. В частности, он в своей философии пытался уйти от понимания души как некой идеальной субстанции, сводя её к простому свойству человеческого тела. Он свел понятие красоты к полезности и наслаждению. Здесь в противовес этому мнению можно вспомнить, как впоследствии В. С. Соловьёв в работе «Красота в природе» писал о несводимости красоты к полезности, что красота есть безусловная ценность. Почти сто лет спустя с резкой критикой труда Велямовича выступил и доктор медицинских наук, поэт Л. С. Саямон в статье 1968 г. «О физиологии эмоционально-эстетических процессов». Он пишет: «Велямович говорит о физиологическом значении широкого таза, женской полноты и т. д. и даже о том, что дамам полезна “относительно меньшая вместимость” черепной коробки. “Женское строение черепа (малая вместительность), строение лба (низкий лоб) и женственное выражение лица, – писал В. Ф. Велямович, – представляют внешнее выражение относительной бедности интеллекта; ...но ...очевидно, женщина в нем вовсе не нуждалась; высокое интеллектуальное развитие не только не представляло бы для нее никакой непосредственной полезности, но принесло бы даже вред, так как непроизводительная затрата жизненных сил на высокое умственное развитие... поглотила бы тот избыток органических сил, который мог быть направлен на производство более сильного потомства”. Тезис В. Ф. Велямовича о том, что мужчинам нравятся глупые женщины, извывает от необходимости анализировать другие положения этой работы» [7].

В целом нам представляется данная точка зрения Саямона заслуживающей внимания, но все-таки необходимо рассмотреть труд Велямовича несколько более подробно. Если предположить, что красота есть полезность, то может возникнуть вопрос: почему у людей разные идеалы красоты? Данную проблему Велямович решал очень схоже с Н. Г. Чернышевским. Философ-позитивист утверждал, что понятие полезности, а значит, и красоты меняется в зависимости от социального положения, пола, национальности и т. д. «Если сравнить... красивую крестьянку с... красивой барышней, то окажется, что то, что составляет красоту одной, в высокой степени вредит красоте другой, и наоборот» [8]. Аристократке нет необходимости в развитой мускулатуре, ибо она не занимается тяжелым трудом, а её пальцы «более пригодны для нежной и мелкой работы» [9], если бы у неё были толстые пальцы, то это мешало или даже вовсе не позволяло заниматься подобной деятельностью, а значит, было бы вредно для неё.

Далее Велямович обращается к различию в идеалах красоты у разных народов. Это он также объясняет через понятие полезности. Для северных народов, приводит пример Велямович, полезным и важным для выживания признаком является низкий рост, так как малое тело требует меньшее количество теплоты, и, как результат, идеалом красоты также становится низкий рост. Однако здесь же философ отмечает, что, кроме полезных признаков, прекрасным могут быть и те признаки, которые не имеют никакой полезности для человека. Данные признаки бесполезны, но не вредны. Эти признаки в ходе естественного развития оказались случайно и неразрывно связаны с признаками полезными, «морфологические атрибуты национальной красо-

ты... не представляют никакой непосредственной (т. е. функциональной полезности), зато они неразрывно связаны с признаками полезными» [9]. Впрочем, далее Велямович делает вывод, что всякий признак красоты, так или иначе, обладает полезностью, если уж не «непосредственной» (то есть полезностью для всего животного рода), то, по крайней мере, «посредственной» (то есть полезностью для конкретного индивида).

Некоторые живые существа обладают признаком, который может стать причиной их гибели. Здесь Велямович приводит пример с бабочками, летящими на огонь и в результате погибающими. Может показаться, что стремление к свету у бабочки – это признак исключительно вредный, но философ утверждает, что он необходим для выживания вида. Через сравнение этой черты бабочек с человеческой цивилизацией он приходит к выводу, что у наций может встречаться признак, ведущий данную нацию к гибели. Однако данный признак не является вредным, по мнению Велямовича. Нация – это всего лишь часть человечества. Нация «подчинена» человечеству. Таким образом, смерть нации – необходимая жертва для существования человечества. И данный признак не является вредным, он – полезен, полезен для нации как части всего человечества.

Здесь нам представляется ряд вопросов: как именно смерть некой конкретной нации может быть полезна человечеству? Какие признаки могут вести к таким печальным последствиям, как смерть целой цивилизации? К сожалению, данный вопрос так и остается без ответа. Никаких конкретных примеров или пояснений здесь Велямович не дает. Данная идея Велямовича является несостоятельной, а сравнение бабочки и нации абсурдно по своей сути. Когда бабочка летит на огонь из-за своего стремления к свету, которое необходимо для выживания бабочек вообще, то умирает данная конкретная бабочка, а не целый вид, так и с человеческим обществом – из-за подобных признаков умирает конкретный индивид, а не целая нация.

Продолжая тему национального идеала красоты, можно вспомнить, что у некоторых народов существуют довольно специфические представления о красоте. Так, например, женщины падаунг носят «кольца» на шее, тем самым удлиняя её, подобная операция может быть вредна, у падаунг считается, что длинная шея – это признак красоты и благополучия. У китайцев идеалом красоты, среди прочего, является миниатюрная ножка, обладательница которой неспособна самостоятельно ходить. Отсюда возникает вопрос: если некий народ, по Велямовичу, видит некую красивую внешность в соответствии с её полезностью для него, то зачем создаются совершенно бесполезные, даже более того – вредные, для народа вообще и человека в частности, идеалы красоты? Предвидя подобный вопрос, автор «Психо-физиологических оснований эстетики» заявляет, что подобное противоречие является мнимым и выделяет два вида красоты: «нормальная красота» и «искажение природного вкуса». Под «искажением природного вкуса» философ-позитивист подразумевает «преувеличение атрибутов нормальной красоты» [11]. В то время как нормальная красота полезна, преувеличение её всегда вредно. Однако введение нового термина не является достаточным, и противоречие, с которым столкнулся Велямович, сохранилось.

Рассматривая далее индивидуальные представления о красоте, Велямович отталкивается от идей Эдуарда фон Гартмана и Артура Шопенгауэра. Любовь, по Велямовичу, – это чувство, которое может возникнуть только к такому представителю вида, который соответствует представлениям о красоте данного индивида. Эти представления опять же зависят от наибольшей полезности. Таким образом, в основе любви лежит принцип полезной бессознательно цели, коей является «наиболее совершенное потомство» [12].

Затрагивая музыку, Велямович взял за основу теорию Гельмгольца. По мнению философа, прекрасным звуком для человека является гармоничный сложный звук, так как именно такой звук активирует огромное множество нервных клеток, что, соответственно, является полезным для организма. Дисгармоничные же звуки, которые для нас вредны, не могут быть прекрасны. Таким образом, прекрасное – «полезное, полезность которого выражается сложной совокупностью оптических и акустических признаков» [13]. Эстетическое же чувство, по мнению Велямовича, есть «сложная совокупность ощущений утилизации полезностей, сопровождаемая столь же сложной совокупностью наслаждений».

Хотя идея связи «физиологической полезности» воспринимаемого объекта и чувства красоты достаточно интересна, однако аргументация её Велямовичем, как мы могли увидеть ранее, имеет много слабостей и достаточно софистична по своей сути. К тому же данная теория является сама по себе крайне односторонний взгляд на проблему. Нельзя свести красоту к одной лишь биологической целесообразности.

Хотя эстетическое восприятие в значительной мере обусловлено социально-исторически, но социальные факторы влияют на формирование эстетических критериев лишь через мозг каждого отдельного человека в каждом конкретном случае. Именно поэтому решение чисто эстетических проблем требует знания закономерностей работы мозга.

Данная статья не претендует на полноту описания и объяснения всех аспектов проблемы. Несмотря на односторонность рассмотренных в настоящей статье концепций, следует отметить их важность для развития эстетики. Лишь синтез различных, в том числе и противоположных, суждений и использование самых разнообразных методов могут дать лучшее понимание онтологии красоты, приблизить нас к бесконечному идеалу истины.

Примечания

1. Биркгоф Г. Математика и психология / пер. с англ., предисл. Г. Н. Поварова. М.: Сов. радио, 1978. С. 111.
2. Там же. С. 112.
3. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения / авт. вступ. статьи и коммент. У. А. Гуральник. 2-е изд. М.: Искусство, 1978. С. 68.
4. Там же. С. 240.
5. Там же. С. 236.
6. Там же. С. 108.
7. Содружество наук и тайны творчества: сб. ст. / под ред. Б. С. Мейлах. М.: Искусство, 1968. С. 289.
8. Велямович Вл. Ф. Психо-физиологические основания эстетики. Сущность искусства, его социальное значение и отношение к науке и нравственности. (Новый опыт философии искусств). Ч. первая и вторая. СПб.: Тип. Л. В. Фомина, 1878. С. 17.
9. Там же. С. 18.
10. Там же. С. 25.
11. Там же. С. 33.
12. Там же. С. 31.
13. Там же. С. 49.

Notes

1. G. Birkhoff *Matematika i psihologiya* [Mathematics and psychology] / transl. from English, preface by G. N. Povarova. Moscow. Sov. radio. 1978. P. 111.
2. Ibid. P. 112.
3. Chernyshevsky N. G. *Izbrannye ehsteticheskie proizvedeniya* [Selected aesthetic works] / author of preface and comments. W. A. Guralnik. 2nd ed. Moscow. Iskusstvo. 1978. P. 68.
4. Ibid. P. 240.
5. Ibid. P. 236.
6. Ibid. P. 108.
7. *Sodruzhestvo nauk i tajny tvorchestva: sb. st.* - Commonwealth of science and the secrets of creativity: collection of articles / ed. by B. S. Meilakh. Moscow. Iskusstvo. 1968. P. 289.
8. Velyamovich Vl. F. *Psiho fiziologicheskie osnovaniya ehstetiki. Sushchnost' iskusstva, ego social'noe znachenie i otnoshenie k nauke i npravstvennosti. (Novyj opyt filosofii iskusstv)* [Psycho-physiological basis of aesthetics. The essence of art, its social significance and relation to science and morals. (New experience philosophy of the arts)]. Pts. first and second. SPb. Typ. of L. V. Fomin. 1878. P. 17.
9. Ibid. P. 18.
10. Ibid. P. 25.
11. Ibid. P. 33.
12. Ibid. P. 31.
13. Ibid. P. 49.

Художественное время в телерепортаже

В статье представлен анализ визуальной информации в виде телерепортажа. Уделяя существенное внимание времени как одному из средств выразительности при рассмотрении новостного материала, автор акцентирует внимание на хронологической последовательности видеокадров при формировании образа события, анализирует топологические свойства времени и раскрывает проблемы восприятия времени реципиентом в телевизионном коммуникативном пространстве.

In article the analysis of visual information is presented in the TV report form. Paying essential attention to time as to one of means of expressiveness by consideration of news material, the author focuses attention on chronological sequence of the video footage when forming an image of an event, analyzes topological properties of time and opens problems of perception of time the recipient in television communicative space.

Ключевые слова: время, восприятие, информация, монтаж, репортаж, телевидение.

Keywords: cutting, installation, information, perception, reporting, television, time.

Телевизионный процесс создания образа при использовании творческих приемов значительно отличается от простой фиксации реальности. Согласимся с высказыванием Кракауэра, что в первых документальных фильмах съемка события едва ли поднималась выше уровня регистрации некоего аспекта нашей действительности. Но то наваторское, что было приемлемо в начале прошлого столетия, сегодня стало менее значительным в работе репортеров. Сложившаяся ситуация обусловлена созданием нового коммуникативного пространства. «Телевидение не столько сократило ощущение расстояния, сколько сконцентрировало время» [1], отмечает профессор Н. И. Утилова. Соответственно этому изменились смысл и содержание взаимодействия телевидения со зрителем, трансформировались средства художественной выразительности. Одним из таких средств является время. Трудно представить себе кинематографическое произведение без ощущения протекающего в кадре времени, говорится в воспоминаниях А. Тарковского [2]. Впрочем, и телевизионный репортаж невозможен без функции времени, что отличает его от фотографии как *мгновенного слепка объекта*, который, по словам Андре Базена, дает возможность *запечатлеть его след во времени* вследствие движения. А движение, как замечал еще Аристотель, идентифицирует время. Событие завязано на движении, в том числе и видеоленты. Все происходящее в рамках репортажа также течет во времени, даже стоп-кадр. Время, «фиксирующее» не только наличие предметов, но и событий, является одной из основных характеристик телерепортажа. Бесспорно, экранное время, значительно отличаясь от реального, имеет границы протяженности, определяемые часом, днем, месяцем или годом и обозначенные или не обозначенные конкретным историческим периодом. Категория времени применительно к телевизионному репортажу может быть рассмотрена и с иных позиций. Следует различать время повествовательное как длительность рассказа (в телевизионных новостях – длительность репортажа) и время как длительность процесса, о котором идет речь, например спортивного мероприятия. Внутренний мир репортажа обладает своей продолжительностью, которую именуют временем телевизионного материала. Она состоит из отдельных состояний этого мира и интервалов между ними. На этой основе репортер создает внутреннее время телевизионного материала, заполняя объем репортажа «событием».

В телевизионной практике время структурировано как в съемочном, так и в последующих творческих процессах. Оно, как *быстроходная река* у Овидия, течет *не подвластно чему-либо*, что, с одной стороны, в полной мере относится к телевизионному репортажу, а с другой – отнюдь не ко времени внутри самого репортажа. Внутреннее время разнородно. Его функции, как прямая, так и второстепенная, проявляют этот феномен в телевизионном репортаже на разных уровнях. Отсюда результат монтажа можно принять как некое вторжение в «пространство» времени телерепортажа, состоящее из линии времени в его объеме.

Длительный период новостной материал «собирали» по схеме: начало, развитие, кульминация, – то есть строго в хронологической последовательности протекания события. Но впоследствии, в том числе и для усиления динамики, автором репортажа преднамеренно стала изменяться вышеуказанная временная последовательность видеок кадров события. Без искажения смысла происходящего сюжет стал разворачиваться с конца события или с любого значимого места. Материал с инаугурации мэра Москвы [3] на телеканале «Россия 1» начинался с момента церемонии, когда градоначальником произносилась присяга. Далее в репортаже автор подробно раскрыл ход торжественного события. Телеобозреватель П. Зарубин показал событие в новом ракурсе восприятия. Выбрав нестандартный ход повествования, репортер ни в коем случае не нарушил хронологическое ощущение события – наоборот, только подчеркнул значимость и торжественность происходящего. В связи с этим на теоретической конференции в рамках Международного фестиваля нового документального кино О. В. Иорданиди привела цитату О. М. Брика: «В хронике каждый отдельный кусок понятен и закончен в себе. От перестановки кусков в хроникальной фильме меняется только легкость и удобочитаемость всего материала, но смысл самого материала от этого не зависит» [4].

Тем не менее стоит остановиться и на другом типе репортажа [5], в котором выстраивалась сюжетная нить того же события в классической форме временной последовательности. Ключевые моменты мероприятия отражались строго в том порядке, как они проходили в реальности. Такое построение занимает бесспорное место в информационном телевидении и еще раз подтверждает наличие собственного индивидуального стиля у творческой личности. Нестандартная хронологическая последовательность сегментов того или иного интерпретированного события указывает также и на решение проблемы однообразности. Импровизировать, как говорил Михаил Ромм, на телевидении возможно, и возможно с очень широким привлечением автора [6]. Однако телевизионный репортаж завязан на прямой поступательности потока времени, вектор которого всегда направлен вперед. В этом случае течение времени можно сравнить с условной линией времени репортажа, по которой идет человек. Если он пойдет назад – событие будет отождествляться с демонстрацией изображения на экране с минусовой скоростью (спортсмен выпрыгивает из воды обратно на вышку). Бег вперед или назад сопоставляется с ускоренным показом, а противоположный эффект соответствует медленной ходьбе. Важно зафиксировать, когда в структуре репортажа происходит скачок вперед или назад по временной линии, что создаст впечатление действия «неведомой» силы, перемещающей пешехода или бегуна. Главное заключается в том, что в какую бы точку на виртуальной трассе телевизионного репортажа условный человек не попал, он всегда будет продолжать идти вперед. Такова основная отличительная черта поступательности времени, сохраняющая свои функциональные особенности в телевизионном репортаже.

Вместе с тем художественное время в репортаже на основании своих топологических свойств может как сжиматься, так и растягиваться, а в отдельных случаях даже идти в обратном направлении. Оно также может быть прерывистым и объединять в одно целое на экране разные хронологические слои. М. Ахундов в своей книге «Концепция пространства и времени» подчеркивает, что еще Августин Аврелий дал четкую установку: течение времени представляет собой не физическую, а психологическую реальность [7]. Мыслительный процесс занимает определенную длительность, так как происходит во времени, как и любое действие. «Ведь мы вместе ощущаем и движение и время; и если даже темно и мы не испытываем никакого воздействия на тело, а какое-то движение происходит в душе, нам сразу же кажется, что вместе с тем протекало и какое-то время», говорил Аристотель [8]. Как справедливо отмечает Г. Рейхенбах, «процессы мышления имеют протяженность во времени, и нам нельзя избавиться от этого неумолимого потока, который непрерывно течет от прошлого через настоящее к будущему» [9]. В зависимости от того, насколько интересна и значима для зрителя поступающая информация, телевизионный материал может «пролететь» за мгновение или длиться целую вечность. Мы не думаем о времени, когда творческий процесс захватывает нас. Как не вспомнить здесь слова Николая Бердяева: «Наше отношение к времени целиком меняется в зависимости от творчества. Если забота, по Гейдеггеру, овременяет бытие, то творчество может освобождать его от власти времени» [10]. Иными словами, в нашем сознании время пластично. Составление видеоряда репортажа и есть процесс изменения длительности материала в ощущениях зрителя при его просмотре. Следовательно, смысловая нагрузка визуальной составляющей репортажа воздействует на реципиента и меняет ощущение времени в его сознании. Далее происходит обратная взаимосвязь. Функция времени формирует образ объекта в процессе создания материала, а затем уже образ создает ощущение времени у зрителя.

Резюмируя, можно констатировать: проекция зрительского времени дает качественную оценку материалу, где функция времени участвует как в созидании образа, так и в его влиянии на реципиента. «Время образа» качественно переходит во «время зрительского ощущения». Со-

временное телевидение немислимо вне временной составляющей на отрезке: формирование образа – его созерцание. Ведь еще Кант относил время к необходимому представлению, лежащему в основе всех созерцаний [11].

Примечания

1. Утилова Н. И. Телевизионное пространство и время. Эстетическая роль монтажа. М.: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2000. С. 32.
2. Андрей Тарковский: Арх., док., воспоминания / авт.-сост. П. Д. Волкова. М.: Подкова: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 224.
3. Телеканал «Россия1», программа «Вести», Российская Федерация, телевизионный репортаж: «Инаугурация мэра Москвы», авт. П. Зарубин, телевизионный эфир 12.09.2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1129018&tid=103594>
4. Иорданиди О. Э. Шуб и монтаж исторической хроники (новаторство Э. Шуб в контексте «Теории факта» ЛЕФа) / Конференция / М.: Международный фестиваль документального кино «Флаэртиана», 2000, [электронный-ресурс], 03.11.2013. URL: <http://flahertiana.ru/2000/conference/p6.php>
5. Телеканал «Первый канал», программа «Время», Российская Федерация, телевизионный репортаж: «Инаугурация мэра Москвы», авт. П. Краснов, телевизионный эфир 12.09.2013. URL: <http://www.1tv.ru/newsvideoarchive/pd=12.09.2013>
6. Ромм М. И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Теория, критика, публицистика. М.: Искусство, 1980. С. 436.
7. Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. С. 133.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3, гл. 11. М.: Мысль, 1981. С. 148.
9. Рейхенбах Г. Направление времени / пер. с англ. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 11.
10. Бердяев Н. А. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 322.
11. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 135.

Notes

1. Utilova N. I. *Televizionnoe prostranstvo i vremya. EHsteticheskaya rol' montazha* [Television space and time. Aesthetic role installation]. Moscow. Institute of improvement of professional skills of workers of television and radio broadcasting. 2000. P. 32.
2. *Andrej Tarkovskij: Arh., dok., vospominaniya* - Andrey Tarkovsky: Arch., Doc., memories / ed.-comp. P.D. Volkov. Moscow. Podkova: EKSMO-Press. 2002. P. 224.
3. Channel "Rossiya1", the program "Vesti", Russian Federation, TV report: "Inauguration of the mayor of Moscow", ed. P. Zarubin, television broadcast of 12.09.2013. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1129018&tid=103594> (in Russ.)
4. Iordanidi O.E. *SHub i montazh istoricheskoy hroniki (novatorstvo EH. SHub v kontekste «Teorii fakta» LEFa)* [Shub and installation of historical Chronicles (innovation of E. Shub in the context of "Theory of fact" of LEF)] / Conference / Moscow. international documentary film festival "Flahertiana", 2000, [electronic resource], 03.11.2013. Available at: <http://flahertiana.ru/2000/conference/p6.php>
5. The TV channel "Pervy kanal", program "Vremya", Russian Federation, TV report: "Inauguration of the mayor of Moscow", ed. P. Krasnov, television broadcast 12.09.2013. Available at: <http://www.1tv.ru/newsvideoarchive/pd=12.09.2013> (in Russ.)
6. Romm M. I. Selected works: in 3 volumes Vol. 1: *Teoriya, kritika, publicistika* - Theory, criticism, journalism. Moscow. 1980. P. 436.
7. Akhundov M. D. *Koncepciya prostranstva i vremeni: istoki, ehvolyuciya, perspektivy* [Concept of space and time: sources, evolution and prospects]. Moscow. Nauka. 1982. P. 133.
8. Aristotle. Works in 4 volumes, volume 3, Chapter 11. Moscow. Mysl. 1981. P. 148.
9. Reichenbach G. *Napravlenie vremeni* [Direction of time] / transl. from Eng. Ed. 2nd, ster. Moscow. Editorial URSS. 2003. P. 11.
10. Berdyaev N. A. *Duh i real'nost': Osnovy bogochelovecheskoj duhovnosti. YA imirob"ektov: Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya* [Spirit and the reality: foundations of a divine and human spirituality. Me and world of objects: the Experience of philosophy of loneliness and communication]. Moscow. AST: AST MOSKVA: KHRANITEL. 2007. P. 322.
11. Kant I. Works: in 6 vols. Vol. 3. Moscow. Mysl. 1964. P. 135.

Проблема существования закона в биологии в контексте неклассической научной картины мира

В данной статье анализируется дискуссия вокруг проблемы существования закона в биологической картине мира. Появление возможности предсказания, исследований потенциальности на основе закономерности привело к применению методов моделирования живых систем и процессов, однако эта тенденция связана не только с появлением новых технических возможностей, но и с изменениями мировоззренческого и методологического характера. Особенности понимания закона в неклассической биологической картине мира рассматриваются в контексте установок неклассической научной картины мира, к которым относятся эволюционизм, признание роли случайных факторов, вероятностно-статистических закономерностей и т. д. Формулирование закона в биологической картине мира непосредственным образом связано с поиском инвариантного, закономерностей в изменчивости и созданием моделей того, как дальше может развиваться закономерность.

This paper analyzes the debate around the issue of the existence of the law in the biological world picture. Seizing the opportunity to predict, on the basis of studies of potential patterns, led to the use of modeling methods and processes of living systems, but this trend is not only connected with the emergence of new technological opportunities, but also to changes in the ideological and methodological. Features understanding of the law in a non-classical biological world view considered in the context of non-classical setting of the scientific world, which include the theory of evolution, the recognition of the role of random factors, probabilistic and statistical laws, etc. Formulation of the law in the biological world view is directly related to the search invariant, variability and patterns in the creation of models of how more can develop a pattern.

Ключевые слова: научная картина мира, биологическая картина мира, биологический закон, инвариантность, воображаемая биология.

Keywords: scientific view of the world, the biological world view, a biological law, invariance, imaginary biology.

В XX в. в биологической картине мира произошел ряд изменений онтологических и гносеолого-методологических установок, которые связаны с развитием молекулярной биологии и работой по обобщению данных об организменном и надорганизменном уровнях организации жизни и коррелируют с формированием неклассического типа науки: «Неклассическая наука формируется с 30-х гг. XIX в. по 40–50-е гг. XX в. и представляет собой целостность основных подсистем науки (неклассической математики, неклассического естествознания и неклассической социально-гуманитарной науки), являясь новым этапом в развитии науки в сравнении с классической наукой» [1]. Для неклассической научной картины мира характерно замещение механического объяснения и обоснования на требование непротиворечивого математического описания объекта исследования. Эта область научных интересов может рассматриваться как иррациональная с точки зрения классической научной рациональности, поскольку язык математики позволяет конструировать как детерминистские, так и случайные процессы. С точки зрения классической научной рациональности законы природы отражают необходимые связи между явлениями и процессами объективного мира. Для неклассического типа рациональности характерно признание объективного характера случайных связей в природе и обществе, которые с необходимыми связями образуют неразрывное диалектическое единство. Таким образом, объективным онтологическим основанием изучаемой реальности становится не только «порядок», но и хаос и неопределенность, что приводит к включению в научное описание как причинное обусловливание, так и функциональный, системный, целевой типы детерминации.

Одной из основных тенденций современной науки является интеграция, так, взаимодействие биологии с математическими и техническими науками способствовало тому, что широко стал применяться метод моделирования живых систем и процессов, что привело к постановке философско-методологической проблемы соотношения традиционных методов, которые были на-

правлены на историческое и сравнительное описание, и современных методов в биологических науках, в которых взаимосвязанно представлены эксперимент и математическое моделирование, в чем находят приложение информационно-кибернетические понятия и модели. Трансформации, произошедшие в биологической картине мира в XX в., касаются смены контекста описания на контекст объяснения и предсказания, появляется возможность предсказания, исследования инвариантности и потенциальности на основе закономерности, что связано с изменением понимания специфики биологического закона в контексте формирования неклассической, «воображаемой» биологии. В статье «Воображаемая или невообразимая биология» С. Мейен ставит вопрос о «потенциальных» формах живого в связи с вопросом – а что есть закон в биологии. Обратимся к тому, что представляет собой закон в современном научном познании. В. И. Кашперским закон в научном познании определяется как выражение необходимого и общего отношения между наблюдаемыми явлениями, как своеобразный «фильтр», который осуществляет отбор и тем самым создает условия для технико-технологических изменений, а научный язык – как средство, упорядочивающее многообразие внешних впечатлений [2]. С. Мейен знание законов связывает со знанием запретов: «Мы очень много знаем такого, что разрешила организмам природа, но пока не можем ясно и недвусмысленно дать перечень того, что запрещено и принципиально быть не может... Закон природы очерчивает не только то, что есть или может быть, но и то, чего быть не может» [3]. То есть в соответствии с законом что-то либо возможно, либо обязательно, либо категорически запрещено.

Начало дискуссий по проблеме существования законов в биологии связано с 60–70-ми гг. XX в., после выхода работы австралийского философа Дж. Смарта (J. J. Smart) «Философия и научный реализм» [4]. Дж. Сمارт выступил с решительным заявлением о том, что называемое законами в биологии не являются таковыми. Он сделал этот вывод на том основании, что выдвинул два минимальных требования к тому, что может быть названо «настоящий закон» науки. Закон должен отвечать, во-первых, условию «неограниченной всеобщности», во-вторых, не должен содержать в себе ни в явном, ни в скрытом виде ссылок на какие-то конкретные объекты (в пространстве и времени), а объекты биологии, напротив, специфическим образом относятся только к объектам в земных условиях. На это важное методологическое отличие биологии от других наук указывал также один из первопроходцев в области применения кибернетики в биологии – М. Аптер, который пишет, что стремления таких наук, как физика и химия, направлены на формулировку общих законов, общность которых настолько широка, что охватывает как действительное, так и возможное, биологические законы, напротив, жестко ограничены рамками действительного. По М. Аптеру, биолог изучает только то, что может быть охарактеризовано как действительное состояние живых существ: «Он имеет дело с реальными организмами в конкретном пространственно-временном окружении, и поэтому его возможности в значительной степени сведены лишь к описанию, и общность для него состоит лишь в классификации» [5]. Однако М. Рьюз в работе «Философия биологии» пишет о своем видении методологической направленности в биологической картине мира: «...в биологии есть какое-то место для будущих причин, – все дело в том, что глаза и яйца появляются прежде зрения и птенцов и являются их причиной... мы пытаемся понять мир, обращаясь к будущему, а не к прошлому» [6].

Справедливой представляется точка зрения Н. В. Бряник, согласно которой «предметность в разных областях науки формировалась в острой полемике несхожих методологий, зачастую диаметрально противоположных» [7]. Так, в 70-е гг. XX в. М. Рьюз в своей работе «Философия биологии» детально рассматривает все аргументы Дж. Смарта, поскольку их принятие приведет к тому, что «нам придется тогда довольствоваться тем, что биология – наука иного рода, чем физика и химия, причем слова «иного рода» в этом случае будут заменять слова «второго сорта». К счастью, однако, представляется возможным доказать, что Дж. Сمارт ошибается во всех своих основных утверждениях по данному поводу» [8]. Обратимся к системе доводов М. Рьюза, поскольку она позволяет обозначить специфику понимания закона в биологической картине мира. М. Рьюз, задаваясь вопросом о том, что есть закон природы и что отличает его от прочих высказываний, отмечает, что, согласно традиции логического эмпиризма, закону природы присущи следующие требования – закон должен быть истинным, всеобщим, неаналитическим высказыванием. Однако уже у И. Канта субъект познания конституирует мир явлений, что привело к пониманию мира объектов научного знания как некой сконструированной чувствами и рассудком реальности. То есть реальность, о которой утверждает исследователь, – это не действительность как она есть сама по себе, что утверждалось в контексте классической науки, но и не то, что вводится самим сознанием: «...понятие “реального” снимает оппозицию субъективного/объективного, являясь ни тем, ни другим, но одновременно и тем, и другим вместе взятыми» [9]. М. Рьюз приходит к выводу о том, что физические законы могут рассматриваться как приближенно истинные, зачастую они содержат исключения. Справедлива осуществленная им

постановка под вопрос критерия неограниченной всеобщности Дж. Смарта: «Для определения закона через критерий неограниченной всеобщности есть очевидное препятствие – невозможность практической проверки... Во-вторых, следует упомянуть, что, хотя большинство определений того, что такое закон, включает в качестве необходимого условия требование истинности, это условие, строго говоря, не выполняется почти ни одним законом (то есть не применимо ни к одному высказыванию, называемому “законом”). Ни закон Бойля, ни закон Снелла не сохраняют истинности при любых условиях» [10]. М. Рьюз также отмечает, что законам присуща своего рода «эволюция», то есть им присуще изменение, а также то, что законы действуют в определенных пределах и с определенной степенью приближения. Эти ограничения, несмотря на то что они игнорируются, необходимо должны быть признаны и в физике. Анализируя второе условие, выдвинутое Дж. Смартом, М. Рьюз настаивает на том, что в физике «законами» называют и то, что может быть отнесено к частным объектам.

На основании осуществленного анализа М. Рьюз опровергает мнение Дж. Смарта, согласно которому менделевские законы не являются подлинными законами. Более того, он считает, что небольшая часть утверждений естественных наук способна отвечать критерию неограниченной всеобщности в его ослабленном варианте. М. Рьюз подмечает такую черту законов Менделя, которой обладает не каждый закон в физических науках: «В отличие, например, от закона Бойля они суть статистические законы. Они говорят нам о вероятностях наступления тех или иных событий (например, “ген передается с вероятностью 50%”), а не об их неизбежности. Статистические закономерности есть и в физике (например, “период полураспада радона равен 3,82 суток”). Таким образом, и в этом случае существование статистических законов в биологии само по себе не может быть основанием для отмежевания биологии от других наук» [11]. В начале XXI в. такие исследователи, как С. Митчелл, Дж. Вудворд и др., также приходят к выводу, что законы биологии – это законы, которые имеют полное право на существование, поскольку являются инвариантами. Однако отметим, что поиск инвариантного является поиском пребывающего в изменчивом, общего в единичном, существенного в являющемся, абсолютного в релятивном, более того, сама «физическая реальность отождествляется с инвариантами наблюдений, что ближе к берклианско-махистской позиции» [12]. В статье «Закон и объяснение в биологии» Дж. Вудворд пишет, что менделеевские законы так же, как и многие другие объяснительные обобщения, выработанные в специальных науках, имеют номологический характер. Он отмечает, что среди традиционных критериев законности только один – предположение от обратного – является абсолютно релевантным для вопроса или обобщение является инвариантным и тогда этот критерий нуждается в существенном переформулировании. Обобщение может рассматриваться как инвариант и, следовательно, иметь силу объяснения даже если оно обладает исключениями, даже если оно имеет ссылку на специфический объект и пространственно-временную локализацию, и даже если оно не является частью другой систематизированной и единообразной теории [13].

М. Рьюз считает, что в отличие от физических наук биология может заглянуть в будущее, когда она занимается функциями. В работах Э. Мейена появляются вероятностные формулировки, он отмечает, что нам неизвестны ни биологические законы, ни биологические запреты, поскольку ученые продолжают «находить у организмов структуры и функции, до того казавшиеся немыслимыми, значит, мы не знаем еще биологических законов» [14]. Попытки объяснить сферу живого с помощью физики и химии приводят к парадоксальным результатам: то, что является невозможным в неживой природе, оказывается возможным в живой. Э. Мейен предлагает единственный путь – построить «пространство логических возможностей», что позволит исследовать, как в нем распределено реализованное и каковы свойства мест, которые «незаняты». Проведенный анализ может не прояснить причину запрета, однако, указав, где сам запрет, позволит правильно сформулировать вопрос к природе, вскрыет проблему. Знание «пространства логических возможностей», по С. Мейену, может предотвратить появление необдуманных заключений. Так, в одних группах это «пространство» может реализоваться полностью, а в других – только частично. Анализируя методологию биологического исследования С. Мейен отмечает, что биолог, изучая действительное какой-то группы организмов, анализирует направление изменчивости какой-то части, находит закономерность в изменчивости и предполагает, как дальше разовьется эта закономерность. Данную мысленную конструкцию биолог использует ко всем членам группы и к другим группам. Результатом является то, что «мы неожиданно для себя узнаем, что природа отдает предпочтение одним магистралям изменчивости, редко ступает на другие и никогда не идет на третьи» [15]. Таким образом, метод моделирования становится реальной методологической установкой в биологической картине мира, что приводит к возможности предсказания, исследования потенциальности на основе закономерности, а становление неклассического типа науки позволило научно обосновать специфику законов развития и функционирования живых систем и возможности объяснения и прогнозирования процессов эволюции.

Примечания

1. Бряник Н. В. Понятие неклассической науки: толкование и временные рамки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 199.
2. Кашперский В. И. Закон. Законы науки // Эпистемы: сб. науч. ст. Вып. 5: Проблемы философии науки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 64, 75.
3. Мейен С. Воображаемая или невообразимая биология // Знание – сила. 1978. № 3. С. 47.
4. Smart J. J. *Philosophy of Scientific Realism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 53.
5. Антер М. Кибернетика и развитие. М.: Мир, 1970. С. 12.
6. Рьюз М. Философия биологии. М.: Прогресс, 1977. С. 274.
7. Бряник Н. В. Особенности знания неклассической науки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 88.
8. Рьюз М. Указ. соч. С. 49.
9. Бряник Н. В. Особенности знания неклассической науки. С. 87.
10. Рьюз М. Указ. соч. С. 50–52.
11. Там же. С. 56.
12. Бряник Н. В. Особенности знания неклассической науки. С. 90.
13. Woodward J. Law and Explanation in Biology: Invariance is the Kind of Stability That Matters // *Philosophy of Science*, 2001. Vol. 68, No. 1, p. 5.
14. Мейен С. Воображаемая или невообразимая биология // Знание – сила. 1978. № 3, с. 47.
15. Там же. С. 48.

Notes

1. Bryanik N.V. *Ponyatie neklassicheskoy nauki: tolkovanie i vremennye ramki* [Concept of non-classical science: interpretation and timeframes] // *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* - Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2011, Vol. 11, p. 199.
2. Kashpersky V. I. *Zakon. Zakony nauki* [Law. The laws of science] // *Episystems: col. of scient. articles*. Vol. 5: Problems in the philosophy of science. Ekaterinburg. Publ. of Ural University. 2007. Pp. 64, 75.
3. Meyen S. *Voobrazhaemaya ili nevoobrazimaya biologiya* [Imaginable or unimaginable biology] // *Znanie – sila* - Knowledge – force. 1978, No. 3, p. 47.
4. Smart J. J. *Philosophy of Scientific Realism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 53.
5. Apter M. *Kibernetika i razvitie* [Cybernetics and development]. Moscow. Mir. 1970. P. 12.
6. Rjuz M. *Filosofiya biologii* [Philosophy of biology]. Moscow. Progress. 1977. P. 274.
7. Bryanik N.V. *Osobennosti znaniya neklassicheskoy nauki* [Features of knowledge of non-classical science] // *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* - Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2012, Vol. 12, p. 88.
8. Rjuz M. Op. cit. P. 49.
9. Bryanik N.V. *Osobennosti znaniya neklassicheskoy nauki* [Peculiarities of knowledge of non-classical science]. P. 87.
10. Rjuz M. Op. cit. Pp. 50-52.
11. Ibid. P. 56.
12. Bryanik N.V. *Osobennosti znaniya neklassicheskoy nauki* [Peculiarities of knowledge of non-classical science]. P. 90.
13. Woodward J. Law and Explanation in Biology: Invariance is the Kind of Stability That Matters // *Philosophy of Science*, 2001. Vol. 68, No. 1, p. 5.
14. Meyen S. *Voobrazhaemaya ili nevoobrazimaya biologiya* [Imaginable or unimaginable biology] // *Znanie – sila* - Knowledge – force. 1978, No. 3, p. 47.
15. Ibid. P. 48.

Феномен поведения

Статья посвящена исследованию характеристик инстинкта и инстинктивной деятельности как предпосылок поведенческой активности. Автор статьи указывает на то, что, несмотря на более чем вековую историю изучения инстинктивного поведения, по сей день не выявлено однозначного определения термина «инстинкт». В статье приводится краткий исторический очерк становления понятия «инстинкт», анализируются различные подходы к изучению инстинктивной деятельности, также выявляется структура инстинктивного поведения. Автор статьи рассматривает мотивации и движущие силы инстинктивного поведения, врожденные пусковые механизмы. Выявляются внутренние и внешние факторы инстинктивного поведения. Автор опирается на выводы таких известных этологов, как Тинберген, Циглер, Курт, Зорина, Лоренц, Резникова, К. Э. Фабри.

Article is devoted to investigation of the characteristics of instinct and instinctive activity as preconditions of behavior. The author points out that despite more than a century of researching the instinctive behavior, still there is no clear definition of the term «instinct». This article provides a short historical outline of the formation of the concept of «instinct», the author analyzes the different approaches to the researching of instinctive activity, also the structure of instinctive behavior reveals. The author considers the motivation and driving forces of instinctive behavior, as well as congenital starting mechanisms. The internal and external factors of instinctive behavior are identified. The author refers to such wellknown ethologists and zoopsychologists as N. Tinbergen, Ziegler, Kurt, P. K. Anokhin, Lorentz, Reznikova, K. E. Fabri.

Ключевые слова: инстинкт; характеристика инстинкта; внутренние и внешние инстинкты; связь инстинкта и научения.

Keywords: instinct; characteristic of instinct; internal and external instincts; connection between instinct and learning.

Поведение является своеобразной формой активности человека наряду с деятельностью и общением. Однако феномен поведения, его предпосылки и эволюционные механизмы остаются не вполне исследованными. Такого рода исследование предполагает, на наш взгляд, рефлексии и обобщение данных, относящихся к изучению поведения животных. Уже с середины XVIII в. формируется деление поведения животных на две категории. Первая категория – это инстинкты. Понятие «инстинкт» появляется в трудах философов в III в. до н. э., оно означает способность животных и человека выполнять определенные действия «в силу внутреннего побуждения» (Зорина). Вторая категория – «разум». Этим термином обозначают любые формы индивидуальной пластичности поведения, в том числе и те, которые обеспечиваются обучением. Чтобы понять, как работают «познавательные» процессы животных, необходимо рассмотреть их инстинктивную деятельность.

Несмотря на то, что история изучения инстинктивного поведения насчитывает несколько веков, тем не менее до сих пор не выявлено однозначного, чёткого, а главное, всеми принимаемого определения инстинкта. Впервые представление об инстинкте появляется в учении Аристотеля о душе, предполагавшем существование некой «животной души», которая обеспечивает психические функции животных. Одним из первых пытается дать определение термина «инстинкт» немецкий учёный Г. Э. Циглер. В своей работе «Инстинкт» 1914 г. Циглер выделяет пять пунктов, по которым инстинктивное поведение можно отличить от рассудочного поведения:

- 1) инстинктивное поведение наследственно закреплено;
- 2) для развития инстинктивного поведения не требуется дополнительного обучения;
- 3) инстинктивное поведение одинаково у всех особей данного вида, то есть видотипично;
- 4) оно оптимально соответствует организации животного, его физиологии;
- 5) инстинктивное поведение оптимально приспособлено к естественным условиям жизни животных данного вида, зачастую связано даже с циклическими условиями существования [1].

Конечно же, такое определение инстинкта несовершенно, так как имеет ряд недостатков, например в нём не учитывается возможная «вариабельность», изменчивость инстинктивного

поведения. Выдающийся голландский учёный этолог Н. Тинберген определил инстинкт как «иерархически организованный нервный механизм, который отвечает на определённые предлагаемые и разрешающие импульсы (внешние и внутренние) полностью координированными, жизненно важными и свойственными виду движениями» [2].

Необходимо отметить, что инстинктивное поведение существует только совместно с обучением, составляя с ним единый поведенческий акт. Что, конечно же, не означает, что инстинктивное поведение или научение представляет собой лишь условности, искусственно созданные для научного анализа. Условным будет являться только их разделение, сами же эти компоненты на самом деле существуют и функционируют как четко различимые процессы жизнедеятельности со своими специфическими качественными особенностями и различиями. Понимаемое же как врожденное, наследственно фиксированное, видотипичное «инстинктивное поведение» складывается из инстинктивных действий или актов, которые в свою очередь состоят из отдельных инстинктивных движений (или поз, звуков и т. п.). Четкое разграничение этих терминов необходимо для этологического анализа обсуждаемой категории поведения животных.

Поведение животных – это совокупность функций внешних, или так называемых «рабочих», органов. Но необходимо различать сами функции и их направленность и ориентацию во времени и пространстве, что происходит на основе инстинктов. Научение как подвижный компонент поведения не может изменить функционирование органов, обучением можно только менять ориентацию этих функций. Это означает, что никаким обучением нельзя заставить функционировать органы животного иначе, чем это обусловлено их генетически фиксированным строением. Именно морфологические особенности определяют характер функционирования инстинктивных движений. Животный организм не может выйти за рамки своего телесного строения, то есть нельзя научить зайца, скажем, зажигать спички, так как у него нет соответствующих морфофункциональных предпосылок в строении его конечностей. Но можно научить зайца пользоваться своими конечностями естественным (инстинктивным) образом в нужный момент и в определенном направлении, то есть ориентировать его инстинктивные движения во времени и пространстве путем научения (в данном случае – дрессировки) [3].

Но это не следует понимать так, что в поведении вообще первичным является строение или структура, а вторичным – функция и движение. Напротив, речь идёт о приоритете движения, функции, то есть подразумевается то, что функция определяет форму. Биологическая обусловленность поведения не означает его морфологическую обусловленность. В процессе эволюции, несомненно, поведение определяло формирование морфологических признаков, необходимых именно для более успешного выполнения самих поведенческих актов. Но когда речь заходит о конкретных инстинктивных движениях – результатах эволюционного процесса, то имеются в виду функции именно этих морфологических образований и то, что форма выполнения поведенческих функций обуславливается соответствующими морфологическими структурами. Конкретно это означает, что каждое животное может передвигаться или питаться только так, как это определяется специфическим строением его внешних органов, служащих для выполнения этих функций.

Учитывая все это, можно сказать, что жизнедеятельность животного организма, проявляющаяся во внешней активности, зиждется на инстинктивных движениях и других инстинктивных реакциях (термических, электрических, изменения окраски, выделения секретов и т. п.). Они обеспечивают все жизненные функции организма, процессы обмена веществ, а тем самым существование животного и его размножение. Вот почему следует говорить о приоритете инстинктивных движений и по отношению к нервной деятельности, сенсорике, психическому отражению, которые служат у животных лишь для осуществления этих движений, для их ориентации. Поэтому в эволюционном плане развитие психики являлось необходимым следствием (а затем уже и предпосылкой) повышения уровня обмена веществ и двигательной активности. Инстинктивное поведение не исчерпывается, однако, самими функциями экзосоматических органов, а включает в себя и механизмы их регуляции и пространственно-временной ориентации [4]. В этом отношении регуляция и ориентация, осуществляемые благоприобретенным путем, на основе научения, служат хотя и важным, но все же лишь дополнением к этим инстинктивным процессам.

Процесс жизнедеятельности организма основывается на инстинктивных реакциях, а элементы научения достраиваются на их основе. Врожденные реакции обеспечивают все жизненно необходимые функции, процесс обмена веществ, а также такие важные стороны жизни животного, как размножение и уход за потомством. Развитие психического компонента поведения животных необходимо в процессе эволюции для того, чтобы приспособить инстинктивные реакции к условиям среды, обеспечить адаптацию животного к этим условиям. Наследственные поведен-

ческие реакции не могут учесть всего многообразия условий, с которыми столкнется каждый представитель вида. Кроме того, инстинктивное поведение включает в себя основные механизмы регуляции функционирования и его ориентацию в пространстве и во времени, а процесс научения дополняет эту регуляцию и ориентацию.

В зоопсихологии в инстинктивном поведении различают два вида факторов: внешние и внутренние. И проблема инстинкта и научения непосредственно связана с не менее важной проблемой различения этих двух факторов и с мотивацией поведения. Долгое время считали, что инстинктивные действия определяются внутренними, притом загадочными, причинами, в то время как индивидуальное научение зависит от внешних стимулов. В таком виде представления об исключительном или хотя бы преобладающем значении внутренних или внешних факторов встречаются уже у античных мыслителей. При этом мистический, телеологический подход основывался на постулате изначальной целесообразности чисто внутренних, передаваемых от поколения к поколению факторов. Механистический же подход, получивший особое развитие со времен Декарта, признавал лишь внешние факторы движущими силами поведения. В ряде случаев и тот и другой взгляд непримиримо отстаивались вплоть до нашего века.

Чтобы понять, что представляют собой движущие силы инстинктивного поведения и мотивация, необходимо вначале обратиться к внутренним факторам, дающим первый толчок к любому поведенческому акту. Внутренняя среда животного организма непрерывно обновляется, но, несмотря на непрекращающиеся процессы ассимиляции и диссимиляции, эта среда остается по своим физиологическим показателям постоянной. Стабильность внутренней среды – совершенно необходимое условие для жизнедеятельности организма. Только при этом условии могут осуществляться необходимые биохимические и физиологические процессы. Любые, даже незначительные, отклонения от нормы воспринимаются системой интерорецепторов и приводят в действие физиологические механизмы саморегуляции, в результате чего эти нарушения устраняются. Такими механизмами саморегуляции советский физиолог академик П. К. Анохин считал сложные динамические структуры, функционирующие по принципу обратной связи (обратной афферентации) и обозначенные им как функциональные системы.

Итак, постоянство внутренней среды основано на самовосстанавливающейся уравниваемости внутренних процессов организма. Важная особенность этих процессов состоит в том, что они протекают в форме ритмов, которые также строятся на системах саморегулирования.

Примечания

1. Циглер Г. Душевный мир животных. URL: http://www.kohts.ru/ladygina-kohts_n.n./dmzh/
2. Тинберген Н. Поведение животных: Этология.ру. URL: <http://ethology.ru/library/?id=80>
3. Курт Ф. Основы зоопсихологии: Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.com/read/fabri_kurt/osnovi_zoopsihologii.html#0
4. Там же.

Notes

1. Ziegler G. *Dushevnyj mir zhivotnyh* [Inner world of animals]. Available at: http://www.kohts.ru/ladygina-kohts_n.n./dmzh/
2. Tinbergen N. *Povedenie zhivotnyh: Ehtologiya.ru* [Animal behavior: Ethology.ru]. Available at: <http://ethology.ru/library/?id=80>
3. Kurt F. *Osnovy zoopsihologii: EHlektronnaya biblioteka Royallib.com* [Principles of animal psychology]: the electronic library RoyalLib.com. Available at: http://royallib.com/read/fabri_kurt/osnovi_zoopsihologii.html#0
4. Ibid.

Исторический подход к проблеме взаимоотношений общества и природы

В статье рассматривается характер взаимоотношений общества и природы в различные периоды истории человечества. Анализируются экологические кризисы, происходившие в историческом прошлом, и их влияние на развитие цивилизации. Сравниваются разные точки зрения на современную экологическую ситуацию в мире, и рассматриваются причины глобального экологического кризиса на планете в наши дни.

The article discusses the nature of relations between society and nature in different periods of history. Analyzed environmental crises that occurred in the historical past, and their influence on the development of civilization. Compare different points of view on modern ecological situation in the world and considered the causes of global environmental crisis in the world today.

Ключевые слова: человек и природа, экологический кризис, окружающая среда, экологическая трансформация, история взаимоотношений общества и природы.

Keywords: man and nature, the ecological crisis, environment, ecological transformation, the history of relations between society and nature.

Природа представляет собой объективную реальность, существующую независимо от сознания людей. Человек связан с ней неразрывными узами, изменяя и используя ее в соответствии со своими потребностями. История изучения взаимоотношений общества и природы ведет свое начало с эпохи античности, когда природа считалась вершиной совершенства, идеалом гармонии, к которому необходимо стремиться человеку. Однако впервые глубоко проанализировал эту проблему в начале XX в. российский ученый В. И. Вернадский. «Человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении, – писал ученый, – теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой» [1].

Жизнь на Земле существует почти 4 млрд лет, и за это время у биосферы сложились такие свойства, с которыми человек должен считаться. С возникновением цивилизации появился новый фактор, влияющий на судьбу живой природы, – это деятельность человека, которая сегодня является основной геологической силой, влияющей на процессы планетарного масштаба на Земле [2].

Наиболее существенно на характер взаимодействия общества и природы влияет материальное производство, в процессе которого происходит непрерывный обмен веществом и энергией между людьми и окружающей средой. Поэтому основные исторические этапы этого взаимодействия связаны, прежде всего, с развитием трудовой деятельности человека. Применение орудий труда поставило людей в совершенно особое по сравнению с остальными организмами положение, поскольку позволило искусственным образом снять природные ограничения масштабов и темпов обмена с окружающей средой веществом и энергией.

Процесс развития общества во взаимодействии с природой – это история последовательного снятия ограничений, с которыми сталкивались люди, решая важнейшую для себя задачу: обеспечение наращивания потоков вещества и энергии от природной среды к обществу на основе эффективного использования знаний, например путем открытия и применения новых технологий.

В истории взаимоотношений общества и природы специалисты выделяют разные периоды. При этом одни придерживаются принципов, разработанных по общественно-экономическим формациям, другие – по характеру освоения человеком природных богатств, третьи – по степени развития производительных сил и т. д. Представляет интерес принцип периодизации по харак-

теру освоения человеком природных богатств, предложенный Г. В. Платоновым. Он выделяет три периода истории взаимодействия общества и природы:

- первый – биогенный (характеризуется как дикость);
- второй – техногенный (характеризуется как варварство);
- третий – ноогенный (характеризуется как цивилизация) [3].

Каждый из этих периодов рассматривается как своеобразная революция в естествознании, обществе и характеризуется изменениями соотношения между производительными силами и производственными отношениями, с одной стороны, между производительными силами и природными ресурсами – с другой.

Первый, биогенный, период истории включает в себя два этапа: присваивающий и производящий. Деятельность человека в этот период можно охарактеризовать как выживание и адаптацию. В отношении к природе преобладает тенденция обожествления стихий.

Второй, техногенный, период состоит из двух этапов: аграрного и индустриального. Деятельность человека в природе в то время носила характер противостояния и покорения, целью которых было преобразование природы с целью удовлетворения потребностей общества.

И наконец, третий период истории, ноогенный, делится на этапы: научно-технический и экологический. Действия человека по отношению к природе характеризуются на первом этапе как господство, а на втором – как сотрудничество. Происходит осмысление человеком своего места в природе [4]. Согласно данной периодизации в настоящее время человеческая цивилизация находится в своем развитии на научно-техническом этапе ноогенного периода истории.

Становление и развитие человеческого общества сопровождалось локальными и региональными экологическими кризисами антропогенного происхождения, которые имели место в истории многих культур. По мнению ряда ученых (М. И. Будыко, А. А. Горелов, И. П. Герасимов и др.), первый экологический кризис произошел в ходе взаимодействия с природой древнего человека в конце палеолита. Его главная причина заключается в более высокой скорости эволюции человека по сравнению со скоростью эволюции животных, на которых он охотился. Поэтому исчезновение мамонтов и других крупных млекопитающих в значительной степени обусловлено деятельностью людей. Человек был вынужден искать новые ресурсы для жизни, что в значительной мере обусловило последующий переход к земледелию и скотоводству.

Следствием развития земледелия и скотоводства стало глубокое преобразование ландшафта. Особый исследовательский интерес представляют кризисные экологические ситуации, в которых фактор антропогенного воздействия являлся решающим в изменении структуры экологических систем. В последнее время появляется все больше сведений о том, что древнейшие цивилизации гибли не только от нашествия завоевателей, но и вследствие экологических проблем, с которыми не могли справиться. Даже образование пустынь, в частности Сахары, во многом связано с человеческой деятельностью [5]. Территория нынешней Сахары еще 8 тыс. лет была цветущим краем с богатой тропической флорой и разнообразной фауной так называемого эфиопского типа. Одной из причин опустынивания в данном регионе Земли считается вырубка лесных массивов [6].

Площадь орошаемых земель в Средней Азии в древности превышала современную. Огромная территория, простирающаяся от юга Палестины к северу Сирии до Месопотамии и востока Ирана, бывшая 10 тыс. лет назад родиной сельского хозяйства, в результате неправильной ирригации и, как следствие, засоления и истощения почв превратилась в пустыню. Сначала исчезли леса, потом вторичная растительность, а затем и почва [7].

На фоне сложной экологической ситуации развивались и аграрные кризисы античного мира. Отмечая роковую роль в обезлесении греческих ландшафтов, которую сыграли хищническая вырубка лесов и разведение коз, В. Д. Блаватский пишет, что «ко времени Платона леса были уничтожены, а горы, потеряв почвенный покров, превращались в почти голые скалы» [8]. Неправильная система земледелия превратила земли Северной Африки – некогда богатейшей житницы Римской империи – в пустыни и полупустыни [9].

Гибель цивилизации майя, по мнению некоторых ученых, частично обусловлена слишком интенсивной обработкой нестойких почв тропического пояса [10]. Истребление лесов и, как следствие, эрозия почвы и резкое снижение урожайности, по мнению ученых, стали причиной гибели народа, населявшего когда-то остров Пасхи (Рапануи). Его численность в 1500 г. составляла примерно 7000 человек. Затем здесь произошла экологическая катастрофа, вызванная перенаселенностью и истощением ресурсов, которая сопровождалась разделением населения на кланы и войнами, а также людоедством. Я. Роггевен, открывший остров в 1722 г., обнаружил там всего около 500 жителей, влачивших жалкое существование [11].

«Вся история сельскохозяйственных цивилизаций, – пишет К. С. Лосев, – особенно на первых этапах, это процесс разрушения дикой природы, уничтожения лесных экосистем, что сопро-

вождалось продовольственными кризисами и связанными с ними социально-экономическими потрясениями» [12].

Таким образом, развитие отношений человека с природой отнюдь не шло эволюционным путем, а носило более сложный, нелинейный характер – через кризисы регионального масштаба и даже гибели цивилизаций, то есть через точки бифуркации.

Эта концепция лежит в основе современной информационно-экологической и синергетической парадигмы, которая находится пока еще в стадии становления. Ее основные черты обозначены в трудах И. Пригожина [13], В. Казначеева и Е. Спирина [14], А. Урсула [15], В. Зубакова [16] и др. Эволюция, или «ход времени», в рамках новой парадигмы предстает в форме чередования взрывов – революций разного масштаба, или бифуркаций, и спокойного «эволюционного» развития событий, на котором взаимодействующие процессы сохраняют свой гомеостаз. В. А. Зубаков пишет: «В эволюции нашей Вселенной нам известны три самых больших бифуркации. Первая – космологическая – с рождением физических элементарных частиц и полей из сингулярного вакуума; вторая – хиральная революция – с рождением биологической, т. е. нуклеиново-белковой, жизни; третья – рождение человеческого Разума – с его абстрактным мышлением» [17]. Результатом третьей бифуркации и стало появление общества.

По мнению А. Тойнби, для нормального развития цивилизации необходимы кризисы, которые требуют напряжения сил для адекватного ответа на вызов ситуации и стимулируют общественный прогресс. Человек достигает цивилизованного состояния не вследствие биологических дарований (наследственности) или благоприятных природных условий, а преодолевая трудности, воодушевляющие его на беспрецедентное усилие. Прогресс, таким образом, определяется удачным ответом на вызов [18]. С этой точки зрения любой экологический кризис – это инструмент эволюции человеческой цивилизации. Но зачастую эта эволюция дорого обходится природе.

П. В. Палехова рассматривает несколько экологических кризисов в предыстории и истории человечества. Первый из них (доантропогенный), произошедший около 3 млн лет назад, вызвал изменение среды обитания живых существ и способствовал возникновению прямых предков человека. Второй кризис, представлявший собой ситуацию резкого обеднения промысловых ресурсов, доступных древнему человеку, произошел 50–35 тыс. лет назад. Его результатом стал выход представителей вида *Homo Sapiens* из стадии биологического существования. Третий экологический кризис происходит 35–2 тыс. лет назад. Он был связан с постепенным уничтожением крупных растительноядных животных человеком и стал толчком к развитию земледелия и скотоводства.

Четвертый экологический кризис, произошедший около 2 тыс. лет назад, характеризуется засолением почв и деградацией поливного земледелия, освоением неполивных земель в различных регионах мира. Пятый кризис (с начала нашей эры и до середины XX в.) связывают с массовым уничтожением лесов для освобождения территорий под сельскохозяйственные объекты, для получения древесины в качестве топлива и как материала для строительства, в том числе кораблей. Быстрое развитие производства и рост потребления природных ресурсов способствовали началу промышленной революции. С середины XX в. до 1970-х гг. происходит шестой экологический кризис, последствиями которого стали научно-техническая революция, реутилизация продуктов и условное замыкание технологических циклов (зарождение безотходных производств) [19].

Определить точные временные рамки любого из перечисленных кризисов весьма сложно, в то же время тот факт, что они происходили на протяжении всей истории развития человечества, свидетельствует о единстве природы и общества, которое всегда существовало и будет существовать [20].

Интересную концепцию взаимоотношений общества и природы через экологические трансформации предложила Е. О. Новожилова. «Экологические трансформации, – пишет она, – обозначают прерывность в развитии, скачок в качественно новое состояние во взаимоотношениях общества и среды. Такой прорыв связан с изменением вещественных, энергетических и информационных основ существования общества, с переходом на новую базовую технологию и с установлением динамического равновесия более высокого порядка» [21].

Экологическая трансформация приводит к формированию социально-экологической системы определенного исторического типа. Е. О. Новожилова выделяет три таких типа: экосистемный, биосферный и ноосферный. Любое общество может быть отнесено к одному из них. В волнах экологических трансформаций один исторический тип сменяет другой.

Первая экологическая трансформация связана с переходом к производящему хозяйству и медленным, но неуклонным ростом населения. Основным типом социально-экологических систем на долгое время стали общества экосистемных людей – изолированные самодостаточные мирки, живущие в локальных экосистемах и пытающиеся улучшить то, что есть в природе.

Вторая экологическая трансформация была порождена дефицитом высококачественной энергии и отсталостью в организации производственной деятельности. Промышленная рево-

люция вызвала к жизни фабричную организацию труда, массовое производство стандартных товаров, линейные технологии и переход на ископаемое топливо, обеспечившее изобилие энергии. Сформировавшиеся общества биосферных людей оказались большими, открытыми, несамодостаточными, глобально взаимосвязанными. Их географический охват – все экосистемы Земли. Биосферные люди начали создавать то, чего не было в природе: искусственную живую материю.

Третья экологическая трансформация началась недавно и далека от завершения. Она вызвана глобальным экологическим кризисом, возникшим в результате использования ископаемого топлива для технологических процессов. Его проявлениями стали истощение ресурсов и загрязнение среды обитания, что свидетельствует о необходимости перехода на качественно новые методы производства и энергетические источники. Признаками начавшейся трансформации являются замена линейных промышленных процессов малоотходными технологиями, поиск альтернативных источников энергии и создание искусственной жизни [22].

На протяжении многих столетий антропогенные источники загрязнения окружающей среды не оказывали заметного воздействия на экологическую обстановку. Интенсивное загрязнение окружающей среды начинается с развитием капитализма. С изобретением паровой машины промышленность постепенно становится все более значительным источником загрязнений, так как резко возрастает потребление топлива. Медленно увеличивается количество ингредиентов-загрязнителей окружающей среды.

А в XX в. ход человеческой истории решительно и внезапно переменялся. Известный итальянский ученый и общественный деятель, основатель международной неправительственной экологической организации «Римский клуб» А. Печчеи писал: «Суть этих изменений в том, что за какие-нибудь несколько десятков лет завершился продолжавшийся много тысячелетий период медленного развития человечества, и наступила новая динамическая эпоха... все эти перемены, в сущности, касаются именно изменившегося положения самого человека на Земле. Если раньше он был не более чем одним из многих живых существ, живущих на планете, то теперь человек превратил ее в свою безраздельную империю» [23].

Родилось явление, которое стали называть научно-технической революцией. Это произошло, когда человек понял, что может эффективно и в промышленных масштабах применять на практике свои огромные научные знания о мире природы. Непрерывный поток новых технологических процессов и изобретений растет уже несколько десятилетий и дальше будет расти.

По мере того как возрастало могущество современного человека, все более явным становилось отсутствие у него чувства ответственности за последствия своей деятельности, соответствующего его положению в мире. Потребительским отношением к природе, неразумным вмешательством в нее человек создал многие экологические проблемы, которые теперь вызывают у него оправданную тревогу.

По вопросу о том, какова степень опасности современной экологической обстановки в мире, даже у ученых существуют разные мнения, которые можно разделить на три принципиально различные позиции. Первая из них заключается в следующем: современная ситуация представляет глобальный экологический кризис, который может вскоре привести к катастрофе. Данной точки зрения придерживаются многие как отечественные, так зарубежные ученые (А. Г. Бусыгин [24], В. А. Зубаков [25], Б. Коммонер [26], Н. Н. Моисеев [27], А. Печчеи [28], Н. Ф. Реймерс [29] и др.). Ее сторонники считают, что кризису, в который мы только еще вступаем, есть аналоги в прошлом, в частности кризис эпохи позднего палеолита, о котором было сказано выше.

Вторая позиция основывается на тезисе о том, что мир уже вступил в глобальную экологическую катастрофу, базируется на исследованиях В. Г. Горшкова [30] и поддерживается и развивается рядом других российских ученых (В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев [31], К. Я. Кондратьев [32], В. П. Казначеев [33] и др.). По их мнению, мы живем в период развивающейся глобальной экологической катастрофы, обусловленной хозяйственной деятельностью человечества, которое в считанные десятилетия нарушило баланс, поддерживавшийся биосферой миллиарды лет.

Согласно третьей в позиции на данный момент никакого глобального экологического кризиса нет, есть лишь локальные. Ее сторонники (например, представители Русского географического общества – А. О. Бринкен, С. Б. Лавров, Ю. П. Селиверстов) считают, что «регулярные обострения настоящего экологического кризиса – необходимый инструмент эволюции» [34], а также, что сейчас неоправданно завышается роль человечества как ведущей геологической силы, изменяющей природную среду.

Таким образом, единого мнения в оценке экологической ситуации на планете не наблюдается даже среди специалистов. Объективный подход к этому вопросу возможен только на основе глубокого и обоснованного анализа состояния окружающей природной среды в общепланетар-

ном масштабе. Такой анализ произвел А. Г. Бусыгин, выделив пять основных глобальных проблем современности, угрожающих человечеству:

1. Экспоненциальный рост народонаселения.
2. Фактор чистоты биосферы (производство отходов, геохимическое загрязнение биоты и окружающей среды, радиотоксикация, шумовое загрязнение, электромагнитное загрязнение).
3. Энергетический параметр.
4. Исчерпаемость природных ресурсов.
5. Глобальное ухудшение здоровья населения земного шара [35].

Подробно проанализировав каждый из названных параметров, А. Г. Бусыгин приходит к выводу, что «глобальный экологический кризис – это не “научный миф”... это наша печальная действительность» [36]. Растущая индустриализация отравляет атмосферу и загрязняет водоемы, а добыча полезных ископаемых разрушает покров Земли. Гидроэлектростанции изменяют географию целых регионов, а сельское хозяйство вызывает деградацию почвы. Происходит накопление отходов и изменение климата. Массово уничтожаются леса, сокращается биологическое разнообразие, и ухудшается здоровье людей.

Что же является причиной столь быстрого углубления современного экологического кризиса на планете? Анализ исследований этой проблемы позволяет сделать вывод о том, что таких причин три:

Причинами возникновения и постоянного углубления экологического кризиса являются:

1. Тотальная дифференциация знания, которая привела к тому, что стали исчезать системно мыслящие люди. Она началась в середине XIX в., когда развитие физики и биологии пошло в разных направлениях. Утвердилось представление о том, что живое и неживое – это разные, живущие по своим, присущим только им законам, и не взаимозависимые вещи, а связь человека и природы была выброшена из научного мышления [37].

2. Внедрение новых производственных технологий во второй половине XX в. Анализ их влияния на развитие экологического кризиса произвел американский эколог Б. Коммонер. Он пришел к выводу, что экономический рост сам по себе еще не означает каких-либо особенных последствий для окружающей среды, основную роль играют способы и средства достижения этого роста. Очевидно, что многие технологические процессы, доминирующие в промышленности развитых стран мира, являются экологически опасными. Конечно, рост загрязнения окружающей среды объясняется и подъемом благосостояния, и демографическим взрывом, но если эти показатели влияют на биосферу пропорционально, то изменения в технологии – экспоненциально [38]. Таким образом, «возникло противоречие между внутренне безграничными искусственными возможностями развития общества и естественно ограниченными возможностями биосферы» [39].

3. Низкий уровень развития экологической культуры населения Земли, а во многих случаях – просто ее отсутствие. Наша жизнь складывается из сотен повседневных поступков каждого человека, и если все они будут антиэкологичными, то никаких капиталовложений в сферу охраны природы не будет достаточно для ликвидации их последствий.

«Победы», одерживаемые людьми над природой путем насилия над ней без учета логики ее развития как целостной системы, дают определенный успех на время, но таят в себе горечь расплаты в будущем. Деградация окружающей среды, вызванная деятельностью человека, в свою очередь, пагубным образом влияет на условия его существования. Поэтому экологический кризис – это проблема не только экологическая, но и социальная, и ее решением должны заниматься не только естественные науки (физика, химия, биология, экология и др.), но и гуманитарные (история, социология, психология, демография и др.). Характерной чертой современного этапа во взаимоотношениях общества и природы должна стать их коэволюция, возврат к органическому единству на основе перестройки всех факторов общественного развития. Это сложная задача, но выполнимая, при условии, что усилия международного сообщества будут направлены не на разжигание политических конфликтов, которые негативно влияют на экономическую, финансовую и культурную сферы жизни многих стран мира, а на решение основной проблемы, стоящей сегодня перед человечеством – проблемы преодоления глобального экологического кризиса.

Примечания

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М.: Наука, 1977. С. 32.
2. Там же. С. 35.
3. Платонов Г. В. Диалектика взаимодействия общества и природы. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 45.
4. Там же. С. 48.
5. Горелов А. А. Экология. М.: Академия, 2009. С. 106.
6. Фомичев А. Н. Проблемы концепции устойчивого экологического развития: Системно-методологический анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 11–12.

7. Там же. С. 12.
8. Блаватский В. Д. Природа и античное общество. М.: Наука, 1976. С. 21–22.
9. Браун Л. Производство пищи человеком как процесс в биосфере // Биосфера. М.: Мир, 1972. С. 146.
10. Morley S. G. The Ancient Maya. Stanford: University Press. Palo Alto, 1946.
11. Tickell C. The human species: a suicidal success? // The Geographical Journal. 1993. 159, 2, P. 219–226.
12. Лосев К. С. Мифы и заблуждения в экологии. М.: Научный мир, 2010. С. 51.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
14. Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.
15. Урсул А. Д. Перспективы эволюции государства в модели устойчивого развития // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 134–144.
16. Зубаков В. А. Прошлое и будущее человечества глазами эколога // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 114–128.
17. Там же. С. 114–128.
18. Тойнби А. Дж. Постигание истории: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
19. Палехова П. В. Государственная экологическая политика и ее реализация в Российской Федерации в 1950–1990-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 41–43.
20. Там же. С. 43.
21. Новожилова Е. О. Социоэкологическая антропология // Социс. 2011. № 3. С. 13.
22. Там же. С. 13–14.
23. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 35.
24. Бусыгин А. Г. Десмоэкология или теория образования для устойчивого развития. Ульяновск: Симбирская книга, 2003.
25. Зубаков В. А. Куда мы идём: к экокатастрофе или к экореволюции? // Философия и общество. 1998. № 1.
26. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л.: Гидрометеиздат, 1974.
27. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.
28. Печчеи А. Указ. соч.
29. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994.
30. Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивого развития жизни. М.: ВИНТИ, 1995.
31. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: ВИНТИ, 2000.
32. Кондратьев К. Я., Лосев К. С. Современные проблемы глобального развития цивилизации и ее возможные перспективы // Исследование Земли из космоса. 2002. № 2. С. 3–23.
33. Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983.
34. Бусыгин А. Г. Указ. соч. С. 38.
35. Там же. С. 51.
36. Там же. С. 51.
37. Там же. С. 53–55.
38. Коммонер Б. Указ. соч. С. 178–180.
39. Гирусов Э. В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия / отв. ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1981. С. 48–57.

Notes

1. Vernadsky V. I. Razmyshleniya naturalista [Reflections of a naturalist]. Moscow. Nauka. 1977. P. 32.
2. Ibid. P. 35.
3. Platonov G. V. Dialektika vzaimodejstviya obshchestva i prirody [Dialectics of interaction between society and nature]. Moscow. Publishing house of Moscow State University. 1989. P. 45.
4. Ibid. P. 48.
5. Gorelov A. A. EHkologiya [The Ecology]. Moscow. Academiya. 2009. P. 106.
6. Fomichev A. N. Problemy koncepcii ustojchivogo ehkologicheskogo razvitiya: Sistemno-metodologicheskij analiz [The problems of the concept of sustainable environmental development: Systematic methodological analysis]. Moscow. Publishing house "LIBROKOM". 2009. Pp. 11–12.
7. Ibid. P. 12.
8. V. D. Blavatsky Priroda i antichnoe obshchestvo [Nature and ancient society]. Moscow. Nauka. 1976. Pp. 21–22.

9. Brown L. Proizvodstvo pishchi chelovekom kak process v biosfere [Food production by a human as a process in the biosphere] / Biosphere. Moscow. Mir. 1972. P. 146.
10. S. G. Morley, The Ancient Maya. Stanford: University Press. Palo Alto, 1946.
11. Tickell C. The human species: a suicidal success? // The Geographical Journal. 1993. 159, 2, Pp. 219-226.
12. K. S. Losev Mify i zabluzhdeniya v ehkologii [Myths and misconceptions in ecology]. Moscow. Scientific world. 2010. P. 51.
13. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoj [Order out of chaos: Man's new dialogue with nature: translated from English] / ed. by V. I. Arshinov, Y. L. Klimontovich and Y. Sachkov. Moscow. Progress. 1986.
14. Kaznacheev V. P., E. A. Spirin Kosmoplanetarnyj fenomen cheloveka [Cosmoplanetary phenomenon of man]. Novosibirsk. 1991.
15. Ursul A. D. Perspektivy ehvolyucii gosudarstva v modeli ustojchivogo razvitiya [Prospects for the evolution of state in the model of sustainable development] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'- Public Sciences and modernity. 1996, No. 2, pp. 134-144.
16. Zubakov V. A. Proshloe i budushchee chelovechestva glazami ehkologa [Past and the future of humankind through the eyes of an ecologist] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'- Public Sciences and modernity. 1997, No. 3, pp. 114-128.
17. Ibid. Pp. 114-128.
18. Toynbee A. J. Postizhenie istorii [Understanding of history]: transl. from Eng. Moscow. Progress. 1991.
19. Palehova P. V. Gosudarstvennaya ehkologicheskaya politika i ee realizaciya v Rossijskoj Federacii v 1950–1990 e gg.: dis. ... d ra ist. nauk [State environmental policy and its implementation in the Russian Federation in 1950-1990 s: dis. ... Dr hist. sciences]. Moscow. 2000. Pp. 41-43.
20. Ibid. P. 43.
21. Novozhilova E. O. Socioehkologicheskaya antropologiya [Socio-ecological anthropology] // Socis - Sotsis. 2011, No. 3, p. 13.
22. Ibid. Pp. 13-14.
23. Peccei A. CHelovecheskie kachestva [Human qualities]. Moscow. Progress. 1980. P. 35.
24. Busygin A. G. Desmoehkologiya ili teoriya obrazovaniya dlya ustojchivogo razvitiya [Desmoecology or theory of education for sustainable development]. Ulyanovsk. Simbirskaya kniga. 2003.
25. Zubakov V. A. Kuda my idyom: k ehkokatastrofe ili k ehkorevolyucii? [Where are we going: to ecocatastrophe or ecorevolution?] // Filosofiya i obshchestvo - Philosophy and society. 1998, No. 1.
26. Commoner B. Zamykayushchijsya krug [Closing circle]. Leningrad. Gidrometeoizdat. 1974.
27. Moiseev N. N. CHelovek i noosfera [Man and the noosphere]. Moscow. Mol. guardiya. 1990.
28. Peccei A. Op.cit.
29. Reimers N. F. EHkologiya (teorii, zakony, pravila, principy i gipotezy) [Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses)]. Moscow. Rossiya molodaya. 1994.
30. Gorshkov V. G. Fizicheskie i biologicheskie osnovy ustojchivogo razvitiya zhizni [Physical and biological bases of sustainable development of life] Moscow. VINITI. 1995.
31. Danilov-Danilyan V. I., Losev K. S. EHkologicheskij vyzov i ustojchivoe razvitie [Environmental challenge and sustainable development]. Moscow. VINITI. 2000.
32. Kondratyev K. Ya., Losev K. S. Sovremennye problemy global'nogo razvitiya civilizacii i ee vozmozhnye perspektivy [Contemporary problems in global civilization development and its possible future] // Issledovanie Zemli iz kosmosa - Study of Earth from space. 2002, No. 2, pp. 3–23.
33. Kaznacheev V. P. Ocherki teorii i praktiki ehkologii cheloveka [Essays on the theory and practice of human ecology]. Moscow. Nauka. 1983.
34. Busygin A. G. Op. cit. P. 38.
35. Ibid. P. 51.
36. Ibid. P. 51.
37. Ibid. Pp. 53-55.
38. Commoner B. Op. cit. Pp. 178-180.
39. Girusov E.V. Osnovnye istoricheskie ehtapy vzaimodejstviya obshchestva i prirody [Main historical stages in the interaction of nature and society] // Obshchestvo i priroda: istoricheskie ehtapy i formy vzaimodejstviya - Society and nature: historical stages and forms of interaction / resp. ed. M. P. Kim. Moscow. Nauka. 1981. Pp. 48-57.

Делопроизводственная документация как источник по изучению государственно-старообрядческих отношений (на материалах Вятской губернии второй четверти XIX в.)*

В статье рассмотрены основные разновидности делопроизводственной документации, раскрывающие особенности конфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам во второй четверти XIX в. В первую очередь, это переписка вышестоящих органов с подчиненными, представленная распоряжениями и предписаниями министра внутренних дел вятскому губернатору. Кроме того, в статье проанализирована переписка равных учреждений, включающая в себя отношения епископа Вятского и Слободского вятскому губернатору, составлявшиеся на основе рапортов благочинных, миссионеров Русской православной церкви. Наконец, переписка нижестоящих учреждений с вышестоящими представлена разнообразными документами: рапортами и отчетами православных благочинных и миссионеров епископу Вятскому и Слободскому, рапортами уездных полицейских исправников вятскому губернатору, отчетами и донесениями вятского губернатора, направлявшимися в Министерство внутренних дел. Источниковой базой исследования являются материалы фондов Государственного архива Кировской области, а также нормативно-правовые акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи.

The article considers main types of clerical documentation that reveal particular religious policy of the state in relation to the Old Believers in the second quarter of XIX century. First of all, it is the parent bodies correspondence with subordinates, orders and instructions provided by the Minister of Interior Vyatka governor. In addition, the article analyzes the correspondence equal institutions, including the relationship of the bishop Vyatka and Slobodskoy Vyatka governor shall be made on the basis of the reports of the deans, the missionaries of the Russian Orthodox Church. Finally, the correspondence of subordinate institutions with higher represented a variety of documents: reports and reports of the deans and the Orthodox missionary bishop Vyatka and Slobodskoy, county police reports Ispravnikov Vyatka governor, reports and dispatches Vyatka governor, sent to the Ministry of the Interior. Source base study materials are the State Archives of the Kirov region, as well as the normative legal acts contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire.

Ключевые слова: старообрядцы, Вятская губерния, Русская православная церковь, духовенство, конфессиональная политика, делопроизводственная документация.

Keywords: Old Believers, Vyatka province, Russian Orthodox Church, clergy, confessional policy, clerical documentation.

На протяжении первой половины XIX в. в основе государственно-старообрядческих отношений лежали различные принципы. Так, при Павле I было введено единоверие, которое может быть рассмотрено как компромисс, попытка найти взаимопонимание в отношениях приверженцев староверия и официальной власти. Конфессиональный курс Александра I, характеризовавшийся относительным либерализмом, сменил ряд жёстких репрессивных мероприятий, направленных на искоренение старообрядчества, предпринятых в царствование Николая I. Проследить динамику государственно-старообрядческих отношений позволяют материалы делопроизводственной документации, представленные в фондах Государственного архива Кировской области, рассмотрению которых посвящена данная статья.

Разновидностью делопроизводственной документации является переписка вышестоящих органов с подчиненными. Данную группу исторических источников составляют циркуляры, распоряжения, предписания, запросы и пр. В частности, в фонде канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) ГАКО отложились распоряжения и предписания министра внутренних дел вятскому губернатору, которые позволяют проследить реализацию конфессиональной политики властей по отношению к старообрядческим культовым центрам. Отметим, что законодательство второй четверти XIX в. накладывало жесткие ограничения на функционирование молен «ревнителей

*Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-11-43003.

древнего благочестия». В частности, моленные дома и часовни, построенные до 17 сентября 1826 г., рекомендовалось оставлять «в том положении, в каком они в то время были; после же того... вновь строить что-либо похожее на церкви» не разрешалось. Ремонт или «возобновление старых подобных зданий» запрещались [1]. Опечатанная властями молельня, самовольно открытая старообрядцами, подлежала уничтожению [2].

Так, в 1826 г. было возбуждено следствие против старообрядцев дер. Казаковой Шадринского уезда Пермской губернии, обвиняемых в переносе своей часовни на новое место без разрешения властей, ее ремонте и реконструкции. Комитет министров постановил уничтожить данную старообрядческую часовню, а император распорядился: «Во избежание впредь подобных случаев собрать сведения везде о всех молельнях, часовнях и проч., насколько можно безгласно» [3]. В связи с этим министр внутренних дел В. С. Ланской обратился с предписанием к вятскому губернатору А. И. Рыхлевскому предоставить соответствующие сведения о старообрядческих культовых центрах на территории вверенной ему губернии. На основании рапортов городничих и земских исправников была собрана необходимая информация о функционировавших в различных уездах старообрядческих молельнях и времени их строительства.

Уезд	Название населенного пункта	Год строительства молельни
Уржумский уезд	Дер. Турек	1816 г.
	Поч. Комарово	1802 г.
Орловский уезд	Дер. Алексеевская	1811 г.
Малмыжский уезд	С. Старая Тушка	1815 г.
	Поч. Яшкино	1812 г.
	Дер. Рыбная Ватага	Последняя треть XVIII в.
	Дер. Каракули	1790 г.
Сарапульский уезд	Г. Сарапул	1812 г.
	Дер. Чипаниха	Нач. XIX в.
	Дер. Ильнеша	1796 г.
	Поч. Прокофьев	1776 г.
Нолинский уезд	Поч. Красная горка	1793 г.
	Поч. Таратихинский	1798 г.
	Дер. Боровлянская	1791 г.
	Дер. Гаревская	1746 г.
	С. Слудка	1804 г.
Глазовский уезд	Омутнинский завод	Перестроена в 1820 г.
	Дер. Кува	1811 г.
	Дер. Валамажская	1786 г.
	Дер. Песчаный ключ	1766 г.
	Поч. Борисовский	1805 г. [4]

В фондах ГАКО сохранилось несколько дел рассматриваемого хронологического периода, касающихся одной из обозначенных молелен – в дер. Алексеевской Орловского уезда – и ее владельце – крестьянине Никифоре Ситникове, который был неоднократно судим. Первый раз, в 1805–1806 гг., за то, что «открыто перед людьми называл себя попом». Второй раз, в 1834–1835 гг., за крещение младенца в Благовещенском приходе Орловского уезда у крестьянина Я. Вершинина [5]. По действовавшему тогда законодательству права представителей старообрядческого клира были серьезно ограничены. Так, они не могли передвигаться из уезда в уезд или из губернии в губернию с целью совершения богослужений или отправления духовных треб. Их разрешалось именовать только как «остающийся у раскольников поп или исправляющий у раскольников духовные требы» [6]. В ходе следствия Н. Ситников признал, что совершает обязанности священнослужителя. В этом он несколько раз уличался православным духовенством. Например, священник З. Нагорничный сообщил епископу Вятскому и Слободскому о том, что 12 марта 1837 г. Н. Ситников находился в доме крестьянина Г. Лаптева, скорее всего, с целью перекрещивания (обращение в староверие) последнего во время тяжелой болезни. Об этом свидетельствовали находившиеся при нем предметы: богослужебные книги, восковые свечи, чан с водой [7]. За деятельность по распространению староверия Н. Ситников был выслан в Закавказский край. Молельня же – комната в его жилой избе – была закрыта и опечатана.

В 1843–1848 гг. орловский земский исправник по предписанию вятского губернатора провел расследование для выяснения обстоятельств незаконного открытия домашней молельни женой Н. Ситникова – Феклой. Как и муж, она, по собственному признанию, неоднократно привлекалась к судебной ответственности. Например, за «вступление в брак по раскольническому обряду», за выдачу замуж дочерей «без венчания в церкви», за изготовление восковых свечей

«для тепления перед иконами» [8]. Сургучную печать на двери в моленную комнату, по ее словам, повредили внуки во время игры, но богослужений там не совершалось. Комитет министров 6 марта 1845 г. распорядился «вид моленной в комнате, смежной с жилою избою Феклы Ситниковой, уничтожить, обратив самую комнату в домашнее помещение», а все находившиеся в ней предметы богослужения отправить на рассмотрение в Вятскую духовную консисторию или в МВД («вещи, противные православию»). Фекла же была приговорена к тюремному заключению сроком на 2 недели за то, что допустила открытие молельни и скрыла данный факт от властей. Помимо этого с нее была взята подписка, с тем чтобы впредь «под страхом большего по законам наказания не осмеливалась на будущее время нарушать правила общественного благоустройства» [9]. Относительно молельни в отдельной избе при доме Н. Ситникова сама Фекла ходатайствовала «во избежание невинно личной ответственности... поставить караул из посторонних лиц или дозволить молельню уничтожить» [10]. Министр внутренних дел Л. А. Перовский сообщил вятскому губернатору А. И. Серее решение императора по данному делу: молельню в деревне Алексеевской разобрать, а хранившиеся в ней вещи передать на рассмотрение духовного ведомства. Постановление было приведено в исполнение 19 августа 1848 г.

Недопустимым считалось наличие атрибутов православного храма в старообрядческой молельне: престолов, колоколов, крестов [11]. Так, например, 10 ноября 1835 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов довел до сведения вятского губернатора К. Я. Тютяева решение императора о снятии колоколов с трех старообрядческих часовен Нолинского уезда – Боровской, Ситминской и Таратихинской – и передаче их в церковь при тюремном замке г. Вятки [12]. Позднее последовало распоряжение императора и о снятии крестов с указанных культовых зданий. Помимо этого, руководствуясь Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (Т. 14, ст. 48), за старообрядцами Ситминской волости Нолинского уезда необходимо было установить контроль, для того чтобы не допустить использование ими нового каменного дома, построенного для «призрения престарелых и убогих», в качестве молельни [13]. Нолинский земский исправник получил соответствующие предписания вятского губернатора и рапортами от 31 декабря 1835 г. и 5 февраля 1837 г. отчитался об их исполнении – снятии трех медных колоколов и четырех крестов со старообрядческих молелен в дер. Боровской, Ситминской и Таратихинской, «несмотря на вопль и крики угнетенных скорбию раскольников» [14].

Гражданские и духовные власти на местах обязаны были «иметь строжайшее наблюдение» за тем, чтобы крестьянские избы не преобразовывались в публичные молельни [15]. В частности, в распоряжении министра внутренних дел А. А. Закревского вятскому губернатору Е. Е. Ренкевичу от 11 марта 1831 г. содержится информация о деятельности крестьянина слободы Кукарка Яранского уезда И. Гужавина, направленной на распространение староверия – содержании молельни с целью совершения публичных богослужений для старообрядцев-беспоповцев поморского согласия. В связи с этим вятский губернатор обратился к управляющему вятской удельной конторой с просьбой предоставить сведения о времени строительства молельни и ее состоянии в настоящее время. Из представленного отчета следует, что И. Гужавин являлся старообрядцем-федосеевцем от рождения. Молельня располагалась в его жилой избе. Под нее была отведена одна комната, не похожая на общественную молельню, а скорее напоминавшая «кабинет, в котором в углу на комоде в киоте три образа обыкновенной величины, распятие и пять маленьких медных складней, записные хозяйственные книги и счета» [16]. Ранее И. Гужавин уже привлекался к судебной ответственности и обвинялся в пропаганде староверия, но был оправдан. У местных жителей он пользовался достаточным уважением, поскольку, «происходя из незажиточных поселян, трудами своими в искусном крашении крестьянских холстов, сукон, шерсти, пряжи, наконец, через оборот торговли и честностию приобрел себе состояние». С позиции соблюдения норм нравственности И. Гужавин характеризуется как «примерный из раскольников человек», уважительно относящийся к Русской православной церкви [17]. Об этом свидетельствовало, например, его участие в строительстве Троицкого собора в слободе Кукарке: он наравне со всеми прихожанами внес свою лепту. В целом же старообрядцы-федосеевцы очень критично оценивались представителями власти как не соблюдавшие принципы православной этики: «...безбрачное житие или блуд не ставят за грех и порок, отчего многие девы, состарившись небрачными, имеют детей и внучат, также от незамужних» [18]. Состава преступления в действиях И. Гужавина не было обнаружено и на сей раз, в связи с чем власти ограничились лишь установлением за ним наблюдения. Тем не менее следствие открыло факты функционирования публичных молелен в деревнях Волынцевой и Косогор, а также починке Безводном. При этом первая находилась в доме родственников И. Гужавина – крестьян Светлаковых.

Еще одна важная тема, затрагивавшаяся в циркулярах, распоряжениях и предписаниях министра внутренних дел вятскому губернатору, – недопустимость распространения староверия

через воспитание старообрядцами своих детей как приверженцев «древнего благочестия». В частности, министр внутренних дел довел до сведения вятского губернатора решение Комитета министров относительно старообрядцев деревни Рождественской Орловского уезда, обвиняемых в «уклонении в раскол» и крещении своих детей как старообрядцев. Так, П. Фуфачеву, перешедшую в лоно староверия и способствовавшую привлечению своей дочери Зиновии к «древнему благочестию», следовало подвергнуть тюремному заключению сроком на 3 месяца. Зиновия и Василий Матанцевы, чей брак был освящен в Русской православной церкви, приговаривались к одному месяцу тюремного заключения каждый за крещение трех малолетних дочерей «по раскольническому обряду» [19]. П. Фуфачева и супруги Матанцевы были подвергнуты вышеназванным наказаниям, а затем с них была взята подписка о нераспространении старообрядчества.

Власти особенно строго наблюдали за старообрядцами, с тем чтобы не допустить воспитания ими детей адептов официальной церкви. Закон запрещал сектантам и староверам-беспоповцам, которые отвергали молитву за царя, не признавали таинство брака и потому считались «особенно вредными», «принимать к себе в семейство, под каким бы то видом ни было, детей православного исповедания» [20]. Например, министр внутренних дел информировал вятского губернатора о решении Комитета министров, вынесенном по делу крестьян-старообрядцев Нолинского уезда, уличенных в воспитании детей приверженцев Русской православной церкви «в правилах содержимого ими раскола» [21]. Поскольку вина П. Родыгина, И. Молчанова и Ф. Пермякова в обращении в лоно «древнего благочестия» своих приемных дочерей доказана не была, их освободили от уголовной ответственности. Тем не менее они были предупреждены о наказании по всей строгости закона в случае его несоблюдения в дальнейшем.

Закон запрещал и пропаганду староверия через распространение религиозных книг «донионовской печати». Для старообрядцев они имели особую значимость и играли важнейшую роль в сохранении и передаче их религиозной философии и культуры. Еще в первой четверти XVIII в. в Тюменском уезде добровольно лишили себя жизни через самоожжение местные староверы. Перед смертью они сформулировали причины своего самоубийства: «Сего ради оставляем дома, и все имение свое, и идем на вольную смерть: за старопечатные седми соборов книги, как святые нас учили» [22]. Книга воспринималась старообрядцами как источник непререкаемой истины и носитель традиций, подлежащих бережению. В случае изъятия богослужебных книг представителями власти староверы прилагали все усилия для того, чтобы их отстоять. За распространение запрещенных книг они подвергались преследованию по закону. В частности, к обращению московского военного генерал-губернатора вятскому губернатору прилагался «Список лиц, занимавшихся в Вятской губернии покупкою и продажей старописьменных и старопечатных церковных книг, воспрещенных законом». Среди них значились Иван Изергин и Леонтий Ситников. По распоряжению вятского губернатора орловским уездным исправником было проведено расследование, в результате которого удалось установить, что И. Изергин и Л. Ситников ранее уже привлекались к судебной ответственности. В частности, И. Изергин проходил по делу «о торговле старообрядческими иконами, об отлучке из жительства и о распространении раскола в Подрельской волости» Орловского уезда [23]. Однако его вину в распространении староверия среди адептов официальной церкви доказать не удалось, в связи с чем И. Изергин был освобожден от дальнейшего судебного преследования. Но уже в 1843 г. И. Изергина приговорили к тюремному заключению сроком на 2 месяца за действия по «утверждению единомышленников в их сектаторских заблуждениях» [24]. Л. Ситников дважды был судим за переход в староверие. По предписанию министра внутренних дел вятскому губернатору с И. Изергина и Л. Ситникова была взята подписка о прекращении ими торговли старообрядческими книгами. За приверженцами «древнего благочестия» был установлен строгий надзор со стороны местной полиции.

Переписка равных учреждений представлена отношениями епископа Вятского и Слободского вятскому губернатору, которые составлялись на основе рапортов благочинных, миссионеров Русской православной церкви. Отношения вятского владыки, чаще всего, содержали просьбу принять необходимые меры с целью пресечения распространения староверия, а в этой связи – установить строгий полицейский надзор за наиболее активными адептами старообрядчества, представителями клира «ревнителей древнего благочестия». Так, епископ Вятский и Слободской Неофит сообщил вятскому губернатору А. П. Серее о незаконном функционировании старообрядческой молельни в деревне при двух Студеных ключах Уржумского уезда в доме крестьянина Н. Кунилова. По распоряжению губернатора дело было передано в Уржумский земский суд. Материалы судебного расследования позволяют представить интерьер молельной комнаты приверженцев староверия. Она имела «вид часовни»; «передняя стена убрана во многом количестве образами» в резных «крашеных рамах, сделанных наподобие церковного иконостаса, от самого потолка и до низу»; «перед ними деревянные столбики и на них восковые свечи», «перед образами

висят три лампадки на проволочных цепочках, наполненные деревянным маслом». За иконами – «киот для хранения животворящего осьмиконечного креста» [25]. При обыске в доме Н. Кунилова был обнаружен «медный литой образ во имя Иисуса Христа в святительском облачении с надписью по обе стороны главы: “Благое молчание”, на плечах коего изображены опущенные крылья» [26]. Отметим, что еще в 1723 г. вышел указ, запрещающий производство и продажу медных и оловянных икон на том основании, что «выливаются оныя зело неискусно и неизобразительно, и тем достойныя чести весьма лишаются» [27]. В случае обнаружения таковых их следовало использовать для церковных нужд. Исключение составляли лишь нательные кресты. Появление подобного запрета во многом было обусловлено развитием меднолитейного культового производства именно в старообрядческой среде. Отливаемые староверами иконы имели отличительный признак – изображение двуперстного крестного знамения. Этот символ «дониконовских» обрядов служил поводом для запрета на их распространение. Н. Кунилов в ходе следствия отрицал факт принадлежности ему описанной выше медной иконы, равно как и не взял на себя вину в совершении обрядов и отправлении духовных треб у старообрядцев, в распространении староверия среди адептов официальной церкви. Комитет министров на основании решения Вятской палаты уголовного и гражданского суда постановил приговорить Н. Кунилова к 1 месяцу тюремного заключения, а комнату в его доме, где находилась молельня, обратить в жилое помещение.

В отношениях вятского епископа губернатору приводятся также различные формы выражения старообрядцами неприятия обрядов официальной церкви и новой манеры иконописания, которая предусматривала объемность образа, его светотеневую моделировку. Например, епископ Вятский и Слободской Неофит в отношении вятскому губернатору сообщил о том, что на секретное хранение в ризницу кафедрального собора отправлена икона св. Николая Мирликийского, «на коей зрачки в глазах выверчены, как и середина рта» [28]. Данная святыня была изъята из дома старообрядцев-беспоповцев Мокрушиных дьяконом Петром Стефановым. В апреле 1838 г. священнослужитель благословил ея перед вступлением в брак Н. Мокрушина, согласившегося на присоединение к Русской православной церкви. Дьякон высказал предположение, что старообрядцы Мокрушины (отец и братья с их женами) сознательно совершили порчу православной святыни – это их «умышленная насмешка над иконою» [29]. По поручению вятского губернатора глазовский уездный исправник провел расследование. Н. Мокрушин, давая показания, подчеркнул, что не причастен к факту надругательства над иконой, совершенному в период его отсутствия дома (уезжал вместе с женой к ее родственникам в Вятский уезд). Отношения, сложившиеся между ним – адептом официальной церкви и отцом с братьями – приверженцами староверия можно охарактеризовать как враждебные. Родные даже не употребляли пищу из одной посуды. Беспоповцы Ефим (отец), Лупп, Харитон и Пантелей Мокрушины (его сыновья) заявили, что о повреждении иконы сказать ничего не могут, и сослались на тараканов как виновников происшествия. Православное духовенство справедливо выразило недоумение и сомнение: почему же повреждения иконы столь целенаправленны – глаза, нос – и не затронуты ее другие части? В результате Комитет министров вынес следующее решение по данному делу. Старообрядцам Ефиму, Харитону и Пантелею Мокрушиным с их женами надлежало внушить, что «за всякое дерзостное действие противу святой веры с ними, как уже по настоящему делу оподозренными, поступлено будет по всей строгости законов» [30]. Николай и Лупп Мокрушины были освобождены от судебного преследования как перешедшие в лоно Русской православной церкви, однако их обязали подпиской исполнять обряды официальной церкви, быть ее верными сторонниками и в духе приверженности её воспитывать своих детей.

Переписка нижестоящих учреждений с вышестоящими представлена разнообразными документами: рапортами и отчетами православных благочинных и миссионеров епископу Вятскому и Слободскому, рапортами уездных полицейских исправников вятскому губернатору, отчетами и донесениями вятского губернатора, предоставлявшимися в Министерство внутренних дел. Последние содержат важную информацию обобщающего характера о состоянии староверия на территории Вятской губернии, предполагаемых причинах его развития и возможных путях преодоления. К сожалению, подобные сведения во многом являлись эмоционально-оценочными, не достаточно взвешенными и объективными. Так, например, в числе важнейших причин распространения старообрядчества губернатор К. Я. Тютчев называет отрицание староверами таинства брака: «Потворство грубой чувственности необразованных людей манит их в расколы» [31]. Однако не следует в этом смысле уравнивать всех «ревнителей древнего благочестия». Наибольшим фанатизмом отличались беспоповцы, часть которых не признавала таинства брака. Вместе с тем само положение о привлекательности создания семьи без венчания в храме православным священником тоже не следует абсолютизировать и распространять на массы адептов официальной церкви. Наконец, называть всех старообрядцев «необразованными людьми» не совсем корректно. Среди них было

немало грамотных и начитанных, особенно среди представителей старообрядческого клира, наставников и уставщиков. Уровень грамотности вятских староверов и приверженцев Русской православной церкви в конце XIX в., по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., был вполне сопоставим: 15,2 и 15,7% соответственно [32].

В соответствии с общей тенденцией оценки старообрядцев представителями светской и духовной власти вятский губернатор называет староверов «заблуждающимися фанатиками», а их «хитрость» и ревностное отношение к «древнему благочестию» и делу его распространения он выделяет в качестве одной из причин активного развития староверия [33]. Нужно признать, что и это суждение вятского губернатора не лишено эмоционально-оценочного подтекста. Действительно, старообрядцы использовали различные способы распространения своего вероучения и, порой, в известной степени проявляли смекалку. Например, они заводили разговор о религии, проникая в дома последователей официальной церкви под предлогом выполнения определенного ремесленного заказа. Однако, следуя их примеру, эту же тактику в своих интересах использовали и православные миссионеры. Ревность в исполнении долга проявляли, наверное, в равной мере как православные служители культа, так и старообрядцы, разумеется, осмысливая его каждый по-своему.

Еще одной причиной распространения староверия, по мнению вятского губернатора К. Я. Тюфяева, являлась высокая плата за совершение обрядов и отправление духовных треб, взимаемая православными пастырями. Здесь позиция представителя власти может быть оценена двойственно. С одной стороны, существование указанной проблемы нельзя отрицать, но, с другой стороны, ее не следует гиперболизировать, поскольку основная масса представителей православного духовенства – люди, искренне преданные своему делу, для которых духовные ценности и интересы являлись истинными и безусловно преобладавшими над материальными. Лишь отсутствие необходимых средств для жизни, а не желание обогащения побуждало их к взиманию платы со своих прихожан. Проблема материального обеспечения духовенства сохранит свою актуальность и во второй половине XIX в. Попытки ее решения предпринимались, в частности, в ходе реформ Александра II. Кроме того, священнослужители у старообрядцев тоже исполняли свой духовный труд не бескорыстно и устанавливали определенную плату за совершение тех или иных обрядов, правда, сами староверы старались не предавать это огласке.

Заявление губернатора о фанатизме староверов приходится признать справедливым. Он, действительно, имел место быть. С одной стороны, именно твердость религиозных убеждений и фанатичное следование им помогли старообрядцам выстоять в самых жестких условиях преследований и репрессий. С другой стороны, проявления фанатизма в практике жизни могли иметь и печальные последствия. Известны случаи раскола внутри семьи, когда перешедших в лоно официальной церкви староверы подвергали настоящим гонениям и наказаниям. К проявлениям фанатизма старообрядцев на бытовом уровне можно отнести их отказ от употребления пищи из одной посуды с приверженцами Русской православной церкви, обязательное освящение купленных на рынке продуктов. Подобные строгие предписания были характерны, например, для беспоповцев федосеевского толка. Справедливо губернатор указывает и на материальные преимущества старообрядцев, использовавшиеся ими для поддержания и развития «древнего благочестия». Среди староверов было немало преуспевающих купцов, занимавшихся благотворительностью и не жалевших средств на оказание помощи материально нуждавшимся религиозным единомышленникам, приобретение книг и предметов культа, содержание молелен.

В завершение губернатор К. Я. Тюфяев останавливается на характеристике мер против староверия в целях его искоренения. По характеру воздействия они подразделялись на «убеждение» и «полицейские меры». При этом, в разрез доминировавшим тогда представлениям о необходимости использования в отношении старообрядцев мер силового характера, вятский губернатор справедливо подчеркивает, что средство, «единственно возможное для полного искоренения расколов», – это убеждение. Напротив, «меры решительные и строгие могут остановить только на время и заставить раскольников отправлять обряды своего заблуждения еще таинственнее» [34]. Прежде всего, губернатор говорит о необходимости реализации ряда мероприятий внутрицерковного характера, направленных на повышение образовательного и нравственного уровня представителей православного клира, обеспечение финансирования их труда за счет государства. Миссионерами, по замечанию губернатора, должны становиться лишь те священники, которые «чувствуют призвание и способность к данной работе». Представитель гражданской власти обращает внимание и на просветительские меры воздействия на старообрядцев и в связи с этим рекомендует поощрять обучение их детей «грамоте и Закону Божию под наблюдением приходских священно- и церковнослужителей» [35]. Наконец, губернатор говорит о необходимости организации сбора сведений о сущности староверия. Тогда «будет виден источник раскола» и «спо-

собы к опровержению» учения старообрядцев [36]. В числе мероприятий полицейского характера в отчете губернатора фигурируют такие, как выселение «совершенно неисправляемых» староверов «из мест их жительства в дальние губернии» в целях исключения их контактов с адептами официальной церкви; пресечение совместного проживания старообрядцев и приверженцев «древнего благочестия», а также воспитания старообрядцами детей последователей Русской православной церкви; сбор статистической информации о численности староверов органами полиции в целях контроля и пресечения количественного роста сторонников «древнего благочестия» [37].

Значительный дискриминационный элемент по отношению к старообрядцам содержало гражданское законодательство. Так, вятский губернатор передал в МВД материалы дела, рассмотренного Вятской палатой уголовного и гражданского суда, о староверах, заключивших брак по своему обряду, не предусматривавшему венчание в официальной церкви. В соответствии с действовавшим законодательством такие браки не признавались законными, а дети от этих браков не обладали правами наследования [38]. В случае, если старообрядцы после беседы с православным священником отказывались освятить свой брак венчанием в православном или единоверческом храме, они подлежали наказанию. Например, старообрядцы Орловского уезда Яков и Степанида Шмырины, Василиск и Анна Кононовы, Патрикей и Матрена Буяковы, Викул и Устинья Караваевы были приговорены к тюремному заключению сроком от 2 до 3 недель (увеличение срока связано с тем, что некоторые старообрядцы подвергались судебному преследованию вторично). Кроме того, были наказаны и свидетели, присутствовавшие при заключении названных браков: Михаил Крюков и Игнатий Баранов были заключены в тюрьму при волостном правлении на 1 неделю, а Маркел Буяков – на 2 недели, поскольку ранее уже был судим. Сын Якова и Степаниды Шмыриных – Тимофей после увещаний миссионера венчался в Сосновогорской единоверческой церкви со своей женой Матреной и на этом основании был освобожден от дальнейшего судебного преследования. Василий же Буяков – сын Патрикея и Матрены – дал аналогичное согласие на заключение официального брака с Федосьей Караваевой, однако не встретил взаимности. После обращения в Вятскую духовную консисторию с просьбой помочь разрешить сложившуюся ситуацию ему была предоставлена «свобода вступления в брак с иным лицом» [39].

Важным источником информации являются рапорты уездных полицейских исправников и станowych приставов вятскому губернатору о проведенном расследовании по тому или иному делу. Например, в канцелярию вятского губернатора поступила «Краткая записка из дела» о задержанном на территории Орловского уезда старообрядце Рязанской губернии Спиридоне Орлове. Следствие установило, что он являлся приверженцем поповщины. На вятской земле старообрядец оказался во время своего паломничества. В Колбинском волостном правлении ему было выдано свидетельство, «увольняющее вечно для богомолia в монастырях разных губерний Российской империи» [40]. По словам самого С. Орлова, в одной из старообрядческих обителей он намеревался остаться жить. Паломник посетил уже несколько губерний: Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Тверскую, Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Симбирскую, Саратовскую, Оренбургскую, Казанскую – и намеревался после Вятки отбыть в Архангельскую губернию. По заявлению С. Орлова, пропагандой староверия он не занимался. Тем не менее при нем были обнаружены книги религиозного содержания, четки и другие предметы, которыми он торговал. Кроме того, старообрядец оказал сопротивление властям – отказался поставить свою подпись под протоколом допроса. Наконец, С. Орлов попытался разыграть сцену умопомешательства и тем самым представить себя душевнобольным. «У самых дверей присутственной камеры, останавливаясь, говорил... что он боится взойти в присутствие, потому что у него мешается ум и, упираясь, напоследок введен был унтер-офицером и стоял у самых дверей». Во время допроса постоянно «что-то шептал», говорил, что у него «ум мешается» [41]. Присутствовавший при этом врач не смог сразу определить, притворяется С. Орлов или действительно является больным. Данное дело было рассмотрено Орловским земским судом, затем Вятской палатой уголовного суда. В связи с тем что вина С. Орлова в совершении преступления доказана не была, суд ограничился вынесением приговора о внушении старообрядцу мысли о необходимости строгого соблюдения закона и отправлении его в Рязанскую губернию в Егорьевский уездный суд. Свидетельство же, полученное С. Орловым в Колбинском волостном правлении, суд признал незаконным, поскольку таковое могло быть выдано только адепту официальной церкви при условии согласия губернатора. Все обнаруженные при нем вещи были рассмотрены Вятской духовной консисторией. Часть из них, признанных не имевшими вреда для православия, – медные нательные кресты, кожаные лестовки – вернули владельцу. Однако некоторые книги консистория сочла написанными «весьма дурно и с большими ошибками». Это касается, например, «выписки духовно-нравственных слов и поучительных сказаний древних отцов церкви» и «суетумудрого поучения о молитве Иису-

совой». В одной рукописи духовенство усмотрело «сказания против патриарха Никона и вообще против православной церкви» и признало ее «очевидно вредной» [42]. Подобные книги отправлялись либо в Министерство внутренних дел, либо на секретное хранение в ризницу кафедрального собора. Дело С. Орлова завершилось в Егорьевском уездном суде, который признал его находящимся в разуме и «полной памяти». За попытку обмануть следствие, изобразив себя душевнобольным, старообрядец был приговорен к тюремному заключению сроком на три месяца.

Таким образом, законодательство второй четверти XIX в. было направлено на полное искоренение староверия путем преследования его адептов, принятия против них мер дискриминационного характера. Именно при Николае I прекратили свою деятельность многие культовые центры старообрядчества, такие, как Выго-Лексинская пустынь, монастыри на Иргизе. Для ограничения деятельности «ревнителей древнего благочестия», по указанию императора, Успенская церковь Преображенского кладбища была преобразована в православную. Два крупнейших религиозно-культурных центра староверия в России – Рогожское и Преображенское кладбище – были поставлены под строгий контроль властей. Однако, несмотря на все репрессивные меры, старообрядчество продолжило свое существование.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе (1825–1881). Т. 18 (1843). Ч. 2: прибавление к тому XVII. СПб., 1844. С. 6. ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 1 (12 дек. 1825 г. – 1826 г.). СПб., 1827. С. 946.
2. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 140.
3. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 582. Оп. 126. Д. 103. Л. 1 об.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 126. Д. 103.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 44. Л. 1 об.
6. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 136.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 48. Л. 1.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 а. Д. 5. Л. 100 об.
9. Там же. Л. 25.
10. Там же. Л. 100 об.
11. ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). СПб., 1837. С. 446.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4. Л. 13 об.
13. Там же. Л. 13 об.
14. Там же. Л. 39.
15. ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). СПб., 1837. С. 447.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 154. Л. 109.
17. Там же. Л. 3 об.
18. Там же. Л. 6 об.
19. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 а. Д. 4. Л. 30 об.
20. ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 18 (1843). СПб., 1844. С. 596.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 91. Л. 4 об.
22. Цит. по: *Покровский Н. Н.* О роли древних рукописных и старообрядческих книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. 1973. Вып. 14. С. 29.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 129. Д. 6. Л. 6 об.
24. Там же. Л. 7.
25. ГАКО. Ф. 582. Оп. 14 а. Д. 20. Л. 5–5 об.
26. Там же. Л. 31.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VII (1723–1727). СПб., 1830. С. 19.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 112. Л. 1.
29. Там же.
30. Там же. Л. 31 об.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 3. Л. 107.
32. *Машковцева В. В.* Старообрядцы Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 61.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 3. Л. 104 об.
34. Там же. Л. 108 об.
35. Там же. Л. 110.
36. Там же. Л. 110 об.
37. Там же. Л. 111.

38. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 135.
39. ГАКО. Ф. 582. Оп. 129. Д. 4. Л. 36 об.
40. ГАКО. Ф. 582. Оп. 129 а. Д. 42. Л. 5.
41. Там же. Л. 12–12 об.
42. Там же. Л. 42–42 об.

Notes

1. Complete collection of laws of the Russian Empire (hereinafter CCLRE). The second coll. (1825-1881). Vol. 18 (1843). Part 2: a new addition to the XVII. SPb., 1844. P. 6. CCLRE. The second coll. (1825-1881). Vol. 1 (12 Dec. 1825 – 1826). SPb. 1827. P. 946. (in Russ.)
2. Review of activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881. SPb. 1903. P. 140. (in Russ.)
3. State archive of the Kirov region (hereinafter – GAKO). F. 582. Sh. 126. F. 103. Sh. 1 turn.
4. GAKO. F. 582. Sh. 126. F. 103.
5. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 44. Sh. 1 turn.
6. Review of activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881. SPb. 1903. P. 136. (in Russ.)
7. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 48. Sh. 1.
8. GAKO. F. 582. Sh. 14. F. 5. Sh. 100 turn.
9. Ibid. Sh. 25.
10. Ibid. Sh. 100 turn.
11. CCLRE. The second coll. (1825-1881). Vol. 11 (1836). SPb. 1837. P. 446.
12. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 4. Sh. 13.
13. Ibid. Sh. 13.
14. Ibid. Sh. 39.
15. CCLRE. The second coll. (1825-1881). Vol. 11 (1836). SPb. 1837. P. 447.
16. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 154. Sh. 109.
17. Ibid. Sh. 3 turn.
18. Ibid. Sh. 6 turn.
19. GAKO. F. 582. Sh. 14. F. 4. Sh. 30 turn.
20. CCLRE. The second coll. (1825-1881). Vol. 18 (1843). SPb. 1844. P. 596.
21. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 91. Sh. 4 turn.
22. Cit. by: Pokrovsky N. N. O roli drevnih rukopisnyh i staroobryadcheskih knig v skladyvanii sistemy avtoritetov staroobryadchestva [About the role of ancient old believer manuscripts and books in the folding system of the authority of the old believers] // Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka - Scientific library of Siberia and the Far East: collected papers. 1973. Vol. 14. P. 29.
23. GAKO. F. 582. Sh. 129. F. 6. Sh. 6 turn.
24. Ibid. Sh. 7.
25. GAKO. F. 582. Sh. 14. F. 20. Sh. 5-5 turn.
26. Ibid. Sh. 31.
27. Complete collection of laws of the Russian Empire. The collection first. Vol. VII (1723-1727). SPb. 1830. P. 19. (in Russ.)
28. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 112. Sh. 1.
29. Ibid.
30. Ibid. Sh. 31.
31. GAKO. F. 582. Sh. 128 F. 3. Sh. 107.
32. Mashkovtseva V.V. Staroobryadcy Vyatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: social'no demograficheskij aspekt [The old believers of the Vyatka province in the second half of XIX – early XX century: socio demographic aspect] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 9, p. 61.
33. GAKO. F. 582. Sh. 128. F. 3. Sh. 104 turn.
34. Ibid. Sh. 108 turn.
35. Ibid. Sh. 110.
36. Ibid. Sh. 110.
37. Ibid. Sh. 111.
38. Collection of judgments on the split. SPb. 1875. P. 135.
39. GAKO. F. 582. Sh. 129. F. 4. Sh. 36.
40. GAKO. F. 582. Sh. 129. F. 42. Sh. 5.
41. Ibid. Sh. 12-12 turn.
42. Ibid. Sh. 42-42 turn.

Институты государственной власти Российской империи в восприятии локальной мусульманской общины в начале XX в. (на примере Астраханской губернии)

В статье рассматривается восприятие мусульманской общины Астраханской губернии различных событий региональной и общегосударственной жизни Российской империи в начале XX в. (начиная с событий Русско-японской войны и заканчивая Первой мировой войной). Полиэтническая астраханская мусульманская община, основой которой были различные группы тюркоязычных народов – татары, ногайцы, казахи, в этот период не оказалась в стороне от процессов, охвативших весь мусульманский мир России. Несмотря на проникновение в регион панисламистских и пантюркистских идей, безусловно оказавших влияние на активизацию общественной жизни мусульман, в целом астраханская махалля оказалась весьма лояльной по отношению к господствующему строю и императорской фамилии.

На основе анализа архивных источников и публикаций периодической печати воссоздана полная картина выражения верноподданнических чувств и выражений со стороны махалли по отношению к различным институтам государственной власти Российской империи накануне ее падения: Императору и Царствующему Дому, центральным и местным органам исполнительной власти. Формы выражения лояльного отношения со стороны махалли были различными: торжественные коллективные молебны, сборы денег, преподнесение благодарственных адресов, отправление телеграмм и т. д.

Не последнюю роль в устоявшейся системе взаимоотношений властей и махалли играла верхушка мусульманского духовенства и татарской буржуазии. С другой стороны, власти в ответных благодарственных адресах и телеграммах, других действиях всячески демонстрировали свою поддержку этой социальной группе, видя в ней оплот своего влияния на мусульман в целом.

This article discusses the perception of the Muslim community Astrakhan province various regional events and national life of the Russian Empire in the early twentieth century (starting with the events of the Russo-Japanese war to the First World war). Multiethnic Astrakhan Muslim community, the basis of which were different groups of Turkic peoples – Tatars, Nogais, Kazakhs, in this period, was not on the side of processes covering the entire Muslim world is Russia. Despite the penetration in the region pan-Islamic and pan-Turkic ideas certainly had an influence on the activation of the social life of Muslims in General, Astrakhan mahalla has been very loyal to the ruling regime and the Imperial family.

Based on the analysis of archival sources and publications periodicals recreated the full picture of the expression loyal feelings and expressions from the mahallas in relation to the various institutions of state power of the Russian Empire on the eve of its fall: the Emperor and the Reigning House, the Central and local Executive bodies. Forms of expression loyal attitude were different: a solemn collective prayers, charges money, the giving of thanks addresses, sending telegrams, etc.

Not the last role in the established system of relations between authorities and communities, played the tip of the Muslim clergy and the Tatar bourgeoisie. On the other hand, the authorities in response thanksgiving address and telegrams, other activities, strongly demonstrated their support for this social group, seeing it as a bulwark of its influence on Muslims in General.

Ключевые слова: махалля, мусульмане, лояльность, пантюркизм, панисламизм, верноподданнические настроения, мусульманское духовенство.

Keywords: community, Muslims, loyalty, pan-Turkism, pan-Islamism, the loyal sentiments, the Muslim clergy.

Главной особенностью Астраханской губернии была ее многоэтничность, что непосредственно связано с историей заселения и освоения края. С момента присоединения Астраханского ханства к России в середине XVI в. регион Нижней Волги стал местом компактного проживания русского и различных тюркских народов: татар, ногайцев и казахов, с течением времени составивших здесь вторую по численности демографическую группу.

В начале XX в. власти Российской империи были всерьез обеспокоены проблемой распространения идей панисламизма и пантюркизма среди российских мусульман, а также возникнове-

нием этноконфессиональных общественных организаций. Идея мусульманской солидарности, «единства в вере» в их сознании и в национально-освободительном движении тесно переплеталась с комплексом представлений о родственности тюркских народов, об исторической общности их судьбы. Высшим выражением этой идеи стало создание организации мусульман России «Иттифак-аль-Муслимин». В Астраханской губернии создаются сразу два общества мусульман «Шурай-Ислам» (близко по политическим идеям к российским кадетам) и «Джамияти-Исламия» (объединило в своих рядах консервативное мусульманское духовенство и верхушку татарской буржуазии).

В губерниях со значительным мусульманским населением, к которым относилась и Астраханская губерния (тюрки-мусульмане составляли четвертую часть населения и в губернии в целом, и в губернской Астрахани), жандармским управлениям было поручено тщательное наблюдение за распространением идей панисламизма и пантюркизма, а в случае необходимости и их пресечение [1].

В связи с этим в начале XX в. было возбуждено несколько дел по обвинению в панисламизме, ряд общественных и религиозных деятелей-мусульман были привлечены к следствию (Мустафа Измайлов, Хабибулла Умеров, Абдурахман Умеров, Нурмухамед Асфандияров), но доказать их панисламистскую деятельность жандармерии не удалось [2].

Этот факт на самом деле является весьма существенным доказательством того, что в описываемый период астраханская мусульманская община была весьма лояльно настроена по отношению к властям, местным и центральным, и к царствующему дому. Татары-предприниматели различного уровня достатка исправно платили налоги. При всяком уместном случае высказывали свои верноподданнические чувства, а в минуты тяжелых испытаний для Родины были всегда солидарны со всей страной. Практически все случаи выражения верноподданнических чувств махаллей были зафиксированы в русскоязычной астраханской прессе, что, несомненно, должно было демонстрировать единство интересов мусульман со всем российским обществом.

Как известно, в марте 1904 г. Япония напала на Порт-Артур и началась Русско-японская война. 1 февраля 1904 г. в Черной мечети города было совершено «горячее молебствие» ахуном Максютковым в присутствии прихожан оной мечети, собравшихся на третью молитву (икинди) о «ниспослании творцом всевышним Аллахом, как самому Государю Императору Николаю Второму, так и его войскам побед по случившейся в настоящем времени войне с самовозбужденной, злонамеренной Японией».

По окончании молитвы ахун Максютов упомянул всем собравшимся прихожанам о полном сочувствии воинам, «льющим за Отечество свою кровь». Затем попечителями соборной Черной мечети гг. Ахметжаном Кардашевым и Жиганшой Маракаевым производился сбор пожертвований с прихожан на нужды Красного Креста.

Сам ахун Х. А. Максютов через печать обращается к махалле: «Призываю всех единоверцев к пожертвованию на такое важное и благое дело, ибо исламизм заключается, главным образом, в любви к Отечеству и сочувствии к бедам чужим и истинным терпением к страждущим» [3].

Авторитет ахуна был столь велик, что уже 6 февраля за Пороховыми погребями, на границе 6-го участка города, собралась «толпа татар, явившихся сюда для молебна о даровании победы русским войскам». На открытой площади была поставлена кафедра, на которой поместился мулла. На молебне присутствовало до 300 человек – жителей окрестных сел Астраханского уезда. Тут же было собрано более 80 рублей в пользу Красного Креста [4].

Присоединились астраханские мусульмане и к «всепоподданнейшему адресу», который направили оренбургский муфтий Хаджи Мухамедъяр Султанов императору «с выражением верноподданнических чувств мусульман вверенной ему паствы, по поводу событий на Дальнем Востоке», за что Николай II «русских мусульман искренне благодарил» [5].

Религиозные праздники, Курбан-байрам, Ураза-байрам и другие, также часто становились поводом для демонстрации верноподданнических чувств. Так, в феврале 1903 г., во время празднования Курбан-байрама во всех мечетях «были отслужены молитвы за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, Их Семейства, Государя наследника и всего Царствующего Дома» [6].

Одним из проявлений верноподданнических настроений махалли в начале XX в. становится практика преподнесения адресов как центральным, так и местным властям.

С губернатором генерал-лейтенантом М. А. Газенкампом у махалли сложились особо дружественные отношения. 18 января 1900 г. он принимал у себя мулла – 15 представителей-депутатов от мусульманского населения города Астрахани и Астраханского уезда во главе со старшим ахуном Алимбеком Салиховым и председателем местного Попечительства о бедных татарах Исхаком Искендеровым. Представленные высказали примерно следующее:

«Мы, уполномоченные представители от мусульманского населения города Астрахани и его уезда, считаем приятным долгом приветствовать Ваше Превосходительство с благополучным возвращением из той местности, населенной нашими единоверцами, в коей была болезнь, угрожавшая бедствием и нашему городу. Но благодаря самоотверженным и энергичным Вашим мерам, болезнь эта в начале ее возникновения – подавлена.

Мусульманское общество, проникнутое чувством глубокой благодарности к особе Вашего Превосходительства за столь самоотверженный Ваш подвиг, 14 января, в пятницу, во всех мечетях города Астрахани и уезда возносило молитву всевышнему Аллаху о ниспослании вам и дорогой супруге вашей полного здоровья и благоденствия на многие лета».

Кроме вышеназванных руководителей делегации адрес подписали ахуны: А. Максютлов, М. Уразаев; имамы: А. Алиев, А. Ходжаев, А. Умеров, М. Шабанов, Ф. Абушахманов, М. Кугиев, Х. Умеров, М. Умеров; купцы: Ф. и Х. Тагировы, М. Ж. Маракаев, М. Карклинов и И. Нугаев.

Губернатор благодарил представителей мусульманского общества за приветствие и заметил, что вполне убедился за время своего пребывания в губернии, как честно и усердно мусульмане исполняют свой долг в самых трудных чрезвычайных случаях. Он был доволен и заявил, «что сочтет священным долгом доложить об их образцовом поведении самому Государю императору, когда будет иметь счастье представляться Его императорскому Величеству» [7].

Не отставала и шиитская община. В последние дни декабря 1899 г. персидский Генеральный Консул генерал Мирза-Казим-Хан Монтахенов Салтанэ вручил губернатору Газенкампу благодарственный адрес от проживавших в Астрахани персидскоподданных и «от лица всех персов, проживающих в Астрахани». Повод – тот же, поездка губернатора в Царевскую волость, когда там свирепствовала чума. Пожелания – здоровья и благополучия на долгие годы. Адрес подписал ахун персидской мечети и 34 «выдающихся представителя торговли из персидскоподданных», проживавших в Астрахани [8].

21 января 1900 г. по этому же поводу была отслужена служба в персидской мечети «в присутствии большой массы прихожан-шиитов» [9].

18 сентября 1903 г. астраханские мусульмане поднесли астраханскому губернатору М. А. Газенкампу благодарственный адрес по случаю его отставки: «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый и незабвенный Михаил Александрович! С чувством искреннего сожаления узнали мы, что Вы, Ваше Превосходительство, оставляете наш край. Всегда Вы были внимательны к нашим просьбам, сочувственно относились к нашим нуждам и многое сделали для нас. Признательные и благодарные мы, мусульмане города Астрахани и его уезда, молимся Аллаху, да будут пути Вашей дальнейшей жизни и деятельности неприкосновенны, да будет Вам удача во всех ваших делах и да пошлет Вам Аллах в жизни Вашей счастье, насколько оно возможно в жизни земной, где столько испытаний, потерь и горя. Да утешит Вас Господь во всякой скорби и пошлет Вам мир и радость!» [10]

Не отставали в выражении верноподданнических чувств властям и мусульмане-шииты, проживавшие в городе. 22 марта 1905 г. местным персидским консульством была получена телеграмма, уведомлявшая о смерти самого высокого в мире мусульман-шиитов лица Мирзы Гасана Мамагани. Вследствие этого мулла Абдулла Рахимов, ахун астраханской Персидской мечети, назначил в ней торжественное заупокойное богослужение. Оно привлекло массу молящихся мусульман, среди которых наблюдалось немало и армян.

По окончании богослужения ахун, познакомив публику с содержанием манифеста от 18 февраля 1905 г., обратился к присутствующим «с горячим словом увещания и совета». В своем напутствии священнослужитель «указав на тяжелый исторический момент (шла Русско-японская война, началась Первая русская революция. – М. И.), переживаемый в это время Россией, призвал шиитов прийти на помощь стране не только словом, но и делом, кто только чем может, ибо шиитское население России, как русско- так и персидскоподданное, пользуются в России, в этом втором, для последних, отечестве, хорошим, заботливым отношением со стороны русского правительства, их нужды и желания равно для него дороги, как своих природных россиян».

Далее оратор, возвратясь к теме тяжелого времени, переживаемого Россией, напомнил место из Корана, где говорится «о долге подданного всегда приходить во время нужды на помощь своему Государю, которому он присягнул в верноподданничестве».

В конце был отслужен еще один молебен за победу русского оружия на Дальнем Востоке над врагом и «полного умиротворения населения внутри государства с ниспосланием долголетия и счастливого царствования Его Императорскому Величеству Государю императору Николаю II, Государыне Императрице Александре Федоровне, Матери Его Марии Федоровне и Наследнику Алексею Николаевичу и Всему Царствующему Дому» [11].

По случаю окончания неудачной для России Русско-японской войны, по всей территории империи, тем не менее, были отслужены торжественные молебны. 12 октября 1905 г. во всех ме-

четях города Астрахани и уездов были совершены в присутствии имамов, хатыпов и многочисленной публики «благодарственные молебствия» по случаю заключения мира России с Японией. После молебна муллами народу был прочитан Манифест и были произнесены краткие воззвания к народу об объединении мусульман с правительством и устранении себя от недоброжелательных внутренних и внешних врагов Отечества [12].

Революционные события осени 1905 г. заметно взволновали махаллю. Создание монархических организаций с их откровенно националистическими лозунгами вызывает серьезные опасения погромов. В этой ситуации, 20 ноября 1905 г., 12 мулл городских и сельских и 20 волостных старшин и «почетных стариков» ближайших к городу татарских сел явились к губернатору генерал-лейтенанту Б. Л. Гронбчевскому «для выражения ему благодарности за энергичное и умелое охранение – представителей от мусульманского населения губернии. Цель визита – «выражение губернатору благодарности за энергичное и умелое охранение порядка в городе и его пригородах, населенных татарами, и за всегда отзывчивое отношение к нуждам татар».

Благодарность была выражена в форме адреса, по прочтении которого приветственное слово сказал по-татарски один из мулл. В своей ответной речи губернатор благодарил все мусульманское население за соблюдение порядка и во время первых дней по объявлении манифеста 17 октября, и «теперь, во время последних татарских праздников», и просил их и впредь «не поддаваться дурным внушениям и не верить глупым слухам».

Б. Л. Гронбчевский говорил далее: «Вот и сегодня, как мне сообщили наши татары, вас предупреждали, чтобы вы не шли сюда. И за то, что вы сюда придете – вас пугали, что бросят бомбу. Благодарю вас, что вы не поверили этой глупой выходке каких-то лиц, подписавшихся “Социально-Демократической рабочей партией”. Пришли бы вы ко мне или не пришли, это не изменило бы наших добрых отношений, не поколебало бы существующего между нами доверия, но мне дорого, что вы умеете отличать ложь от правды и не поддаетесь злым и ложным наветам. За что вас убивать? Какой злодей рискнет обидеть вас, мирных тружеников? До сих пор жители Астрахани показывали отменно-корректное взаимное отношение. Это обстоятельство заставляет меня думать, что распускалась ложь». Затем беседа перешла на нужды отдельных татарских обществ, о чуме, о народном представительстве и т. д. Переводчиком выступил заведующий Первым городским русско-татарским училищем личный почетный гражданин Искан Халильуллович Искендеров [13].

В начале апреля 1907 г. со стороны местных монархистов была послана на имя Его Императорского Величества телеграмма, требовавшая роспуска 2-й Государственной думы. 1 апреля местное «прогрессивное» мусульманское общество «Шурай-Ислам», обсуждая вопрос о напряженности атмосферы во 2-й Государственной думе, пришло к такой резолюции: обратиться на имя Его Императорского Величества с всеподданнейшей телеграммой за существование Государственной думы. А копии означенной телеграммы, переменив несколько слов, послать: 1) Председателю Государственной думы Головину; 2) премьер-министру П. А. Столыпину; 3) мусульманской фракции Государственной думы; 4) и 5) депутатам от Астрахани Шмарину и Евреинovu; 6) редакции газеты «Речь».

Вот текст этой телеграммы: «Ваше Императорское Величество! Многотысячное астраханское мусульманство, почувствовав напряженность атмосферы, в которой приходится работать Государственной Думе, всеми силами души протестует против требования небольшой группой астраханских монархистов роспуска Думы. Отсутствие дарованной Вашим Императорским Величеством свободы слова, не обеспеченная неприкосновенностью личности, стеснения в развитии мусульманской школы, почти ежедневная конфискация цензором Астрахани умеренной русской и мусульманской печати, основанные на произвольном усмотрении и толковании закона 25 ноября 1905 г., обнаружившиеся смертельные истязания в местной тюрьме, беспомощность массы безработных, все это вопиет к Вашему Императорскому Величеству и народным представителям – печальникам земли русской. На Вас Государь, и на избранников народа все наши надежды, все упования. За существование Государственной Думы, за ее успех на благо народа под могущественной защитой Вашего Величества горячо бьются сердца всех мусульман. Верноподданные Вашего императорского Величества» [14].

Любое общественное мероприятие, как правило, сопровождалось торжественным молебствием, посвященным цели собрания махалли, а затем неизменно следовала отдельная служба, посвященная Царствующему Дому.

Так, например, 27 апреля 1908 г. общество «Шурай-Ислам» устроило торжественный официальный прием по случаю открытия вновь приобретенного здания. На мероприятии присутствовали как члены общества и другие лица из местного мусульманского населения, так и представители городского общества, печати и др.: губернский предводитель дворянства Д. Н. Сергеев,

член управы П. С. Кравченко, гласные Думы И. Г. Сергеев, А. А. Аваков, Н. Д. Пацукевич, П. Г. Никифоров, редактор-издатель «Астраханского листка» В. И. Склабинский, присяжный поверенный М. Л. Дайхес, член Государственной думы В. А. Виноградов.

В 12 часов была завершена молитва по мусульманскому обряду по случаю открытия нового помещения, а затем молитва о Благополучии Царствующим Особ. Моление совершено торжественно старшим ахуном города [15].

В год 300-летия Дома Романовых по России прокатились массовые торжества. В Санкт-Петербург направлялись адреса, петиции, телеграммы с выражением верноподданнических чувств. Не остались в стороне и представители татарской общественности города Астрахани.

Жители 5-го участка города на чрезвычайном собрании в декабре 1912 г., под председательством муллы Мусы-Абдул Алимовича Патеева, решили в память 300-летнего юбилея Дома Романовых соорудить в г. Астрахани в 5-м участке, на Семиковской площади, на отведенном городом месте, каменную соборную мечеть по составленному архитектором Варганек-Вальдовским плану, стоимость которой определена в 50 000 рублей. После постройки в определенном месте этой мечети поставить медную доску, на которой на русском и татарском языках выгравировать полный текст статьи 67 Основных Законов Российской империи о свободе вероисповедания. Планировалось пригласить к участию в строительстве этой мечети мусульманское население города Астрахани и окрестных сел.

Собравшиеся постановили представить данный приговор «в подлинном его виде» астраханскому губернатору и «по рассмотрении в губернском правлении и утверждении плана проектируемой мечети испросить Высочайшее разрешение на присвоение сооружаемой мечети наименования “Царской соборной мечети в память 300-летия Дома Романовых”».

Место на Паробичевом бугре, размером 400 кв. саженей под строительство мечети городом махалле было отведено еще в 1906 г. [16] План архитектора Вальдовского не был утвержден губернским Правлением, и вместо него был разрешен план архитектора Вейзена.

Наличными прихожане Паробичебугорной мечети имели только 5000, остальные же 45 000 рублей они «ходатайствовали перед министром внутренних дел о разрешении пополнить сбором добровольных пожертвований среди мусульман г. Астрахани и Астраханской губернии, на постройку мечети в память 300-летия Дома Романовых».

Газета «Астраханский вестник» писала: «Если надежды прихожан осуществляются, то эта мечеть будет в отличие от других поволжских мечетей поражать своей величественностью и великолепием, благодаря широко задуманному плану архитектора Вейзена».

23 мая 1913 г. на эту инициативу последовала Высочайшая благодарность: «Государь Император, на всеподданнейшем докладе господина Министра Иностранных дел о выражении прихожанами Паробичебугорной соборной мечети в г. Астрахани верноподданнических чувств по случаю исполнившегося 300-летия царствования Дома Романовых, 4 апреля сего года собственноручно соизволил начертать «искренно благодарю» [17].

14 января 1914 г. в местной татарской газете «Идель» был опубликован список лиц, жертвовавших на постройку Романовской мечети на Паробичевом бугре, кто и сколько пожертвовал [18].

Не остались равнодушными к празднованию этого события и казахи Внутренней (Букеевской) Киргизской Орды, «получившие велением императора Павла право свободного поселения и кочевания в Астраханской губернии». 22 февраля 1913 г., в «знаменательный день 300-летия славного царствования венценосных вождей земли русской» просили «повергнуть к стопам возлюбленного монарха чувство беспредельной любви преданности престолу и родине». От имени казахского населения телеграмму подписал Председатель Временного Совета по управлению Ордой Соловьев [19].

Впрочем, и сама власть постаралась, чтобы мусульманская община города максимально торжественно и с почтением отметила этот день. Во все приходские мектебе и медресе дирекцией были разосланы следующие предписания: «21 февраля, день избрания на царство Михаила Федоровича Романова, по случаю исполняющегося в этом году 300-летия Царствующего Дома Романовых, Высочайше объявлено днем не присутственным, а потому никаких учебных занятий в примечетном мектебе, состоящем в Вашем заведывании, быть в этот день не должно. Учащиеся и прихожане-родители их могут быть собраны в мектебе лишь для принесения молитвы за Государя императора и всех членов Российского Царствующего Дома. Об этом имею честь сообщить вам, милостивый государь, для сведения и самого точного и неуклонного исполнения» [20].

Астраханское мусульманское общество «Шурай-Ислам» 21 февраля 2013 г., «празднуя совместно с русским народом всероссийский торжественный день 300-летия царствования на могущественном русском престоле Дома Романовых, объединившего все народности России в одну всеильную семью», осмелилось «повергнуть к стопам их Императорских Величеств верноподданнические чувства беззаветной преданности нашей общей Родине и ее венценосному вождю».

В единении с русским народом, по словам корреспондента, мусульманское общество высказало готовность «и в будущем посвятить общей Родине все свои силы и средства на ее благо и дальнейшее преуспеяние во всех областях народной жизни». В ознаменование «великого дня Трехсотлетия» Астраханское мусульманское общество постановило учредить в городе Астрахани учительскую семинарию для мусульман обоего пола и «всеподданнейше просить сообразованно присвоить ей высокое наименование Романовской».

Эту телеграмму подписали видные представители астраханской мусульманской буржуазии – адвокат Валид-хан Таначев, купцы Ахмедуллы Вафин и Иляжетдин Ягудин [21].

Серьезным испытанием для страны стало начало Первой мировой войны. И здесь махалля высказывает свою поддержку общему национальному подъему. В пятницу, 25 июля 1914 г., в Соборной мечети № 10, переполненной молящимися, муллою С. Алимбековым было «совершено молебствие о здравии Государя Императора и всей Царской Семьи и о даровании победы над врагами русскому оружию» [22]. Астраханские мусульмане по-прежнему не отделяли себя от судеб своей родины.

В татарской газете «Халык» Каюм Гафуров по поводу войны в каждом номере (газета выходила три раза в неделю. – М. И.) выступал с горячими статьями, в которых он призывал местное мусульманское население оказывать всяческую помощь семьям раненых и семьям запасных, указывая, что «исламский шариат основан на том, чтобы помогать и поддерживать друг друга». В своих воззваниях к местному населению Каюм Эфенди называл войну отечественной, и поэтому «советовал населению помогать Родине всеми способами». Для убедительности он приводил изречения пророка Мохаммеда из Корана: «Любовь к Родине – есть любовь ко всему» [23].

Лояльное и патриотическое настроение местной махалли было отмечено начальником Астраханского губернского жандармского управления: «...по имеющимся в моем распоряжении сведениям, настроение среди местных мусульман вообще спокойное и, насколько можно судить, в настоящее время, и предстоящему, якобы, выступлению Турции, они пока относятся отрицательно» [24].

9 августа 1914 г. мусульмане г. Астрахани по инициативе Правления Попечительства о бедных татарах города во главе с астраханским вице-губернатором собрались в здании Попечительства, чтобы «вознести горячие молитвы Всевышнему за драгоценное здоровье Его Императорского Величества и всей Августейшей Семьи и о даровании победы всему русскому оружию». Мусульмане просили «разрешить повергнуть к священным стопам избранного Богом Монарха, чувства беспредельной верноподданнической преданности и любви и единодушного желания жертвовать всем на защиту Отечества» [25].

Уже 12 сентября 1914 г. в помещении Астраханского Попечительства о бедных татарах состоялось общее собрание всех мулл города и окрестных сел, с участием представителей шиитской махалли. Обсуждался один единственный вопрос: «Принятие всевозможных мер к помощи семьям призванных на войну солдат и раненых». К данной акции присоединилось и благотворительное общество шиитов – азербайджанцев и персов («Попечительство о бедных персиянах города Астрахани» («Энджумен-Хайирийя») [26].

Само Попечительство было занято вопросом о подготовке кроватей раненым солдатам за счет общества, о чем председатель комитета Астраханского общественного госпиталя для больных и раненых воинов В. А. Виноградов сообщал астраханскому губернатору в начале сентября 1914 г. [27] В конце сентября в госпитале за счет мусульманского благотворительного общества содержалось 5 кроватей. А при детском приюте были организованы две палаты на 10 коек [28].

Председатель общества Мухамедамин Шамухамедов 6 сентября 1914 г. подал прошение астраханскому губернатору разрешить собрание мусульман 14 сентября. Повестка дня предполагалась следующая:

«1) Объявить нашим единоверцам благодарность Его Императорского Величества, за выраженные верноподданнические чувства.

2) Сбор пожертвований для оборудования и содержания кроватей для раненых воинов и приюта Попечительства о бедных татарах» [29].

На этом собрании, действительно, была зачитана телеграмма от Николая II в адрес мусульманского благотворительного общества за выраженные ими 10 сентября верноподданнические чувства ввиду открытия военных действий.

На собрании присутствовала масса народа (свыше 200 человек – татар, ногайцев и азербайджанцев). Председателем М. Шамухамедовым и муллами Галиевым, Шаммазовым и Ниязовым были произнесены «отвечающие случаю речи и пожелания здравия и долголетия Государю Императору и всему Царствующему Дому», которые присутствующими несколько раз прерывались громогласным «Ура!». На этом же собрании было выражено пожелание «русскому воинству

одержания победы над врагом». Затем внимание присутствовавших «было обращено на оказание помощи как больным и раненым, так и на поддержку детского приюта». Присоединились к этим приветствиям и прихожане городской Персидской мечети (построенной в 1860 г. на средства азербайджанского купца I гильдии Али Аскера Аджи Усейнова).

Председатель Шамухамедов «осветил собравшимся происходящие события и высказал, что все русские мусульмане должны как один человек принять участие в происходящем, все русские мусульмане должны защищать свою Родину». В своем выступлении он также сказал: «В 1877 г. была война с Турцией и мы, русские мусульмане, грудью своей сражались за свою Родину и Государя, несмотря на то, что мы одной религии с Турцией. Теперь, в такое тяжелое время, мы должны вновь доказать свою преданность и готовность постоять за свою Родину. Мы, по приказу Его Величества, пославшие на войну против врагов нашего Отечества, наших сыновей и братьев остались здесь и должны теперь всеми мерами облегчить участь раненых воинов сражающихся за государя и нас, без различия национальностей» [30].

Отозвавшиеся на этот призыв тут же собрали 808 руб. 43 коп. Каждому жертвователю тут же выдавалась квитанция. От себя лично Председатель М. Шамухамедов пожертвовал 50 руб. на покупку лекарств для раненых. Собрание продолжалось 3 часа – с 9 до 12 часов дня, началось и закончилось чтением Корана муллой Галиевым [31].

Благотворительные сборы в различных приходах мечетей собирались чуть ли не с первых дней войны. О таких пожертвованиях часто писала астраханская пресса: «12 сентября 1914 г. Мулла Белой мечети Мухамед Латиф Шаммазов, по совершении богослужения произнес речь, в которой произнес речь, в которой упомянул о долге каждого мусульманина, оставшегося дома, и просил присутствующих сделать посильное пожертвование в пользу раненых воинов. После этого в мечети муллой был отслужен молебен за здоровье Государя Императора и всего русского войска и о даровании победы русскому оружию. По окончании молебствия был произведен сбор, разлившийся в сумме 66 руб. 78 коп.» [32]

Казахское население Внутренней орды также откликнулось на всеобщую беду. Во всех частях Орды (на которые она была разделена в административном отношении) во второй половине августа 1914 г. были отслужены молебны на специально созванных сходах о даровании победы русскому воинству, «здравия и долгоденствия Государю Императору» и его семье. По приговорам аульных обществ собирались деньги «на покрытие расходов войны, на одоление врагов и защиту Престола и Отечества, оказание помощи больным и раненым воинам и обеспечение осиротевших их семейств», «по состоянию общества от 100 до 500 руб.» Только за первый месяц Первой мировой войны населением орды на депозиты Временного Совета было переведено свыше 10 000 руб., причем пожертвования продолжали поступать и дальше [33].

27 декабря 1914 г., в день Ашуры, в Первой Астраханской МНП русско-татарской школе были устроены в честь этого дня поминки. Перед началом имам прочел молитву о здравии государя Императора и о ниспослании победы русскому воинству. Затем прочитаны были траурные стихи. Один из учеников обратился к собранию со словами: «Дорогие братья-мусульмане, обратите ваше внимание на положение тех сирот, которые остались без кормильцев. В тяжелые дни, переживаемые нашим Отечеством, мы воедино должны доказать все, что мы можем. Мы должны доказать, что мы такие же граждане, как и другие, и никогда не отстанем от других. Внесите свою лепту». Эти слова вызвали слезы у присутствующих. На собрании присутствовал инспектор народных училищ Астраханской губернии [34].

В эти дни губернатор писал директору департамента духовных дел Е. В. Минкину, что, во-первых, среди мусульман Астраханской губернии «можно констатировать лишь чувства преданности России и более или менее патриотического подъема». Во-вторых, «не только не наблюдалось никаких нежелательных эксцессов, но, наоборот, следует отметить вполне добросовестное и спокойное с их стороны выполнение всех связанных с призывом по мобилизации обязанностей». В-третьих, «переживаемый русским народом подъем патриотических чувств нашел живой отклик и вполне разделяется в среде мусульманского населения Астраханской губернии» [35].

Итак, мы видим, что начало войны астраханские мусульмане, как, впрочем, и все население империи, встретили с большим энтузиазмом, «не только не остались равнодушными к происходящим военным событиям. Но ответили целым рядом торжеств, собраний с участием мусульманского духовенства и выражением верноподданнических чувств» [36].

Между тем война продолжалась, неся новые потери. Ура-патриотические настроения к лету 1915 г. угасли. 30 июля 1915 г. в первый день мусульманского праздника Айди-Фиры, мулла Соборной мечети № 2 Абдурахман Ниязов говорил праздничную проповедь, в которой коснулся переживаемых Россией событий: «Уже год как мы ведем принужденную войну. Я говорю “принужденную”, потому что войну начали не мы. На нас дерзко напали и мы были принуждены защи-

щать нашу святую Родину. Господа! По учению нашего великого пророка мы обязаны искренно любить наше отечество. Магомет сказал: “Любовь к отечеству – одна из основ религии”. Поэтому мы, любя наше отечество, великую Россию, ничего не должны жалеть в ее интересах. Мы с воодушевлением должны прийти ей на помощь нашей жизнью и нашим имуществом. Последние события текущей Второй отечественной войны не должны нас угнетать и мы не упадем духом. Мы должны твердо помнить, что конечная победа будет на нашей стороне и мы должны к ней стремиться. Последние дни войны могут быть даже Божьим испытанием для нас. Магомет сказал: “Если бог пожелает конечного успеха в чем бы ни было, какому бы ни было народу, Он прежде посылает испытание”. Поэтому последние военные события служат предвестником будущей в скором времени нашей полной победы над врагами».

После проповеди муллы традиционно совершил «пламенную» молитву за здоровье «Великого Государя Императора, всей Августейшей Семьи, верховного главнокомандующего, воинов и за победу нашего оружия». По сообщению корреспондента, «на молящихся проповедь произвела сильное впечатление и во время молитвы они оглашали воздух возгласом “Аминь!”» [37].

В конце 1915 и в 1916 гг. Астраханские газеты писали о различных благотворительных акциях со стороны мусульман, сборе средств, помощи раненым. А с началом революционных событий верноподданнические настроения мусульман, да и православных, газеты уже не интересовали. Перед средствами массовой информации новой России стояли другие, более актуальные, задачи. Да и жандармерия, и полиция переключают свое пристальное внимание на другие, революционные, вызовы, которые встали перед Россией зимой 1917 г.

На наш взгляд, тот опыт толерантного восприятия мусульманской и иноэтнической общиной институтов власти православного государства и ответного уважительного и внимательного отношения к различным проявлениям выражения лояльности, безусловно, должен и может быть учтен в современной государственной и политической практике Российской Федерации.

Примечания

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 286. Оп. 2. Д. 297. Л. 1–265.
2. Там же. Ф. 13. Оп. 1а. Д. 427. Л. 1–12; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1730. Л. 1–32; Там же. Д. 1294. Л. 1–24.
3. Астраханский листок. 1904. 4 февр.
4. Астраханский листок. 1904. 7 февр.
5. Астраханский листок. 1904. 28 марта.
6. Астраханский вестник. 1903. 27 февр.
7. Астраханский вестник. 1900. 2 марта; Астраханский справочный листок. 1900. 20 янв.
8. Астраханские губернские ведомости. 1899. 28 дек.
9. Астраханский вестник. 1900. 25 янв.
10. Астраханский листок. 1903. 18 сент.
11. Астраханские губернские ведомости. 1905. 24 марта.
12. Астраханские губернские ведомости. 1905. 14 окт.
13. Астраханский вестник. 1905. 24 ноября.
14. Астраханский вестник. 1907. 4 апр.
15. Астраханский листок. 1908. 29 апр.
16. Прикаспийская газета. 1906. 3 ноября.
17. Астраханский вестник. 1913. 23 мая.
18. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1433. Л. 30.
19. Там же. Д. 1364. Л. 12.
20. Там же. Д. 1294. Л. 8 об.
21. Там же. Д. 1364. Л. 53.
22. Астраханский вестник. 1914. 27 июля.
23. Астраханский вестник. 1914. 3 авг.
24. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465. Л. 9.
25. Там же. Л. 3.
26. Астраханский вестник. 1914. 10 сент.
27. Астраханский вестник. 1914. 6 сент.
28. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465. Л. 14.
29. Там же. Л. 6.
30. Астраханский вестник. 1914. 14 сент.
31. Там же.
32. Астраханский вестник. 1914. 16 сент.
33. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465. Л. 11.
34. Астраханский вестник. 1914. 29 дек.

35. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465. Л. 10.
36. Там же. Л. 12.
37. Астраханский вестник. 1915. 2 авг.

Notes

1. State archive of the Astrakhan region (hereinafter – SAAA). F. 286. Sh. 2. File 297. Sh. 1-265.
2. Ibid. F. 13. Sh. 1A. File 427. Sh. 1-12; F. 1. Sh. 2. File 1730. Sh. 1-32; ibid. File 1294. Sh. 1-24.
3. Astrahanskij listok - Astrakhan sheet. 1904. 4 Febr.
4. Astrahanskij listok - Astrakhan sheet. 1904. 7 Feb.
5. Astrahanskij listok - Astrakhan sheet. 1904. 28 March.
6. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1903. 27 Febr.
7. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1900. March 2; Astrahanskij spravochnyj listok - Astrakhan help leaf. 1900. 20 Jan.
8. Astrahanskije gubernskie vedomosti - Astrakhan province news. 1899. 28 Dec.
9. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1900. 25 Jan.
10. Astrahanskij listok - Astrakhan sheet. 1903. 18 Sept.
11. Astrahanskije gubernskie vedomosti - Astrakhan province news. 1905. 24 March.
12. Astrahanskije gubernskie vedomosti - Astrakhan province news. 1905. 14 Oct.
13. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald n. 1905. 24 November.
14. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1907. 4 Apr.
15. Astrahanskij listok - Astrakhan sheet. 1908. 29 Apr.
16. Prikaspijskaya gazeta - Caspian newspaper. 1906. 3 November.
17. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1913. 23 May.
18. SAAA. F. 1. Sh. 2. File 1433. Sh. 30.
19. Ibid. File 1364. Sh. 12.
20. Ibid. File 1294. Sh. 8 turn.
21. Ibid. File 1364. Sh. 53.
22. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 27 July.
23. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 3 Aug.
24. SAAA. F. 1. Sh. 2. File 1465. Sh. 9.
25. Ibid. Sh. 3.
26. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 10 Sept.
27. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 6 Sept.
28. SAAA. F. 1. Sh. 2. File 1465. Sh. 14.
29. Ibid. Sh. 6.
30. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 14 Sept.
31. Ibid.
32. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 16 Sept.
33. SAAA. F. 1. Sh. 2. File 1465. Sh. 11.
34. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1914. 29 Dec.
35. SAAA. F. 1. Sh. 2. File 1465. Sh. 10.
36. Ibid. Sh. 12.
37. Astrahanskij vestnik - Astrakhan Herald. 1915. 2 Aug.

Восприятие революционных событий 1905–1907 гг. сельским населением Вятской губернии

Статья посвящена анализу особенностей восприятия революционных событий 1905–1907 гг. сельским населением Вятской губернии. Выделяются основные причины негативного восприятия им Первой русской революции. Дается оценка настроениям сельского населения на протяжении всего революционного периода, и приводятся примеры реакции вятского крестьянства на социальные и политические изменения в стране. Впервые особое внимание уделяется анализу ещё не опубликованной и малоизвестной «Записной книжки» Ф. Емельянова, участника революционных протестов в Вятской губернии. Используются материалы канцелярии вятского губернатора (Ф. 582), Вятского губернского жандармского управления (Ф. 714), прокурора Вятской губернии (Ф. 33), Государственного архива Кировской области.

This article analyzes the features of perception of the revolutionary events of 1905–1907. rural population Vyatka province, the hallmark of the peasantry. Highlights the main causes of the negative perception of the First Russian Revolution. Assesses the mood of the rural population throughout the revolutionary period and provides examples of the reaction Vyatkian peasantry on social and political changes in the country. First focuses on the analysis of more unpublished and little known “Address Book” by F. Emelyanov, member of the revolutionary protests in the Vyatka province. Used materials Office of the Governor of Vyatka (F. 582), Vyatka Provincial Gendarmerie (F. 714), the prosecutor Vyatka province (F. 33) of the State Archive of the Kirov region.

Ключевые слова: Первая русская революция 1905–1907 гг., население, крестьянство, социально-классовая система, земские сборы, Русско-японская война, народные волнения.

Keywords: The First russian revolution of 1905–1907, the population, the peasantry, the social-class system, zemsky charges, the Russian-japanese war, riots.

Социально-классовая система Российской империи являлась сложным, неоднородным и достаточно запутанным явлением. К 1905 г. на 1000 населения приходилось: 771 крестьянин, 106 мещан, 66 инородцев, 23 казака, 10 дворян, 5 из духовенства, 5 почётных граждан и 8 «прочих». Таким образом, 86% всего населения страны являлось «сельскими обывателями», и 14% – другими сословиями.

Крестьянство, представлявшее абсолютное большинство в России и, в частности, в Вятской губернии, встретило Первую русскую революцию неоднозначно в силу своих психологических и социальных особенностей.

Основная отличительная черта крестьянства заключалась в консерватизме и замкнутости общности, хотя само сословие и не было закрытым: выходцы из крестьян пополняли ряды и духовенства, и купечества, и мещанства, и, в большей мере, сословие разночинцев. Многие крестьяне отрицательно реагировали на проходящие в стране революционные события и занимали осознанные позиции по отношению к ним [1].

Выделим основные причины негативного восприятия крестьянством революции:

1. Сложившийся образ царя. В восприятии большинства именно император был помазанником Божиим, чья персона незыблема и абсолютна. Безусловно, такому восприятию способствовало влияние, в первую очередь, церкви, посещение которой было регулярным.

2. Отношение к событиям революции как к фактору, мешающему жить и содержать семью. Нежелание платить пошлыны, проверки на политическую благонадёжность, доносы, предшествующая революции Русско-японская война 1904–1905 гг. – всё это оказывало большое влияние на жизнь крестьян.

3. Инертность политических взглядов и жизненного уклада. Большинство крестьян относилось к изменениям как к мерам, «раскачивающим» лодку.

Общество России, не знакомое с различными политическими течениями, первоначально встретило революционных деятелей с осторожностью, не торопясь с выводами, узнавало новую, политическую, сторону жизни страны.

В 1905 г. в России волной прошли крестьянские волнения. Недовольство было вызвано земельным вопросом: увеличение крестьянского населения повлекло за собой уменьшение площа-

ди земельных участков при каждом переделе. Уже в конце XIX в. в наиболее населённых регионах страны стал ощущаться недостаток земли. Революционеры стали использовать существующие положение дел себе на пользу, превратив земельный вопрос в политический. Это вызвало многочисленные требования произвести раздел частного землевладения.

В отчёте губернатора от 22 апреля 1905 г. сообщалось, что крестьянское население Вятской губернии в большинстве своём состояло из бывших государственных крестьян, наделённых сравнительно незначительным количеством земли, которая к тому же нередко была так мало доходна, что в некоторых местах региона она представляла собой скорее обузу, чем средство к существованию, по причине высокого налогообложения. А порой даже и бремя, от которого крестьяне желали избавиться. Удельных и бывших крепостных было немного, среди первых в Елабужском уезде укоренился взгляд, что они обездолжены уделами. Бывшие крепостные того же уезда думали, что помощники пользуются их землёй, а в деревне Болтачево, населённой татарами, ожидали беспорядков, если землевладельческая контора отгородила бы свои земли пряслами, что являлось результатом давних взаимоотношениями [2].

Большое значение в вопросе формирования мнения населения имело расположение и характеристика населённого пункта (расстояние до губернского центра, развитость инфраструктуры, наличие частных землевладений и др.). Так, партия социалистов-революционеров вела пропаганду в Вятском и Слободском уездах, делая акцент на отказе от выплаты пошлин в вопросе земельных взаимоотношений. Для этого требовалось, как говорили агитаторы и сочувствующие крестьяне, «перебить всё местное начальство, захватить в общую собственность все городские имущества и, если революция удастся – убить царя и всю царскую фамилию» [3]. Первоначальным центром таких настроений в регионе стала Ильинская волость Слободского уезда.

Повсеместно в Вятской губернии у крестьян доминировало настроение недовольства вследствие ежегодного повышения земских сборов, которые были повышены в 1905 г. и при этом не на покрытие расходов, связанных с войной, а на выполнение различных обязанностей и инициатив земства по народному образованию, здоровью и другим рядовым расходам земской сметы. Это недовольство крестьян проявилось в многочисленных отказах сельских обществ от составления приговоров раскладочных, причём одни общества заявляли, что отказывались от составления, но не отказываются от платежа сборов с одним условием – «пусть только само начальство взыскивает». Но несколько обществ заявили, что и платить не будут. Причину постоянного повышения сборов крестьяне видели в незначительном числе гласных от крестьян в земских собраниях и желали их увеличения. В одном земском участке было сделано заявление о желательности учреждения мелкой земской единицы, которая ведала бы всеми местными делами, по примеру земства с правительством. Таким образом, недовольство, вызванное постоянными сборами, переносилось на правительство.

Стоит сказать, что на настроениях крестьянского населения сказались ход и результаты Русско-японской войны 1904–1905 гг. Особое внимание крестьяне уделяли данному военному столкновению, чутко относясь ко всем известиям с полей военных действий. Сначала неудачи российской армии приписывали неподготовленности, вследствие неожиданности самого нападения со стороны Японии и отдалённости страны, где происходит борьба. Но затем дальнейшие неудачи стали удручать население и оно начало приписывать их изменам и воровству, направляя эти обвинения даже против некоторых лиц царской фамилии. В Малмыжском уезде не только русские, но и татары и представители других народов объясняли неудачи тем, что японцы воюют «умственнее». Тем не менее крестьянство продолжало верить в окончательную победу российских войск и готово было нести жертвы. Но в некоторых местах высказывалось мнение скорейшего заключения мира. Так, в Слободском уезде велась довольно эффективная пропаганда революционных идей, которая, несмотря на все усилия полиции и жандармского управления, не ослабевала. Среди крестьянской молодёжи 7 обществами (из 254) велись разговоры, что «лучше будет, когда японцы нас побьют и отнимут наши владения, тогда заведутся новые порядки и крестьянам будет жить легче».

Известия о покушениях на представителей царской фамилии и высших государственных чинов вызывали у крестьян возмущение, хотя и были исключения. Так, убийство Каляевым великого князя Сергея Александровича было воспринято в большинстве негодованием, и на убийцу смотрели как на «злодея-разбойника». Но всё же исключения были и здесь. Так, в 7-м участке Орловского уезда, оставаясь недовольными военными неудачами российской армии на Дальнем Востоке, крестьяне объясняли их тем фактом, что «никого из царской семьи нет на войне, что все члены её сидят только дома и получают большое содержание, что царём все командуют, почему и убили не его, а великого князя Сергея Александровича как старшего» [4].

Фёдор Емельянов, проживавший в посёлке Котлове (Змеевке) Пачинской волости Яранского уезда, из крестьян, будучи человеком политизированным и занимавшийся революционной

агитацией, в своей «Записной книжке» описывает некоторые революционные события. 23 января 1906 г. им была сделана запись в дневнике следующего содержания: «Из-за чего поднялось народное восстание – вот тяжёлый вопрос, который в настоящее время тяготеет над Землёй нашей. Восстание поднялось от излишнего голода. Наша деревня сильно и очень много страдала. Целое тысячелетие нашего русского крестьянина держат как вещь нужную для домашнего обихода разной сволочи именующих себя дворянами. Для прихоти этих дворянчиков мужик должен голодным день и ночь работать для прихоти этих мерзавцев мы должны своими руками раскидывать семейные очаги и бродить по лицу обездоленной России ища себе подножного корма, как скоты бездомные. Отдавать своих жён и сестёр этим же выскочкам, именующих себя властителями мира чтобы они командовали ими, как скотом, а потом осквернили бы их. Всё это понималось, хотя город по какой-то причине нас, крестьян, считал людьми особой породы могущими понимать, что творится вокруг нас. Не спорю, может быть тут было что-нибудь не понятное, так разве это вина крестьянина? Нет. Высшее сословие – это прожорливое племя силою оружия, силою разного режима заставило нас не понимать» [5].

Интересна характеристика представителей церкви и её самой: «Оно сильно подействовало и на духовенство, эту трусливую породу, которая из угоды этим змеям создала ужасный ад и учила смотреть на жизнь, как на какое-то поприще, предназначенное для испытания верующего. Они говорили нам – “Терпи – и Бог тебе поможет” и в это же время хорошо сознавали, что бог не жаждет убийства других людей. Они именовались служителями Христа и из его учений открыли торговлю, они проповедовали терпенье и сами являлись испытателями долготерпения народа налагая на него разные поборы и повинности, но забывали сказать главной заповеди Христа – любите друг друга и что люди все равны. Они говорили, что всякая власть даётся от Бога. Какая клевета. Не думаю, чтобы Бог был такой злой и кровожадный. Что бы сажал на видимые места лиц со звериным умом и прожорливостью и с кровожадным чувством вампиров, каков бывший министр Внутренних дел Трепов. Не думаю, что бы Бог желал что бы мы искореняли один другого и разоряли бы в конец брата своего. Так же не думаю, чтобы Христос избрал стаю министров, которая бы задалась целью чтобы отдавать разные приказания душить людей как кур и вешать их для собственной своей забавы. Христос сказал – “Большие из вас да будут всем слугой”, а мы перевернули его слова “да будут над всеми властелинами”. Вот от этого-то и наши разные угнетения» [6].

Рассуждает Ф. Емельянов и о двоякости принимаемых правительством законов и других его решениях в отношении населения страны. Также им предпринимается попытка объяснения причин революции: «В 1861 году освободили крестьянство, или иначе сказать, посадили его из огня в пламя. Но не дав земли хуже сделали, чем крепостников. 100 лет отменили пытку в России, а полтора года тому назад били крестьянина розгами. Наконец дали Манифест 17 октября, но не понравился кому-то он из высоких лиц и вместо свободы получаем пули, аресты и всякие нападения полицейских исправников.

Должно быть ещё не устарели слова, сказанные древними славянами: “Земля наша обильна, но порядку в ней нет”. Когда мы переживём эти грозные времена, останемся ли живы от этих проклятых неправд и притеснений неизвестно.

Сейчас везде говорят, что на Руси завелись неслыханные смуты, но кто их родил, никто не родил, а проснулось народное самосознание, каждый понял, что он создан не для того, что бы им командовали какие-то пройдохи. Каждый знает, что мы рождаемся все одинаково и все в деталях ничего не понимаем, все наги и если существует разница, то она только в том, что барчонок лучше кушает, лучше за ним ухаживают и только, то из этого ещё не видно, что дворяне особой породы и крови, а крестьянин не знаю что.

Прошло то время, когда люди поклонялись блеску, как сороки, а настало вероятно время, когда люди должны поклоняться уму. Ум и человеческое сердце способны только облагородить человека, а больше его ничто не облагородит. Пора бы бросить споры и пора бы посмотреть умно на жизнь, как на человеческую святыню. По моему мнению, жизнь и свобода – неотделимые врождённые достоинства человека и всякий посягающий на эти права – подлец и зверь» [7].

Можно сделать выводы о причинах недовольства и сопротивления властям в среде крестьян (представителем которых является автор текста), исходя из вышеописанной даты «Записной книжки» Ф. Емельянова:

1. Произошёл рост общественного самосознания, и настойчиво звучало требование свобод и гарантий.
2. Усилилось социально-экономическое расслоение среди населения России.
3. Невыполнение обещаний и отказ идти навстречу населению со стороны правительства.
4. Большинство населения разочаровалось в социально-классовой структуре Российской империи.

5. Тяжёлое социальное и материальное положение крестьянства по сравнению с дворянством и помещичеством.

Таким образом, мы можем отнести крестьянство, недовольное происходящими в стране событиями, к условным группам «сторонники реакции» и «сохранившие нейтралитет», тогда как сочувствующих мыслям Ф. Емельянова – «сторонники революции». В данном контексте мы не берём слово «революция» как только насилие, терроризм и человеческие трагедии.

Необходимо понимать, что у каждой реакции есть последствия, которые в условиях происходящих революционных событий в стране могут быть разными. После ужесточения политики правительства по отношению к недовольным существующими условиями и революционерам, последовала ответная реакция с их стороны. Мирное, не участвовавшее в активной революционной деятельности население постепенно стало разочаровываться во власти и оказывать ей всё меньше доверия. Так, в рапорте исправника от 30 августа 1906 г. сообщалось, что согласно принятому совещанием 24 августа решению о взыскании податей 28 августа было назначено взыскание в селениях Кадошниковой и Зайцевой, Большешурминской волости Уржумского уезда. Жители этих деревень упорно избегали выплачивать подати.

Местный уездный исправник того же числа, прибыв в Большешурминское волостное правление, командировал для оказания содействия волостным начальникам при описи и отображении имущества у упорных неплательщиков по становому приставу в каждую деревню, дав в их распоряжение по 5 пеших и 5 конных стражников. В деревне Зайцевой собрался сход и убедительно просил описи не производить, ссылаясь прежде всего на то, что к ним ещё ни разу не было предъявлено требование уплаты податей, а потому сразу производить опись они находят несправедливым, при этом обещались внести подати к 1 сентября. Вскоре на сход приехал местный священник Зеленин и, узнав, в чём дело, охарактеризовал крестьян деревни Зайцевой как добросовестных людей и со своей стороны ручался, что они к 1 сентября внесут возможную часть податных сборов. Ввиду этого опись там была отменена и крестьянам дана просимая ими до 1 сентября отсрочка.

В деревне Кадошниковой была произведена у некоторых домохозяев опись имущества, причём мелкое имущество: часы, самовары и т. п. – было отобрано и отправлено в волостное правление. Для перевозки имущества были потребованы лошади с земской станции, но содержатель, боясь мести со стороны крестьян, в этом отказал, почему и был привезён только один воз на правленской лошади. Крестьяне, так же как и в деревне Зайцевой, единогласно заявили, что они от уплаты податей не отказываются, а лишь просят дать отсрочку до 1 сентября, тем более, что к ним не было ни разу предъявлено требование уплаты податей и поступать так круто они считают несправедливым. Ввиду этого, а также и того, что крестьяне успели попрятать имущество и отобрать было уже нечего, в деревне Кадошниковой была дана отсрочка до 1 сентября.

Вскоре после возвращения в волостное правление волостных начальников и приставов со стражей во дворе волостного правления собрались крестьяне деревень Зайцевой, Кадошниковой, Гужавиной и других селений, всего более 700 человек и заявили о желании поговорить с исправником. Когда последний к ним вышел, то они стали требовать разъяснения, почему приняты такие строгие меры по взысканию податей, когда они от уплаты не отказываются, а тем более, что ныне недород, тогда как в прошлом году урожай был лучше, но никаких мер не принималось; почему им не было объявлено заблаговременно земским начальником, чтобы они приготовились и при этом просили назначить срок. Когда исправник с крестьянами побеседовал и на уплату податей назначил недельный срок, то они успокоились, но вскоре вновь подняли шум, стали угрожать полицейской страже, требовали выдачи отобранного в деревне Кадошниковой имущества, при этом сговорились, по подстрекательству кадошниковского сельского старосты, разбить кладовую, где было сложено имущество.

Принимая во внимание, что все крестьяне дали слово платить подати по мере возможности начиная с 1 сентября, и то, что пешей 30 человек и конной стражи 20 человек недостаточно для подавления беспорядков, исправник разрешил выдать отобранное имущество. После этого крестьяне ещё долго волновались, говоря, что полиция собралась грабить, и в толпе слышны были требования удалить стражников. Через час после выдачи имущества толпа постепенно стала расходиться, при этом с некоторыми исправник и пристав имели разговор и разговор вполне миролюбивый. Крестьяне высказывали, что ныне нет возможности уплатить весь оклад вследствие недорода, но платить они будут; жаловались на ежегодное увеличение оклада земских сборов без объяснения мотивов и причин этого, оговаривали и то, что в прошлом году была возможность уплатить почти весь оклад, но с них не требовали совсем. Толпа разошлась спокойно. Старшина доложил исправнику, что 29 августа все старосты должны быть в правлении, и исправник, имея намерение с ними поговорить, остался ночевать.

Утром 29 августа, отпустив стражу в г. Уржум, исправник ожидал старост, но они не явились, поэтому он решил уехать. Вскоре стал собираться народ со всех селений Большешурминской волости будто бы на волостной сход, хотя старшина не собирал. Когда присутствовавший здесь пристав 1-го стана поехал из правления в квартиру местного пристава, где он остановился, чтобы ехать домой, толпа закричала: «Зачем ты едешь в чужой участок, покажись ещё – кончим, держи его, кончим». Из этого, а также из отрывочных фраз стало ясно, что крестьяне собираются разгромить полицию.

А во дворе правления уже собралась толпа более чем в 800 человек, и по докладу пристава 1-го стана на площади в селе Шурме и в отстоящем в одной версте земской станции две толпы до 700 человек, которые тотчас после выдачи лошадей исправнику двинулись к правлению. Когда исправник вышел на крыльцо правления с местным приставом, то их тотчас окружила толпа, не допуская сест в экипаж, и все крестьяне стали ругаться и оскорблять исправника, сжимая кулаки и толкая его в грудь кулаками, при этом кричали: «Кто тебя послал грабить нас, какое ты имеешь право описывать и отбирать имущество, лишка взыскиваете податей, давайте нам членов Государственной думы, куда вы их разогнали, они объяснили бы нам – следует ли платить подати; полиция все дармоеды, живут на наш счёт, всех их долой». В это время кто-то снова толкнул исправника в грудь, а также местного пристава хватали и дёргали за португую. Кроме того, один выхватил у урядника Саломатова шашку, но тотчас, по требованию исправника, возвратил.

Такой оборот дела вынудил исправника возвратиться в правление, где и ожидал возвращения стражников, за которыми был послан урядник Дудин, проезжавший в то время мимо правления. Крестьяне стали уже ломиться в верхний этаж правления, но, услышав, что идёт стража, все вышли на улицу, ругая стражников. При приближении стражников, воспользовавшись уходом толпы со двора на улицу, исправник с местным приставом поспешили на улицу и под прикрытием стражников пошли к заводу, тогда толпа крестьян стала кричать: «Лови, бей их» и положительно забросали камнями, причём в исправника попало довольно сильно два камня, от каковых было два кровоподтёка.

Видя, что стражники уже не в силах сдерживать толпу, исправник отдал распоряжение отстреливаться, что и дало возможность держать крестьян на порядочном расстоянии, но они всё-таки следовали за ними. Пройдя немного, исправник встретил лошадь, предназначенную для местного пристава, и, не имея в своём распоряжении другой помощи, в то же время заметив, что толпа более и более увеличивается и звереет, он был вынужден вместе с приставом на этой лошади уехать в Уржум. Толпа же крестьян успела в это время задержать 12 уржумских пеших стражников, из которых 11 обезоружены, ограблены и избиты кулаками, рычагами и топорами, причём более серьёзные побои получили 7, но жизнь их вне опасности. Некоторые крестьяне были вооружены ружьями и револьверами, но не стреляли. Также избит местный стражник. Из крестьян ранен конной стражей лишь один легко. Отобранное крестьянами у стражников оружие было сдано в волостное правление, и, кроме того, оружие 4 стражников брошено в телегу проезжавшему в Турек ямщику Клементию. Исправник сделал распоряжение о возвращении оружия приставу. К выяснению личностей подстрекателей полиция приняла меры и выяснила, что руководили обезоруживанием стражи крестьяне деревни Гужавиной, Иван и Михаил Алексеевичи Гужавины и почтово-телеграфный чиновник Иван Алексеевич Богатырёв [8].

Крестьянство, часто находящееся в неведении относительно происходящих в стране изменений, не получало от земских исправников каких-либо разъяснений относительно опубликованных законов и манифестов. Так, воспринимаемая информация «на веру» уже не могла удовлетворить потребности в этом у крестьян в сельской местности, не знакомых с происходящими событиями и не понимающих их. В рапорте от 27 июля 1906 г. сообщается, что 23 июля 1906 г. в Сорвижском волостном правлении Котельничского уезда собралась толпа крестьян, которая требовала от уездного исправника предоставить им какой-то приговор, составленный будто бы в присутствии исправника и волостного старшины в волостном правлении, но без их, крестьян, ведома. Исправником было разъяснено, что 21 июля старосты вызывались лишь для того, чтобы обсудить их участие на сходе 4 июня, где был составлен приговор с выражением своего сочувствия деятельности Государственной думы и кроме этого оглашено постановление волостного правления об удовлетворении жалованием волостного писаря и его помощников. Крестьяне, не удовлетворённые объяснением, обещали вернуться тогда, когда соберутся крестьяне всей волости.

Почти в это же время исправнику было доложено о том, что у волостного правления собралась толпа человек в 600–700. Требования были всё те же – показать приговор, составленный 21 июля 1906 г., к которому сельские старосты прикладывали печати. Исправник попытался разъяснить так же, как и до этого. Часть крестьян была удовлетворена, но большинство осталось недовольно, стало требовать немедленного созыва волостного схода для удаления волостного старшины и писаря с последующей их заменой.

Из толпы стали раздаваться выкрики: «Думу чиновники съели», «платить податей и давать рекрутов не будем», «земский начальник наши приказания должен исполнять, а не начальство», «все чиновники – воры и мошенники», «от царя нам ждать нечего – самим надо добиваться» и прочие. Исправник предложил отложить вопрос о выборах до другого времени, когда волостной сход действительно будет собран. Но толпа с этим не согласилась и настаивала на своём. Тем не менее народ стал расходиться или делиться на небольшие группы. Через полтора-два часа к исправнику пришел волостной старшина и доложил, что волостному писарю нанесли побои и вытолкнули его из окна волостного правления, затем вместо него избрали временно писарем помощника учителя местной земской школы – Головина, а на должность волостного старшины – крестьянина Лохтина, который был инициатором схода, проходившего 4 июня 1906 г.

Ближе к вечеру выяснилось, что крестьяне избили ещё пять сельских старост. Под влиянием угроз кандидат волостного старшины, исполнявший его обязанности, и писарь сдали свои посты вновь избранным лицам.

25 июля уже в Морозовском волостном правлении собрался сход, где требовали показать всё тот же приговор, составленный волостным правлением «по приказанию начальства», но без ведома крестьян. В этом приговоре от имени волостного схода излагалось то, что они не желают ни Государственной думы, ни новых каких-либо законов, а желают остаться при прежних порядках. Были предъявлены запросы к волостному старшине и заседателю, после чего сход также сменил волостного старшину, заседателя и избрал новых волостных судей с обязательством служить бесплатно, постановив ходатайствовать перед губернским присутствием о возвращении обратно жалования, выданного волостным судьям за текущий год [9]. 30 июля 1906 г. было выслано 50 конных стражников из Вятки в Котельнич в качестве резерва [10].

21 августа 1906 г. Сервижский сход окончательно избрал старшиной Лохтина, а писарем Головина, которые тут же были арестованы представителями властей. Сход стал требовать их освобождения, на что было предложено немедленно их выслать за пределы Вятской губернии. Позже ими был избран в качестве места жительства город Томск. Были высланы 4 сентября 1906 г. [11]

Рост общественной сознательности особенно сильно коснулся деревни именно в период Первой русской революции с началом деятельности как политических партий, так и проводимых правительством изменений в жизни страны. Крестьянство же, не принимавшее активных действий в политике, по-новому посмотрело на этот аспект деятельности. Тем не менее сельское население во многом ещё оставалось инертным и зачастую начинало активизироваться лишь тогда, когда проходившие процессы затрагивали его жизнь и семью.

Примечания

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Издание 7-е. Т. I. СПб., 1909. С. 274, 280.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 82.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 945. Л. 250.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 82. Сведённый отчёт губернатора от 22 апреля 1905 г. № 1697.
5. ГАКО. Ф. 720. Оп. 2. Д. 76. Л. 67об.
6. Там же. Л. 67 об.–68.
7. Там же. Л. 68–68 об.
8. Там же.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 147. Д. 184. Л. 17.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 147. Д. 172. Л. 1–2.
11. Там же. Л. 8, 20.

Notes

1. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian state law]. Edition 7. Vol. I. SPb. 1909. Pp. 274, 280.
2. GAKO. F. 582. Sh. 146. File 82.
3. GAKO. F. 33. Sh. 2. File 945. Sh. 250.
4. GAKO. F. 582. Sh. 146. File 82. Consolidated report of the Governor dated 22 April 1905, No. 1697.
5. GAKO. F. 720. Sh. 2. File 76. Sh. 67 turn.
6. Ibid. Sh. 67–68.
7. Ibid. Sh. 68-68 turn.
8. Ibid.
9. GAKO. F. 582. Sh. 147. File 184. Sh. 17.
10. GAKO. F. 582. Sh. 147. File 172. Sh. 1-2.
11. Ibid. Sh. 8, 20.

Функционирование городского хозяйства Вятки в 1929–1934 гг.

В статье на основе богатых архивных материалов анализируется развитие городского хозяйства Вятки на начальном этапе индустриализации СССР. Дается характеристика основных проблем, с которыми сталкивались городские власти на фоне резкого понижения административного статуса бывшего губернского центра: кризис коммунального, бытового, социально-культурного обслуживания населения, благоустройства. Отмечается крайнее несоответствие бурного роста численности населения Вятки, развития ее промышленности финансированию, поступавшему из краевых источников. В результате к концу 1934 г. Вятка оказалась на грани коммунальной катастрофы.

The article is devoted to the analysis of urban economy in the city of Vyatka at the initial stage of industrialization of the USSR. Using extensive archival resources, the author examines the main challenges, faced by the city government of this former provincial center on the background of decreasing of its administrative status: the crisis of utilities systems, socio-cultural and consumer services, city improvements. The article notes the extreme disparity between rapid population growth, industrial development and the financing of the city from the regional sources. As a result, by the end of 1934 Vyatka was on the edge of communal disaster.

Ключевые слова: Вятка, городской совет, городское хозяйство, коммунальное обслуживание, благоустройство.

Keywords: Vyatka, city council, the municipal Management, utilities, landscaping.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Советском Союзе произошли крупные административно-территориальные преобразования, затронувшие и г. Вятку. В 1929 г. губернии, уезды и волости были упразднены, вместо них созданы края, области, округа и районы. Вятская губерния вошла в Нижегородскую область (преобразованную в Нижегородский, с 1932 г. – Горьковский край) в составе Вятского, Котельничского и Нолинского округов. Округа просуществовали один год и были упразднены постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. [1] Таким образом, статус г. Вятки понизился с губернского центра до столицы округа, а затем района.

Подобные изменения в статусе бывшего губернского центра не могли не отразиться на развитии города. Еще в годы Гражданской войны Вятка столкнулась с целым рядом проблем коммунального, бытового, социально-культурного обслуживания населения, благоустройства, обеспечения пожарной безопасности. Период нэпа не принес заметного облегчения в повседневную жизнь простых вятчан [2]. Понижение в административном положении Вятки привело к резкому снижению финансирования города и, как следствие, к усугублению кризиса городского хозяйства.

Рубеж 1920–1930-х гг. также был ознаменован началом крупнейших преобразований в СССР, связанных прежде всего с коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией страны. В связи с этим, по мысли партийных и советских руководителей, г. Вятка должен был превратиться в крупный индустриальный центр северо-востока европейской части РСФСР. В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) промышленный потенциал города значительно возрос: из Вятских железнодорожных мастерских вырос машиностроительный завод им. 1 Мая, были реконструированы завод «Вятский металлист», лесопильные заводы № 1 и № 2 (позднее – Кировский деревообрабатывающий комбинат), начали работу мясокомбинат, электростанция лесозавода № 1 и кирпичный завод, заложено строительство деревообделочного комбината, подшош-венного комбината (позднее – комбинат «Искож») и ТЭЦ-1 [3].

Строительство новых и расширение старых предприятий вызывало приток рабочей силы, которую необходимо было обеспечить хотя бы самым необходимым: жильем, водой, электричеством, – чего не хватало городским жителям и в прежние время. Как и в 1920-е гг., наблюдался практически бесконтрольный рост населения. Так, 1 января 1929 г. в Вятке насчитывалось 68 445 жителей [4], 1 января 1930 г. – 73 448, 1 января 1931 г. – 80 175 [5], а в 1933 г. – уже 85 385 человек [6].

Городские власти оказались не в состоянии обеспечить жителей благами цивилизации, о чем свидетельствуют архивные документы. В январе 1931 г. горсовет указывал, что «коммунальное хозяйство города Вятки сильно отстало в своем развитии от общего роста города, развития промышленности и культурно-бытовых запросов населения» [7]. К началу 1930-х гг. выяснился интересный факт: с 1916 г. население города увеличилось более чем в два раза (причем число рабочих только в ценовой промышленности с 7382 чел. в 1929 г. увеличилось до 15 216 чел. в 1931 г. [8]), был открыт целый ряд учебных заведений с постоянно возрастающим числом учащихся (в 1929 г. их было 2500 человек, а в 1931 г. – уже 8400 [9]), развивавшаяся промышленность ставила перед городом принципиально новые задачи, в то время как за полтора десятилетия коммунальное хозяйство города фактически не претерпело коренных изменений.

Представители советской власти традиционно обвиняли во всех грехах «дореволюционных правителей города», говоря о том, что они «заботились об обслуживании коммунальными услугами и благоустройством лишь зажиточной части населения, проживавшей в центральной части города. Рабочие окраины их не интересовали. Поэтому и мощность основных предприятий, а также и прочее благоустройство были рассчитаны только на центральную часть города» [10]. Создается впечатление, что представители горсовета хотели, чтобы город, переживавший бурный рост численности населения, коренную перестройку социального состава, менявший свой индустриальный облик, должен был обойтись коммунальной базой конца XIX – начала XX в., или в ее устаревании за три бурных десятилетия была виновата дореволюционная городская дума. При этом в качестве оправдания своего бездействия утверждалось, что «строительство коммунального хозяйства... необходимо было в первую очередь провести в крупнейших индустриальных центрах и новых городах при новых гигантах промышленности» [11], к которым Вятка не относилась. Как бы то ни было, городское хозяйство бывшего губернского города находилось в плачевном состоянии.

Город переживал острый жилищный кризис: новое строительство проводилось крайне недостаточно, а имевшийся жилищный фонд ремонтировался весьма слабыми темпами. Еще в 1928 г. началось проектирование генерального плана развития и застройки Вятки, предусматривавшего значительное расширение города в связи с его бурным развитием. Обширный документ в основном был закончен к середине 1929 г., однако в связи с изменением статуса города ЦК ВКП(б) весной 1930 г. отказалось утверждать генплан [12]. По сути, это означало, что центральные органы на некоторое время отказывали в поддержке масштабной застройки г. Вятки.

Между тем обеспеченность жилой площадью вятчан неуклонно падала. По данным горсовета, таковая составляла в 1927 г. 5,3 кв. м, в 1929 г. – 5,17 кв. м, в 1930 г. – 5 кв. м, в 1931 г. – 4,7 кв. м [13]. К тому же немалая часть жилого фонда была совершенно или частично непригодна для жилья: только в муниципализированном фонде площадь подвальных и полуподвальных помещений равнялась более 12 тыс. кв. м, свыше 50 тыс. кв. м имели изношенность от 61 до 100% [14]. Немало совершенно ветхих домов имелось и в частном секторе. Учитывая подобные обстоятельства, в среднем на душу населения приходилось менее 4 кв. м жилой площади. В отдельных рабочих районах средняя обеспеченность жильем равнялась 3 кв. м на человека. Необходимо отметить, что для увеличения жилой площади городским советом проводилось уплотнение учреждений, что давало возможность передавать под квартиры и общежития ряд зданий, занимавшихся не под жилые цели. Однако подобных мер было явно недостаточно. Город крайне нуждался в новом строительстве.

Как отмечалось выше, город переживал волну притока рабочей силы (главным образом, из сельской местности) на вновь построенные или расширявшиеся производства. В связи с этим возникал определенный конфликт между горсоветом и администрациями предприятий – каждая из сторон перекладывала ответственность за обеспечение жильем вновь прибывающих рабочих друг на друга. Так, горсовет указывал как совершенно ненормальное явление на то, что в 1930 г. машиностроительный завод им. 1 Мая, увеличивший число рабочих почти на 1000 человек, не затратил на строительство жилых домов ни одного рубля; вновь выстроенный мясокомбинат не имел ни одного квадратного метра жилой площади; учебные заведения не построили ни одного общежития и т. д. [15] В свою очередь организации сетовали на отсутствие помощи со стороны городских властей.

Иногда подобные конфликты выходили за пределы города и даже края. Весной 1932 г. Вятский городской совет отослал письмо в Трансмаشتهобъединение Народного комиссариата путей сообщения, где указывал, что подведомственный адресату машиностроительный завод им. 1 Мая «за последние три года увеличил число рабочих больше, чем в три раза, составляя сейчас свыше 2000 человек (с учениками), а за это время... (с его стороны. – П. Ш.) не было никаких вложений в новое жилищное строительство, водопровод и другие виды городского бытового об-

служивания рабочих» [16]. К сожалению, нам не известно, отреагировали ли на это письмо в Москве, но сам факт наличия такового позволяет прочувствовать накал подобных конфликтов.

Большой проблемой являлся дефицит строительных материалов. Еще летом 1929 г. на одном из партийных собраний представитель городского коммунального отдела Гужавин заявил, что «недостаток строительных материалов неоднократно ставил нас перед угрозой срыва плана нашего строительства» [17]. Причем дефицит охватывал и материалы, которые можно было добывать на месте (песок, гравий, камень, известь), что не с лучшей стороны характеризовало вятские строительные организации. В сентябре 1930 г. на данное обстоятельство указывал и коммунальный отдел Нижегородского крайисполкома [18]. В свою очередь в январе 1931 г. горсовет признал необходимым «заobligать местные организации раскататься и провести в жизнь» производство черепицы, крупноблочных стеновых камней, торфяных плит, выработку цемента на филейских мергелях и др. [19] Однако, судя по всему, данные предложения остались лишь на бумаге.

В начале 1930-х гг. наиболее действенным методом смягчения жилищного кризиса оставалось удешевление строительства (когда, например, возводились стены в полтора кирпича вместо двух, цемент заменялся известью, чугунные трубы – бетонными, железобетонные перекрытия – деревянными и т. д.) и так называемые «меры по уплотнению и выселению». Так, 17 февраля 1930 г. на повестке заседания президиума горсовета стоял вопрос «о выселении нетрудового элемента из коммунальных и ЖАКТовских [20] домов». В ходе обсуждения оказалось, что только за полтора месяца текущего года было расселено не менее 120 квартир, на очереди стояло еще около 50, было уплотнено три квартиры. Кроме того, городским властям показалось неправильным, что «часть служителей религиозного культа живут в палатках при церквях», в связи с чем в окружной административный отдел была отправлена просьба «выявить, кто подлежит выселению, и принять меры» [21]. Подобные вопросы поднимались на самых разных уровнях довольно часто.

6 февраля 1931 г. была создана «тройка по смягчению жилкризиса» с довольно обширными полномочиями. Вновь образованный орган имел целый ряд направлений деятельности: осмотр помещений, занятых советскими, кооперативными, хозяйственными учреждениями и организациями с целью их уплотнения; осмотр студенческих общежитий с целью выявления правильности их использования; выявление правомерности эксплуатации торгово-складочных помещений; проработка и представление на рассмотрение президиума горсовета материала о муниципализации отдельных частновладельческих домовладений [22].

В результате «меры по уплотнению и выселению» принимали еще большие масштабы, нового же строительства практически не велось. 20 августа 1931 г. президиум горсовета поручил отделу местного хозяйства к 1 сентября произвести обследование всего муниципализированного, национализированного и частновладельческого жилого фонда с целью выявления соответствия нормам пользования жилой площадью и учета всех излишков. К тому же предлагалось выявить складские помещения, которые можно было бы переоборудовать под жилье [23].

Крайние меры горсовета были обусловлены отмеченной выше нехваткой денежных средств. Краевые власти традиционно отказывали в выделении дополнительных денег на местные нужды, вследствие чего приходилось пользоваться лишь крайне незначительными собственными ресурсами. В 1931 г. «в условиях испытываемого недостатка в стройматериалах и рабочей силе» машиностроительному заводу была разрешена постройка лишь одного деревянного двухэтажного жилого дома для рабочих с облегченной конструкцией в стенах, перекрытиях, полах, лагах и т. п. [24] Летом того же года Нижегородский краевой исполнительный комитет отклонил ходатайство Вятского горсовета об отпуске 34 583 руб. на постройку общежитий и учебных помещений курсов по подготовке строительных рабочих. Причина оставалась привычной: «вследствие напряженности бюджета и слабого выполнения его» [25]. В марте 1933 г. крайисполкомом вообще была упразднена одна из статей финансирования жилищного фонда, в связи с чем, по оценке горсовета, «вятское коммунальное хозяйство лишалось не только ведения нового строительства, но и окончания начатого» [26].

К 1934 г. душевая жилищная обеспеченность в г. Вятке достигала только 4,76 кв. м на одного жителя. Общий жилищный фонд исчислялся в 317,7 тыс. кв. м, причем половина его была изношена [27].

Сложным оставалось положение с обеспечением населения города электричеством. Городская электростанция была сильно изношена и имела устарелое оборудование мощностью в 450 кВт. Дополнительно нужды города обслуживали электростанции горздрава (местной психолечебницы) и спичечной фабрики «Красная звезда», суммарная мощность которых составляла 445 кВт. Это не могло покрыть потребностей города, выросших в 1930–1931 гг. с 1 до 2 тыс. кВт [28].

17 октября 1931 г. президиум Вятского горсовета выпустил знаковое обязательное постановление «О введении принудительного графика пользования электричеством» [29], предусматривавшее ряд довольно жестких мер. Так, администрации всех учреждений, предприятий и ор-

ганизаций, потреблявших электроэнергию от городских электросетей, должны были немедленно сообщить горэлектростанции о лицах, «ответственных за неправильное и неэкономичное использование электроэнергии»; запрещалось пользоваться лампочками мощностью свыше 30 Вт, подключать к сети без санкции коммунального треста любые приборы либо заменять их более мощными. В целях недопущения аварийного отключения электроэнергии устанавливался график пользования электричеством различными организациями и учреждениями города, в связи с чем они даже меняли правила внутреннего распорядка.

В дальнейшем подобные меры ужесточались: зимой 1932 г. для удовлетворения нужд промышленности ряд районов города периодически отключался от электроэнергии [30]. Ограничения действовали в течение зимнего периода и были отменены с 1 апреля 1932 г. 4 января 1934 г. горсовет предложил «всем руководителям госучреждений, предприятий, промартелей и жилищно-коммунального хозяйства под их личную ответственность сократить осветительную нагрузку минимум на 25% от существующей». Кроме того, все учреждения, подсобные предприятия и кустари, использовавшие электромоторные установки, должны были начинать работу строго с 10 часов утра [31].

Для преодоления кризиса горсовет использовал не только меры ограничительного характера. Например, для нужд города использовалась построенная в 1933 г. электростанция при Вятском лесозаводе № 1, но это дало лишь временное облегчение.

1 мая 1930 г. в Вятке началось сооружение одной из первых в стране теплоэлектростанций – ТЭЦ подошвенного завода (в будущем – ТЭЦ-1 комбината «Искож»). Однако в силу целого ряда трудностей первая очередь станции вступила в строй только в январе 1934 г. [32]

Наиболее крупная стройка в данном направлении началась в апреле 1932 г. на Каринском торфмассиве, близ деревни Пукач, и получила название Вятская ГРЭС (позднее – Кирово-Чепецкая ТЭЦ-3). Первоначально работы проходили довольно интенсивно. Было создано бюро по строительству ВятГРЭС (реорганизованное вскоре в управление), горсовет выделил рабочую силу и инструменты [33]. В течение 1932 г. был произведен ряд подготовительных работ: составлен технический проект, подготовлена строительная площадка, сооружены временные водоканалы, лесопилка, построены склады, началось освоение болот для добычи торфа. Капиталовложения на эти мероприятия составили 1,2 млн руб. [34] Однако в 1933 г. это строительство было законсервировано. В контрольные цифры Госплана на 1934 г. указанная постройка также не вошла, несмотря на то что еще 16 ноября 1932 г. сектор электрификации Госплана СССР подтвердил необходимость строительства ВятГРЭС. Оказалось, что консервация произошла в связи с изменением мощностей проектируемых предприятий – потребителей энергии (бумажный и текстильный комбинаты). Требовалась переработка проекта электростанции [35]. В результате Кирово-Чепецкая ТЭЦ-3 дала первое электричество лишь в ноябре 1942 г.

Довольно часто функционировавшие электростанции города не обеспечивали подачу энергии в полном объеме, одной из причин чего являлось недостаточно рациональное использование электричества внутри станций [36]. Важные изменения в деле управления местной энергосистемой произошли 26 февраля 1934 г. В этот день был организован Вятский энергетический комбинат с единым диспетчерским управлением, благодаря чему на параллельную работу были объединены электростанции при лесозаводе № 1, фабрике «Красная звезда» и ТЭЦ комбината «Искож». Был образован диспетчерский пункт энергокомбината, и установлено единое диспетчерское управление этими тремя станциями. В 1934 г. фактически родилась кировская энергосистема [37].

Однако проблем было еще очень много. В докладной записке председателю ЦИК СССР А. Г. Червякову секретарь Вятского горрайкома И. С. Кочетов сообщал, что ввиду недостатка [38] и высокой стоимости электроэнергии (в среднем 70 коп. за ватт) непроизводительные потери промышленности в 1934 г. составили свыше 8 млн руб. При наличии богатых залежей торфа в районе существовавшие энергоустановки работали на дровах, «которые сотнями тысяч кубометров провозятся по железной дороге, неизмеримо загружая ее, [и] обходятся в 35 руб. [за] 1 кубометр» [39]. В связи с этим Иван Степанович настоятельно просил о снятии с консервации и форсировании строительства ВятГРЭС, чего, к сожалению, в ближайшее время не произошло.

Традиционной была проблема водоснабжения. Вполне естественно, что существовавший водопровод, который практически не подвергался модернизации со времени своей постройки в 1899 г., не мог удовлетворить растущие потребности населения Вятки 1930-х гг. Сеть трубопроводов длиной в 33 км обслуживала менее половины протяжения улиц, была очень изношена и питалась водой ключей, текущих под городом, что создавало постоянную угрозу распространения желудочно-кишечных заболеваний. В связи с этим в адрес краевого исполкома из Вятки поступали многочисленные письма, предупреждавшие о возможности внезапного прекращения водоснабжения города по санитарным причинам [40]. Кроме того, мощность водопровода была недостаточна, в силу чего периодически не хватало воды на пожаротушение, на текущие нужды

учреждений, предприятий и простых жителей города. Особенно страдали районы, наиболее удаленные от водоканала [41], в частности северный промышленный центр.

Среднее потребление воды на душу населения весной 1931 г. составляло 7 литров, то есть в 4–5 раз меньше нормы [42]. По оценке горсовета, максимум воды, который существовавший водопровод в состоянии был подать в год, составлял 500 тыс. куб. м при потребности в 790 куб. м. [43] Таким образом, из-за маломощности водопровода пуск в ход новых и развитие существовавших предприятий могло остановиться, не говоря уже об исключении хотя бы минимальной возможности новых присоединений домовладений.

Еще в 1928 г. СНК РСФСР принял постановление о строительстве в г. Вятке нового водопровода, однако осуществление данного решения оттягивалось за отсутствием средств. Дело сдвинулось с мертвой точки 2 января 1931 г., когда президиум Нижегородского краевого исполкома выделил на строительство водопровода 750 тыс. руб. [44], из коих по неизвестным причинам до Вятки дошло только 180 тыс. На эти деньги удалось построить водонапорную башню и провести начальные работы по устройству нового водопровода, который оценивался горсоветом в 1,1 млн руб. [45]

Городские власти всячески пытались выйти из сложившегося положения: использовали водонапорную станцию подошвенного завода, предназначавшуюся для снабжения технической водой; принимали помощь от дирекции Северной железной дороги, выражавшуюся в постройке 10 тыс. погонных метров деревянных труб [46] и др. Наконец, в 1932 г. начались работы по сооружению временного городского водопровода с забором воды у деревни Корчемкино. Был проведен целый ряд мероприятий по санитарной охране будущего сооружения с установлением зоны строгого режима (200 м от оси водоприемника), запретом сброса в реку нечистот, обязательным устройством фабриками и заводами города канализаций отработанных вод под постоянным химическим и бактериологическим госконтролем и проч. [47] Работа шла с огромными трудностями, по оценке бюро Вятского горкома ВКП(б), «граничащими с саботажем», вследствие чего руководитель строительством водопровода Серебряков и директор коммунального треста Ванеев получили соответственно строгий выговор и выговор [48]. Однако установленный срок сдачи водопровода в эксплуатацию – 15 января 1934 г. – не был выдержан «в связи с плохим руководством и нехватки средств» [49]. Впереди город ожидало строительство капитального водопровода, но, ввиду отсутствия должного финансирования, дело откладывалось на неопределенный срок.

Огромной проблемой было отсутствие в городе канализации, в связи с чем нечистоты вывозились ассенизаторами в специально отведенные места. В соответствии с документами горсовета ассобоз имел недостаточное количество транспорта, в силу чего не справлялся даже с обслуживанием населения, не говоря уже про многочисленные организации и учреждения. В 1931 г. из города было вывезено не более 10% нечистот [50]. Единственный выход из положения виделся только в строительстве канализации. К 1932 г. предполагалось устройство частичной канализации: проведение магистрали по одной улице с присоединением к ней наиболее крупных учреждений, – на что планировалось потратить 800 тыс. руб. [51] Однако денег выделено не было, что вкупе с нехваткой воды крайне ухудшало санитарное состояние города. 2 ноября 1933 г. президиум горсовета вынужден был издать постановление «О порядке вывозки из города нечистот», обязавшее уполномоченных лиц вывозить нечистоты только в специально отведенные места, а также держать емкости в полной исправности во избежание распыливания [52].

Архивные материалы пестрят сообщениями о затоплении подвальных помещений нечистотами, загрязнении улиц города продуктами жизнедеятельности животных [53]. Вследствие неблагоприятного санитарного состояния города нередкими были заболевания сыпным и брюшным тифом. Так, в ноябре 1932 г. число заболевших исчислялось в 42, в декабре – уже 115 человек [54].

Ситуация усугублялась тем, что на весь город имелась лишь одна городская общественная баня с пропускной способностью в 134 чел. в час, что при 81 тыс. человек населения давало возможность вымыться в среднем один раз в два месяца [55]. К тому же, вследствие недостатка воды, баня часто вынуждена была прекращать работу. В ноябре 1933 г. в ведение горсовета перешла баня фабрики «Красная звезда» (ул. Карла Маркса, д. 20). 1 декабря того же года новая баня приняла первых посетителей [56].

В городе проводились месячники чистоты, «генеральные чистки», увеличивались штаты дезинфекторов, запрещались религиозные обряды, связанные с массовым скоплением людей, доходило до простого снабжения жителей мылом и чистым бельем. Однако это были лишь временные меры. Вятка не справлялась с наплывом населения.

Приоритетным направлением работы для любого города является деятельность по благоустройству улиц. К началу 1932 г. только 30 км улиц (36,7% всей протяженности) были покрыты

булыжными мостовыми [57]. Переход с гужевого на автотранспорт ставил вопрос о переходе на более совершенные материалы (асфальт, брусчатка, клинкер), с полным охватом всех улиц и проездов города. Горсовет неоднократно обращался в вышестоящие органы с просьбой о финансировании, но неизменно получал отказ. К 1934 г. замощенными были те же 30 км улиц и проездов [58]. В подобном же положении оказались тротуары города, что делало перемещения по городу весьма затруднительным.

Перечислять проблемы районного города Вятки начала 1930-х гг. можно долго: необходимость устройства новых свалок, отвода места для городского кладбища, укрепление берегов Вятки, отсутствие парков и прогулочных зон в северной и южной частях города и т. д. Под угрозой оказался перевоз через реку Вятка: единственный пароход «Митя» был построен еще в 1893 г. и грозил в любой момент пойти на дно [59]. Разруха дошла до того, что в 1932 г. горсовет писал об угрозе обвала памятника Степану Халтурину на площади Большевиков [60]. Денег катастрофически не хватало, что даже вынудило горсовет 13 февраля 1931 г. ликвидировать должность дворника [61]. Отныне обязанности по поддержанию чистоты улиц города ложились на плечи населения. Интересно, что городские власти оправдывали свои действия тем, «что даже в Нижнем Новгороде нет дворников, прибираются сами» [62].

Население всячески пыталось самостоятельно благоустроить свой город. Проводились многочисленные субботники, месячники чистоты и т. д. Так, 6 и 12 октября 1933 г. проводились дорожные субботники. Организации и учреждения Вятки выполнили многочисленные работы: срезка обочин, отвозка земли, ремонт грунтовых дорог, копка водоотводных каналов, очистка полотна дороги от грязи, прочистка канав, засыпка дорог шлаком и песком. Работы проводились на всех центральных улицах города (Ленина, Коммуны, Карла Марса, Воровского, Дрелевского, Большевиков) [63].

Городские власти всячески поощряли почин местных жителей. Весной 1934 г. «в целях поощрения лучших ударников-общественников по организации и выполнении плана благоустройства города Вятки, и поощрения лучших образцов работы коллективов рабочих, кустарей, служащих и жильцов» было принято решение об учреждении специальных премий. В дальнейшем фонд в размере 10 тыс. руб. выделялся «для отдельных ударников, для коллективов рабочих предприятий, коллективов кустарей, служащих учреждений, а также жильцов, домов и для коллективов, проживающих и работающих на отдельных улицах» [64].

В целом состояние городского хозяйства Вятки оставалось критическим. Еще летом 1932 г. делегаты IV пленума городского райкома ВКП(б) заявили, что считают «совершенно неудовлетворительным выполнение решений краевого комитета партии о развитии городского хозяйства, направленного к лучшему обслуживанию социально-культурных нужд рабочих и дальнейшему развитию социалистической промышленности» [65]. Несмотря на все старания городских властей и наличие обширных планов, которые должны были преобразить город [66], ситуация принципиально не изменилась и к концу 1934 г. Застарелые проблемы предстояло решать уже в принципиально иных условиях коренного изменения административного статуса г. Вятки.

Примечания

1. 200 лет Вятской губернии: статистический сборник / под ред. В. А. Зырина. Киров, 1996. С. 29.
2. См. подробнее: *Шарабаров П. Н.* Функционирование городского хозяйства Вятки в 1918–1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 37–45; *Он же.* Благоустройство города Вятки в годы нэпа // Город на Вятке: история, культура, люди: материалы Всерос. науч. конф. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2014. С. 71–78.
3. *Кашина В. М.* Индустриализация в Кировском крае (области): замыслы и итоги // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Кн. 2. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт / под общ. ред. В. А. Ситникова. Киров, 2008. С. 145–146.
4. Районы Нижегородского края: статистический справочник. Н. Новгород, 1930. С. 6–7, 22–23.
5. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 713. Л. 35.
6. История города Кирова. 1374–1974: краткий очерк / науч. ред. А. В. Эммаусский, Е. И. Кирюхина. Киров, 1974. С. 213; [Город Киров в цифрах] // Кировская правда. 1935. 12 апр. С. 2.
7. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 713. Л. 40.
8. Там же. Л. 37.
9. Там же. Л. 40.
10. Там же.
11. Там же.
12. *Тинский А. Г.* Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 148–154.
13. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 713. Л. 37.
14. Всего к началу 1931 г. в городе имелось около 280 тыс. кв. м жилой площади.

15. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 713. Л. 38.
16. Там же. Д. 923. Л. 84.
17. ГАСПИ КО. Ф. П-72. Оп. 1. Д. 62. Л. 30.
18. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 821. Л. 294.
19. Там же. Д. 713. Л. 38.
20. ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество.
21. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 693. Л. 2.
22. Там же. Д. 821. Л. 123.
23. Там же. Л. 274.
24. Там же. Л. 173.
25. Там же. Л. 223.
26. Там же. Д. 989. Л. 26.
27. Районы Горьковского края (краткие характеристики): экономический справочник / под ред. Р. А. Шишлянникова. Т. II. Ч. I. Горький, 1934. С. 125.
28. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 673. Л. 32; там же. Д. 713. Л. 41.
29. Там же. Д. 822. Л. 39–41.
30. Там же. Д. 923. Л. 84.
31. Там же. Д. 1045. Л. 1, 15.
32. История города Кирова... С. 209; Кулябина Т. В. Генерирующая компания // Энциклопедия земли Вятской. Т. 10. Кн. 2. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт / под общ. ред. В. А. Ситникова. Киров, 2008. С. 313.
33. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 924. Л. 9, 14.
34. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 166. Л. 64.
35. Кулябина Т. В. Указ. соч. С. 312.
36. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 165. Л. 32.
37. Энергия – это движение. Главы истории энергетики Урала / Авт.-сост. В. В. Горонкова. Екатеринбург, 1998. С. 44.
38. Дефицит оценивался в 1249 кВт.
39. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 166. Л. 63.
40. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 673. Л. 32, 157; там же. Д. 821. Л. 381–381 об.
41. Водокачка находилась на знаменитой Кикиморской горе в районе современной Водопроводной улицы г. Кирова.
42. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 923. Л. 84.
43. Там же. Д. 713. Л. 42.
44. Там же. Д. 852. Л. 25.
45. Там же. Д. 713. Л. 45.
46. Там же. Д. 923. Л. 146–147.
47. Там же. Д. 904. Л. 19–21.
48. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 165. Л. 22–23.
49. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1045. Л. 43.
50. Там же. Д. 713. Л. 46.
51. Там же.
52. Там же. Д. 989. Л. 161.
53. Там же. Д. 821. Л. 149, 151, 183, 261–262; там же. Д. 923. Л. 261.
54. Там же. Д. 826. Л. 60.
55. Там же. Д. 923. Л. 84.
56. Там же. Д. 989. Л. 163.
57. Там же. Д. 713. Л. 53.
58. Районы Горьковского края... С. 125.
59. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 713. Л. 46.
60. Там же. Л. 55.
61. Там же. Д. 821. Л. 51.
62. Там же. Д. 852. Л. 8 об.
63. Там же. Д. 976. Л. 80–80 об.
64. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 166. Л. 144; ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1046. Л. 80.
65. ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 80. Л. 37.
66. См., например: План мероприятий по благоустройству г. Вятки на 1934 г. Вятка, 1934.

Notes

1. 200 let Vyatskoj gubernii: statisticheskij sbornik - 200 years of Vyatka governorate: statistical handbook / ed. by V. A. Zyrin. Kirov. 1996. P. 29.
2. See more: Sharabarov P. N. Funkcionirovanie gorodskogo hozyajstva Vyatki v 1918–1922 gg. [Urban performance of Vyatka in 1918-1922] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014. No. 3, pp. 37-45. Blagoustrojstvo goroda Vyatki v gody nehpa - The improvement of the city of Vyatka in the NEP // Gorod na Vyatke: istoriya, kul'tura, lyudi: materialy Vseros. nauch. konf.- City on the Vyatka: history, culture, and people: proceedings of All-Russian scientific. conf. / scientific ed. M. S. Sudovicov. Kirov. 2014. Pp. 71-78.
3. Kashina V. M. Industrializaciya v Kirovskom krae (oblasti): zamysly i itogi [Industrialization in the Kirov edge (region): intentions and outcomes] // EHnciklopediya zemli Vyatskoj. T. 10. Kn. 2. Promyshlennost'. EHnergetika. Stroitel'stvo. Transport - Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 10. Book 2. Industry. Energy. Construction. Transport / ed. by V. A. Sitnikov. Kirov. 2008. Pp. 145-146.
4. Areas of Nizhny Novgorod region: a statistical handbook. N. Novgorod. 1930. Pp. 6-7, 22-23. (in Russ.)
5. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 713. Sh. 35.
6. Istoriya goroda Kirova. 1374–1974: kratkij ocherk - The history of the city of Kirov. 1374-1974: short essay / scientific ed. A. V. Emmausskiy, E. I. Kiryukhin. Kirov. 1974. P. 213; [Gorod Kirov v cifrah] [The city of Kirov in numbers] // Kirovskaya pravda - Kirov truth. 1935. 12 Apr. P. 2.
7. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 713. Sh. 40.
8. Ibid. Sh. 37.
9. Ibid. Sh. 40.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Tinsky A. G. Vyatskaya mozaika [Vyatka mosaic]. Kirov. 1994. Pp. 148-154.
13. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 713. Sh. 37.
14. Just by the beginning of 1931 there were about 280 thousand sq m of living space.
15. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 713. Sh. 38.
16. Ibid. File 923. Sh. 84.
17. GASPE KR. F. P-72. Sh. 1. File 62. Sh. 30.
18. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 821. Sh. 294.
19. Ibid. File 713. Sh. 38.
20. Rental housing co-operative associations.
21. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 693. Sh. 2.
22. Ibid. File 821. Sh. 123.
23. Ibid. Sh. 274.
24. Ibid. Sh. 173.
25. Ibid. Sh. 223.
26. Ibid. File 989. Sh. 26.
27. Rajony Gor'kovskogo kraja (kratkie harakteristiki): ehkonomicheskij spravocchnik - Areas of the Gorky region (brief description): economic handbook / edited by R. A. Shishljannikov. Vol. II. Part I. Gorky. 1934. P. 125.
28. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 673. Sh. 32; ibid. File 713. Sh. 41.
29. Ibid. File 822. Sh. 39-41.
30. Ibid. File 923. Sh. 84.
31. Ibid. File. 1045. Sh. 1, 15.
32. Istoriya goroda Kirova... - The history of the city of Kirov... P. 209; Kulyabina T. V. Generiruyushchaya kompaniya [Generating company] // EHnciklopediya zemli Vyatskoj. T. 10. Kn. 2. Promyshlennost'. EHnergetika. Stroitel'stvo. Transport - Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 10. Book 2. Industry. Energy. Construction. Transport / ed. by V. A. Sitnikov. Kirov. 2008. P. 313.
33. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 924. Sh. 9, 14.
34. GASPE KR. F. P-100. Sh. 1. File 166. Sh. 64.
35. Kulyabina T. V. Op. cit. P. 312.
36. GASPE KR. F. P-100. Sh. 1. File 165. Sh. 32.
37. EHnergiya – ehto dvizhenie. Glavy istorii ehnergetiki Urala - Energy is movement. Chapters of the Ural power history / author-comp. V.V. Goronkova. Ekaterinburg. 1998. P. 44.
38. The deficit was estimated at 1249 kW.
39. GASPE KR. F. P-100. Sh. 1. File 166. Sh. 63.
40. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 673. Sh. 32, 157; ibid. File 821. Sh. 381-381 turn.
41. The pump house was located on the famous Kikimora mountain near the present-day Vodoprovodnaya street, Kirov.

42. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 923. Sh. 84.
43. Ibid. File 713. Sh. 42.
44. Ibid. File 852. Sh. 25.
45. Ibid. File 713. Sh. 45.
46. Ibid. File 923. Sh. 146-147.
47. Ibid. File 904. Sh. 19-21.
48. GASPE TO. F. P-100. Sh. 1. File 165. Sh. 22-23.
49. GAKO. F. P-897. Shp. 1. File 1045. Sh. 43.
50. Ibid. File 713. Sh. 46.
51. Ibid.
52. Ibid. File 989. Sh. 161.
53. Ibid. File 821. Sh. 149, 151, 183, 261-262; ibid. File 923. Sh. 261.
54. Ibid. File 826. Sh. 60.
55. Ibid. File 923. Sh. 84.
56. Ibid. File 989. Sh. 163.
57. Ibid. File 713. Sh. 53.
58. Areas of the Gorky region... P. 125.
59. GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 713. Sh. 46.
60. Ibid. Sh. 55.
61. Ibid. File 821. Sh. 51.
62. Ibid. File 852. Sh. 8 turn.
63. Ibid. File 976. Sh. 80-80 turn.
64. GASPE TO. F. P-100. Sh. 1. File 166. Sh. 144; GAKO. F. P-897. Sh. 1. File 1046. Sh. 80.
65. GASPE TO. F. P-100. Sh. 1. File 80. Sh. 37.
66. See, for example: the action Plan on the improvement of the city of Vyatka in 1934 Vyatka, 1934.

УДК 94(470.6)

Л. Х. Батагова

К вопросу о природе терроризма на Северном Кавказе

В статье анализируются особенности развития терроризма на Северном Кавказе, обусловленные историческими, социально-политическими и этноконфессиональными предпосылками. В исследовании природы терроризма особое внимание уделяется вопросам социальной организации и общественной жизни ряда кавказских народов, а также современной конфессиональной ситуации в регионе. Автор рассматривает терроризм на Северном Кавказе как региональный феномен, имеющий общие и особенные черты, позволяющие выделить его специфические черты в рамках генезиса мирового терроризма.

The article considers peculiarities of derivation of terrorism in the North Caucasus as conditioned by historic background as well as by socio-political and ethno-confessional factors. When exploring the nature of terrorism, the author pays a special attention to social organization and public life of a number of Caucasian nations, as well as to the actual confessional situation in the region. The author considers terrorism in the North Caucasus as a regional phenomenon with similarities and peculiarities, which allow to identify its specificity within the genesis framework of the world terrorism.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, этнополитический конфликт, Северный Кавказ.

Keywords: terrorism, extremism, ethnopolitical conflict, North Caucasus.

Проблема терроризма и его трагических последствий является весьма актуальной в современном мире. Терроризм представляет серьезную угрозу безопасности и стабильности существования мирового сообщества. С середины 90-х гг. XX в. терроризм превратился в одну из острейших проблем, дестабилизирующих обстановку на Северном Кавказе и в целом в Российской Федерации. Республика Северная Осетия-Алания за последние 20 лет неоднократно испытала жестокие и кровавые акции различных террористов, в их числе теракт в школе № 1 г. Беслана, в результате которого в сентябре 2004 г. погибли 334 заложника, из них 186 детей.

Исследование исторической, социально-экономической, политической природы терроризма, его региональных особенностей является необходимым как в теоретическом плане, так и с позиций потребностей социальной практики. Современный терроризм предстает как сложное и многогранное явление, для которого характерны совокупность специфических черт и особенностей, обусловленных становлением глобального информационного общества. За последние два десятилетия серьезные изменения претерпели доктринальные установки терроризма, модернизировались структуры террористических организаций, расширилось использование ими современных технологий, новых вооружений, реальной стала перспектива применения оружия массового уничтожения. Особенность современного терроризма – значительный рост числа преступлений на фоне все большей жестокости их исполнения.

Историография рассматриваемой проблемы обширна. Феномен терроризма в силу глобальности, многомерности и особой социально-политической значимости является предметом исследования отечественных и зарубежных ученых-обществоведов: историков, политологов, философов, юристов, социологов, которые заложили основательную теоретическую базу для создания работ, носящих междисциплинарный характер [1].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что ни одна из современных теорий терроризма не дает полного и всеобъемлющего ответа на многочисленные вопросы, связанные с феноменом терроризма. Исследователи делают особый акцент на сложности однозначного определения дефиниции «терроризм», что обусловлено многоплановостью и разнообразием форм проявлений, а также неоднозначностью оценок. В настоящее время под терроризмом понимается столь обширный перечень явлений исторического, политического и социального порядка, что свести их к общему теоретическому знаменателю представляется весьма затруднительным. Подобная ситуация представляется вполне закономерной, так как возникновение и деятельность террористических организаций в разное время и в разных странах были вызваны конкретно-исторической спецификой их развития, имели свои причины и последствия в каждом конкретном случае.

Автор ставит задачу рассмотреть некоторые аспекты этноконфессиональных предпосылок терроризма на Северном Кавказе, обуславливающих региональную специфику данного феномена и позволяющих выделить его особенности в рамках генезиса мирового терроризма.

Особенностью современного российского терроризма является его северокавказская «прописка», и это не случайно. Кавказ в целом и Северный Кавказ в частности являлся и является объектом геополитических устремлений многих государств, имеющих свои экономические, национальные, религиозные и прочие цели, широко использующих различные механизмы политики и тайной агрессии, среди которых не последнее место занимает терроризм.

Терроризм на Северном Кавказе выступает в качестве внесистемного геополитического игрока, как одна из структур международного терроризма. Тенденция расширения зоны террористического влияния на Кавказе, стремление превратить регион в исламистский анклав, прибежище международных террористов, торговцев наркотиками и оружием наблюдается с 90-х гг. XX в. В этом проявляется одна из отличительных характеристик терроризма на Северном Кавказе – его тесная связь с криминалом, нити которого вели в Чечню. В 1990-е гг. Чеченская Республика-Ичкерия стала представлять своеобразный криминальный анклав на территории Российской Федерации, источник конфликтности, экстремизма и терроризма, распространявшихся на все сопредельные территории. Террористические организации Северного Кавказа в значительной мере оказались зависимы от целей и идеологии международного терроризма. В настоящее время, не имея возможности к открытому вооруженному сопротивлению, террористическое подполье вынуждено, получая финансирование из-за рубежа, проводить редкие, но жестокие террористические акты, направленные против мирных жителей (теракты в Волгограде в декабре 2013 г.).

Отмечая безусловное влияние внешних факторов, способствующих распространению терроризма (рост числа террористических проявлений в ближнем и дальнем зарубежье; социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах как бывшего СССР, так и Европы и Азии; наличие вооруженных конфликтов в отдельных из них, а также территориальных претензий друг к другу; стратегические установки некоторых иностранных спецслужб и зарубежных (международных) террористических организаций; наличие значительного «подпольного рынка» оружия (включая ВВ и ОВ) в некоторых сопредельных государствах), следует признать первостепенную роль внутренних причин.

Внутренние предпосылки экстремизма и терроризма кроются в сфере глубоких этнотерриториальных и межконфессиональных противоречий, характерных для многонациональных государств, переживающих кризис в сфере экономики, политики, социальных отношений. Спусковым крючком негативных проявлений стали непродуманные реформы периода перестройки, приведшие к распаду СССР, и последующие объективные и субъективные трудности становления

новой российской государственности, приобретшие особую остроту в таком многонациональном и поликонфессиональном регионе, как Северный Кавказ.

Советская партийно-государственная система долгое время удерживала многие межнациональные и межрелигиозные проблемы в латентном состоянии. С распадом Советского Союза все они «неожиданно всплыли» на поверхность политической жизни, приняв форму межнациональных войн, экстремизма, терроризма. Политизировавшись за время перестройки, коренные народы Северного Кавказа дали выход всем накопившимся обидам и претензиям. Стремясь к восстановлению «исторической справедливости» или же выражая желание занять более высокое по сравнению с соседними этносами положение, все коренные народы демонстрировали всеобщее рвение доказать свою древность, автохтонность, бывшее могущество, а также «уколоть» соседний народ, обвинив его в прищлости, в «недостаточной культурности» и т. п. Люди, вооружившись «новыми знаниями», выходили на митинги, требуя убраться «пришельцам» и отдать исконные территории другим, более «достойным» народам. Началась борьба взаимоисключающих взглядов и интенсивные поиски «национальных героев». Ситуация осложнялась тем, что в республике Северного Кавказа устремились тысячи беженцев из Грузии, Азербайджана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана и других государств СНГ. Стихийная миграция населения также несла в себе большой конфликтотенный потенциал. В этой сложной общественно-политической, межнациональной и межрелигиозной обстановке протекала чеченская драма 90-х гг. XX в., созрела почва для экстремизма и терроризма на Северном Кавказе.

Таким образом, одним из основных, наиболее выраженных факторов нарастания террористической угрозы является конфликтность региона. При этом данный аспект усиливается тем, что, выступая следствием развернувшихся противоречий, он сам обостряет последние, становясь преградой для их разрешения.

Терроризм на Северном Кавказе имеет глубокие исторические корни, обусловленные особенностями социальной организации и общественной жизни горских народов, в которых особую значимость имеют родовые (тайповые, тукхумные) структуры [2]. Незавершенность социально-экономической и политической трансформации общинно-родовых (тайповых) структур горских обществ в иерархические, государственно-институализированные, начатая в середине XIX в., в ходе Кавказской войны и драматически продолженная в XX в., является одним из важнейших факторов трудноискоренимости терроризма на Северном Кавказе. Основная масса коренного населения региона, занятого в сельском хозяйстве, сохранила приверженность традиционализму и в XX в. Это способствовало консервации архаичных элементов социального устройства, таких, например, как кровная месть, круговая порука, создающая прочную базу пособничества террористам, что создавало и создает серьезные трудности в борьбе с терроризмом.

Безусловно, тайповая структура и многие другие северокавказские социальные институты претерпели определенную эволюцию в результате и царской, и большевистской модернизации. Вместе с тем тайп как система общественных отношений оказал упорное сопротивление новому. В связи с этим отечественный историк М. М. Блиев отмечал: «Не случайно как устойчивая форма общественного уклада тайповые отношения не только определяли общий облик партийно-советских властных структур в Чечне, но и этим структурам “диктовали” свои условия. К 30-м гг. XX в. в ходе коллективизации тозы, а затем и колхозы возникали по тайповому принципу или “кубам” (аул Шали, например, делился на 10 “кубов”, каждый из которых объединял по 300–350 индивидуальных хозяев); “кубы” создавались по принадлежности к одному тайпу или гару (гар-ветвь тайпа). Наличие в Чечне в условиях утверждения тоталитарной системы тайповых колхозов и даже райкомов партии являлось не только экзотическим свидетельством прочности чеченского тайпа. Оно указывало также на ту опасность, которую таило в себе насильственное структурирование двух совершенно несовместимых типов общества» [3]. Репрессии и депортация 30–40-х гг. XX в., создавшие депортированным народам Северного Кавказа «общего врага» в лице советской России, способствовали консервации традиционной культуры. Последовавшее после возвращения на историческую родину в 50–60-е гг. XX в. административно-территориальное переустройство, с произвольно установленными границами, стало новым фактором осложнения отношений в регионе и способствовало возникновению в постсоветской России этнотерриториальных споров, которые разожгли костры межнациональных конфликтов.

Крах советского государства в 1991 г., непродуманное и радикальное реформирование экономических и политических основ общества, в том числе вывод федеральных войск из Чечни, ослабили российскую государственность, которая утратила монополию на легитимное насилие. Сохранившиеся традиционные социальные институты народов Северного Кавказа присвоили ее себе, возрождая и легализуя многие обычаи и традиции, позволяющие многочисленным группировкам бороться за власть, влияние и природные ресурсы. Неизжитая традиционная родовая ор-

ганизация, пересаженная в постсоветскую реальность, дала практически готовую модель клана. Представляется, что клановая и патронажная социальная организация Северного Кавказа за постсоветские годы укрепилась. Родовые и клановые группы связаны теперь не только архаичными взаимными обязательствами, но и бизнесом, большими деньгами, пролитой в клановых междоусобицах кровью. Ситуация усугубляется тем, что Северный Кавказ полиэтничен. Противоречия и конфликты между кланами, созданными на моноэтнической основе, часто выступают как межэтнические. Это провоцирует перманентную конфликтность, зачастую принимающую форму религиозного конфликта.

Кланово-родовые общности оказались, по сути, вне контроля государственных правоохранительных органов, которые связаны с ними и зачастую находятся под надзором определенных патронажных групп и потому вынуждены применять силу закона избирательно.

Одним из главных факторов, придавших клановости на Северном Кавказе второе дыхание, стала деиндустриализация большинства национальных республик, произошедшая в результате катастрофических для региона постсоветских преобразований. Почти полное прекращение функционирования современной промышленности и деградация сельского хозяйства, его натурализация в постсоветский период привели к утрате современных форм экономики, к архаизации экономической и общественной жизни, и как результат – к усилению влияния и расцвету этноклановой системы.

Нынешнее российское руководство ясно осознает необходимость новой индустриализации страны и Северного Кавказа в том числе. Об этом свидетельствуют принятие Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г., утвержденной постановлением Правительства РФ от 6.09.2010 г. № 1485-р, а также ориентиры развития, обозначенные президентом В. В. Путиным в послании Федеральному Собранию РФ 12.12. 2013 г. Несомненно, только принятием законов и программ дела не решишь. От властей требуется неформальный подход, искренняя заинтересованность в решении проблем региона. Время декларативных документов и заявлений должно закончиться. Необходимы адекватные действия, направленные на стабилизацию политической, экономической и социальной обстановки, приоритетное внимание вопросам безопасности, повышению общего жизненного уровня, занятости населения, в первую очередь, молодежи.

Сущностные проявления северокавказского терроризма во многом обусловлены противоречиями в этноконфессиональной сфере, которые являются основополагающими в эскалации терроризма в регионе. Анализ проблемы показывает, что сегодня основные конфликтогенные процессы переместились в религиозную сферу. Религиозный ренессанс 1990-х гг. способствовал превращению религии в важнейшую сферу общественной жизни, оказывающую непосредственное влияние на социально-политические процессы на Северном Кавказе. При этом падает влияние традиционного ислама, среди молодежи все большее влияние приобретает так называемый «чистый ислам», «истинный», «фундаментальный». Исламских фундаменталистов на Северном Кавказе называют «ваххабитами». Фундаменталисты отрицают все исторические напластования традиционного суннизма, накопившиеся в течение его более чем 1000-летнего развития, и стремятся к восстановлению «чистоты» первоначального ислама на основе Корана и Сунны [4].

Радикальный ислам пустил прочные корни в Дагестане и Чечне ещё в начале 1990-х гг. Эти республики всегда были наиболее исламизированными на Северном Кавказе, и традиции политических движений под зеленым знаменем имеют там давнюю историю. Распространение исламского фундаментализма среди черкесов, карачаевцев, кабардинцев, балкарцев, ингушей является новым и тревожным фактором, так как исламизация этих народов традиционно была ниже и ислам здесь не оказывал существенного влияния на политику [5].

На Кавказе рост экстремистских тенденций в исламе стал в наибольшей степени ощущаться в ходе самоопределения и «суверенизации» Чечни и последовавших затем военных операций на территории этой республики. Ваххабизм оказался системой разжигания внутрирелигиозной и межэтнической вражды, ибо воспринимал войну между чеченскими сепаратистами и Россией как «священную». Лозунгами джихада пытались облечь свое движение откровенные националисты и криминальные элементы, преследующие собственные политические цели. Под «видом войны с неверными» подвергались изгнанию и уничтожению любые формы инакомыслия. Такая форма ислама была на руку уголовникам, которые составляли основной костяк дудаевских бандформирований.

Вместе с тем налицо и определенные аспекты внутреннего свойства, которые делают ваххабизм привлекательным, прежде всего для молодежи, которая составляет важнейшую часть этого движения и готова на крайние формы «священной борьбы», что представляет серьезную опасность. Ваххабитская доктрина отличается рационализмом и доступностью, обладает четкой внутренней логикой, что позволяет преодолевать элитарность и замкнутость традиционного на

Северном Кавказе суфизма. Декларируя строгое следование положениям Корана и Сунны, ваххабиты как бы «модернизируют» ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека [6].

Привлекательной чертой ваххабитской идеологии также является ее способность транслировать протест против традиционных форм социальной организации. Быстрое имущественное расслоение людей в постперестроечные годы, смещение морально-нравственных ориентиров и нарушение процесса социализации наиболее болезненно сказывается на молодежи, порождая у них протест против негативных сторон современной жизни (коррупции, взяточничества, нищеты и т. д.). Традиционный ислам, вплетенный в государственно-административную систему, оказался не способен играть роль выразителя социального протеста. Близость господствующей северокавказской элиты к традиционному исламу и религиозная легитимация последним сложившейся системы социально-экономических отношений выталкивает часть населения, несогласную с клановой организацией общества, в объятия различных версий «нетрадиционного ислама».

Не менее важно и то, что ваххабитские общины представляют собой организованную, нередко вооруженную силу, способную обеспечить своим членам реальную защиту в условиях разгула преступности и анархии. Помимо этого духовный эгалитаризм ваххабитов, проповедующих равенство верующих перед Аллахом, сочетается в их учении с призывами к социальному равенству и справедливости. Ваххабитская идеологическая доктрина с её акцентом на социально-политическую активность индивида служит эффективным средством мобилизации на борьбу против несправедливости и беззакония, в то время как служители традиционного культа, несмотря на аналогичные призывы по введению шариатского устройства общества, воспринимаются частью «старого порядка», «старой системы» [7].

Но ваххабизм не смог консолидировать общество. Он, наоборот, раскалывает его. Сегодня основные конфликтогенные процессы переместились во внутриконфессиональную сферу. Религиозные «споры» зачастую приводят к физическому уничтожению «оппонентов». Примеров тому, к сожалению, множество: убийство муфтия Кабардино-Балкарии А. Пшихачева в декабре 2010 г., заместителя муфтия Казани В. Якупова в июле 2012 г., заместителей муфтия Северной Осетии И. Дударова (декабрь 2012 г.) и Р. Гамзатова (август 2014 г.). Эти убийства не случайны, они свидетельствуют, что некие силы сознательно пытаются как взорвать ситуацию внутри мусульманской общины, так и дестабилизировать ситуацию в регионе. Особенно это очевидно в традиционно стабильной интернациональной и многоконфессиональной республике, какой является Северная Осетия-Алания. Муфтий республики Хаджимурат Гацалов в интервью, данном газете «Северная Осетия», заявил: «Кому-то очень не нравится миролюбивый ислам, исповедуемый в Осетии, кто-то стремится разжечь в ней национальную и межрелигиозную ненависть. Думаю, и время выбрано не случайно – за несколько дней до десятилетия бесланской трагедии!» [8]

В решении этноконфессиональных проблем современного Кавказа необходим масштабный комплекс мер социально-экономического и политического порядка, дополняемый необходимыми шагами в конфессиональной сфере, прицельными акциями спецслужб и правоохранительных органов, выверенным идеологическим влиянием. Большая роль в стабилизации этноконфессиональной ситуации отводится формированию в обществе общероссийской гражданской идентичности, устойчивой психологической ориентации на ненасилие и терпимость, на восприятие мира как позитивного процесса, тесно связанного с взаимопониманием и солидарностью между всеми народами и конфессиями на Северном Кавказе.

Таким образом, масштабная и устойчивая эскалация терроризма на Северном Кавказе обусловлена комплексом внутренних предпосылок, имеющих глубокие исторические корни, которые в значительной степени определяют специфические черты данного явления в регионе. Питательной почвой экстремизма и терроризма на Северном Кавказе является возрождение комплекса архаических представлений, стереотипов и норм поведения, на фоне которых отмечается всплеск национализма, религиозного фанатизма, политизация ислама, вызванные к жизни реалиями нынешней социально-экономической и политической обстановки.

Укорененность традиционалистских структур в общественной жизни ряда северокавказских республик, конфликтность региона, радикализация ислама и падение влияния традиционного ислама предопределяют региональную специфику терроризма, который в этих условиях становится трудноискоренимым и разнообразным. Таким образом, терроризм на Северном Кавказе носит не ситуационный характер, а является выражением накапливавшихся и нерешенных системных проблем современного российского общества, имеющих историческую предопределенность.

Примечания

1. Борисов С. Н. Философско-культурологический анализ феномена терроризма в мире традиционализма и современности. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007; Шахов М. Н. Теоретические проблемы современного терроризма. М.: ИБПИТ, 2003; Замковой В. И., Ильчиков М. З. Терроризм – глобальная проблема современности. М.: Ин-т междунар. права и экономики, 1996; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 2; Allan R. Terrorism: Pragmatic International Deterrence and Cooperation. N. Y.: Institute for East-West Security Studies, 1990; Bell J. B. Transnational Terror. Washington, D. C.: American Enterprise Institute, 1975; Laquer W. Terrorism. L., 1983; Wilkinson P. The Laws of War and Terrorism // The Morality of Terrorism / Ed. by D. Rappoport, Y. Alexander. N. Y.: Columbia University Press, 1989.
2. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 49.
3. Блиев М. М. Традиционная структура чеченского общества и феномен российско-чеченских конфликтов // Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 118.
4. Добаев И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 330–332.
5. Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание Законодательства Республики Дагестан. Махачкала, 1999. Ст. 3290; Закон Карачаево-Черкесской Республики № 6-РЗ от 4 мая 2000 г. // День республики. 2000. 6 мая; Постановление Парламента КБР от 28.04.2005 г. № 481-П-П «Обращение Парламента КБР в Государственную думу Федерального собрания РФ по вопросу совершенствования борьбы с терроризмом и экстремизмом в Северо-Кавказском регионе» // Сборник законов и постановлений Парламента КБР (февраль – август 2005 г.). Нальчик, 2005; Закон РСО-А от 27.12.2010 г. № 389-РЗ «О Республиканской целевой программе по противодействию экстремистским проявлениям в РСО-А на 2011–2013 гг.». Текущий архив Парламента РСО-А, 4-й созыв.
6. Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: ИВ РАН, 2000. С. 27.
7. Макаров Д. В. Указ. соч. С. 29.
8. Гацалов Х. Х. Это подлое и циничное убийство // Северная Осетия. 2014. 20 авг.

Notes

1. Borisov S. N. Filosofsko kul'turologicheskij analiz fenomena terrorizma v mire tradicionalizma i sovremennosti [Philosophical and cultural analysis of the phenomenon of terrorism in the world of traditionalism and modernity]. Belgorod. Publishing house of BelSU. 2007; Shahov M. N. Teoreticheskie problemy sovremennogo terrorizma [Theoretical problems of modern terrorism]. Moscow. IBPIT. 2003; Zamkovoy V. I., Ilchikov M. Z. Terrorism – global'naya problema sovremennosti [Terrorism is a global problem of modernity]. Moscow. In-t of Intern. Law and Economics. 1996; Huntington S. Stolknovenie civilizacij i politiki [Clash of civilizations and the Policy]. 1994, No. 2; Allan R. Terrorism: Pragmatic International Deterrence and Cooperation. N. Y.: Institute for East West Security Studies, 1990; Bell J. B. Transnational Terror. Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1975; W. Laquer Terrorism. L., 1983; Wilkinson P. The Laws of War and Terrorism // The Morality of Terrorism / Ed. by D. Rappoport, Y. Alexander. N. Y.: Columbia University Press, 1989.
2. M. M. Bliev Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k civilizacii [Russia and the mountaineers of the Big Caucasus. On the way to civilization]. Moscow. Mysl'. 2004. P. 49.
3. M. M. Bliev Tradicionnaya struktura chechenskogo obshchestva i fenomen rossijsko chechenskih konfliktov [Traditional structure of Chechen society and the phenomenon of Russian-Chechen conflicts in ethnic relations and ethnic conflicts]. Vladikavkaz. Publ. of SOSU. 1997. P. 118.
4. Dobaev I. P. Islamskij radikalizm: sushchnost', ideologiya, politicheskaya praktika [Islamic radicalism: the nature, ideology, political practice]. Rostov-na-Donu. Publ. of SKSC HS. 2003. Pp. 330-332.
5. The law of the Republic of Dagestan "On banning Wahhabi and other extremist activities on the territory of the Republic of Dagestan" // collected Legislation of the Republic of Dagestan. Makhachkala. 1999. Art. 3290; Law of the Karachay Cherkess Republic No. 6-RZ of 4 may 2000 // Republic Day. 2000. 6 may; The resolution of the Parliament of the CBR dated 28.04.2005, No. 481-P-P "Appeal of the Parliament of the CBR to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation concerning improvement of the fight against terrorism and extremism in the North Caucasus region" // Collection of laws and decrees of the Parliament of the CBR (February – August 2005.). Nalchik. 2005; Law of North Ossetia-Alania dated 27.12.2010 No. 389-RZ "On the Republican target program on counteraction of extremist manifestations in RDF And in 2011-2013". The current archive of the Parliament of North Ossetia-Alania, 4th convocation. (in Russ.)
6. Makarov D. V. Oficial'nyj i neoficial'nyj islam v Dagestane [Official and unofficial Islam in Dagestan]. Moscow. Institute of Oriental studies. 2000. P. 27.
7. Makarov D. V. Op. cit. P. 29.
8. Gatsalov H. H. EHto podloe i cinichnoe ubijstvo [This is a vile and cynical murder] // Severnaya Osetiya - North Ossetia. 2014. 20 Aug.

Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом

В статье проводится правовой анализ норм международного права и некоторых зарубежных государств, регламентирующих охрану свободу совести и вероисповеданий, а также предусматривающих ответственность за ее нарушение. Так, рассмотрены основополагающие акты ООН, определяющие значение свободы совести и вероисповеданий в правовом статусе человека и гражданина, конституционные и уголовно-правовые нормы России, Германии, Великобритании, США, Швеции, Норвегии, Италии, а также особенности применения данных норм в национальном законодательстве. Большое внимание уделяется толкованию и правоприменению указанных норм в зависимости от роли традиционных религиозных и мировоззренческих особенностей конкретного государства. Авторы указывают на сложность и необходимость соблюдения института свободы совести и вероисповеданий в демократическом государстве.

The article analyzes the legal norms of international law and some foreign countries that regulate the protection of freedom of conscience and religion, as well as providing for liability for its breach. For example, consider the fundamental acts of the United Nations, determined by the values of freedom of conscience and religion in the legal status of human and civil rights, constitutional and criminal law in Russia, Germany, Great Britain, USA, Sweden, Norway, Italy, as well as the features of the application of these rules into national law. Great attention is paid to the interpretation and enforcement of these standards depending on the role of traditional religious and ideological characteristics of a particular state. The authors point to the complexity, but at the same time, and the need to respect freedom of conscience and religion in a democratic state.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповеданий, международные нормы, национальное уголовное законодательство, религиозные группы и объединения, уголовная ответственность, правоприменение.

Keywords: freedom of conscience and religion, international standards, national criminal law, religious groups and associations, criminal liability, law enforcement.

Институт свободы совести и вероисповеданий является на сегодняшний день одним из важнейших в любом демократическом государстве, так как лежит в основе правового статуса человека и гражданина. Мировое сообщество и каждое отдельное государство не случайно уделяют особое внимание вопросам, связанным с обеспечением мировоззренческой свободы человека и гражданина: религиозные конфликты и борьба за свободу вероисповедания – явления, характерные для любого общества на любом историческом этапе.

Вопрос о необходимости юридического закрепления прав и свобод, касающихся отношения к религии, вероисповедания, свободы совести, поднимался многими философами, юристами, государствоведами, политическими и общественными деятелями на протяжении столетий. Однако этот процесс окончательно смог завершиться только в XX в., когда ООН закрепила свободу совести и вероисповеданий в статье 18 Всеобщей Декларации прав человека (1948 г.): «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения» [1]. Позднее, в 1966 г., был принят Международный Пакт о гражданских и политических правах, который в статье 18 позволил детально раскрыть положения статьи 18 Всеобщей Декларации прав человека:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» [2].

Указанные положения стали ключевым шагом на пути становления демократических преобразований в конституционных нормах многих государств мира, однако нормы Пакта дорабатывались, обсуждались, что привело в итоге к принятию в 1981 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Таким образом, на международном уровне существенно разработаны нормы, защищающие свободу совести и вероисповеданий человека. Любое государство, присоединившееся к вышеназванным актам, обязано соблюдать его нормы, а также изменить национальное законодательство с целью унификации нормативных положений.

Помимо вышеназванных положений международного законодательства, которые мы можем отнести к категории «права и свободы», следует выделить нормы национального законодательства, которые детализируют международные, а также предусматривают юридическую ответственность за посягательства на свободу совести и вероисповеданий. Проведем небольшое сравнение основных положений российского законодательства и норм некоторых зарубежных государств.

В ст. 14 Конституции РФ прямо закреплено, что «1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [3]. Это важное положение конкретизируется в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», который ч. 3 ст. 3 указывает на запрет установления «преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии» [4].

Уголовный закон России всегда предусматривал ответственность за деяния, направленные на нарушения свободы совести и вероисповеданий человека и гражданина. В действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. предусмотрена ответственность за разжигание религиозной вражды или ненависти (ст. 282), а также за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148). Однако был принят Федеральный закон № 136-ФЗ от 29.06.13 г., который расширил действие ст. 148 УК РФ. Теперь она предусматривает ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [5]. Таким образом, российский уголовный закон сегодня выделил особую категорию лиц – «верующие» – и предусмотрел ответственность за их публичное оскорбление, хоть и не раскрывая данное понятие. Институт свободы совести и вероисповеданий упоминается также и в административном законодательстве РФ. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за дискриминацию по признаку отношения к религии и убеждений (ст. 5.62).

Анализ действующего российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что был выделен специальный состав преступления, предусматривающий ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ), несмотря на наличие действовавшей нормы, признававшей преступным разжигание вражды или ненависти по религиозным признакам (ст. 282 УК РФ). Это может свидетельствовать, с одной стороны, о необоснованном ужесточении уголовного закона, с другой – о его клерикализации. В любом случае, такой подход законодателя значительно отличается от общемировой практики. Остановимся на ней подробнее.

Законодательство Германии также затрагивает данный вопрос. Так, Уголовный кодекс Германии содержит ст. 166, которая закрепляет состав преступления, выражающийся в публичном или письменном оскорблении чувств верующих, а также деяния, направленные на публичное или письменное оскорбление устоев религиозной организации и религиозных мировоззренческих объединений (движений, организаций) [6]. Статья 167 данного кодекса предусматривает уголовную ответственность за грубое умышленное посягательство на порядок осуществления

церемоний (обрядов, богослужений) [7]. Следует отметить, что в самой конституции ФРГ нет норм, закреплявших бы определение «светское государство», но при этом допускается многообразие религиозных течений, взглядов, ни одна из религий не признается главенствующей (ст. 4):

«(1) Свобода вероисповедания, свобода совести и свобода религиозных и мировоззренческих убеждений неприкосновенны.

(2) Гарантируется беспрепятственное исповедание религии.

(3) Никто не может быть против своей совести принужден к военной службе с оружием. Подробности регулируются федеральным законом» [8].

Церковь (христианская) отделена от государства, хотя и признается ее важная роль в регулировании социальных процессов. Получается, что юридически Германия провозглашена светским государством, но фактически отдельные конфессии (для Германии признаются традиционными христианская и иудейская) занимают привилегированное положение по отношению к остальным.

Иную позицию выбрали парламентарии Великобритании. Так, в английском праве существовали нормы, принятые еще в 1547 г. во время правления короля Эдварда VI, которые позволяли ограничивать свободу творчества. Уже в XX столетии назрела острая необходимость изменения данных правовых норм по многим причинам: это и откровенная поддержка исключительно Англиканской церкви (богохульством признавались оскорбления только в адрес этой церкви), и отсутствие правоприменительной практики (с 1977 г.), несмотря на то что само законодательство о богохульстве считалось действующим все это время. Только в 2008 г. были внесены поправки, отменившие действие указанных норм. До отмены статьи за это правонарушение в 2008 г. британское законодательство трактовало богохульство как «любые письменные суждения о Боге или Христе, христианстве, Библии или ином священном предмете, использующие бранные, оскорбительные или непристойные выражения, а также унижающие христианскую религию» [9]. Таким образом, законодатель Великобритании пошел по пути устранения противоречий между национальным законодательством и нормами международных актов: закон о богохульстве способен нарушить принцип свободы слова, указанный в ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Немаловажное значение в законодательстве Англии и Уэльса имеет Акт о расовой и религиозной ненависти, который в части 3А дает прямое указание на деяния, признаваемые «религиозной ненавистью»: ненависть в отношении группы лиц, характеризующихся приверженностью к религиозной вере или отсутствием религиозных взглядов (29А) [10]. Аналогично российскому законодательству Акт использует указание на преступность таких действий, если они совершены публично, то есть в присутствии других лиц, однако указанные нормы распространяются не только на посягательство против свободы совести и вероисповеданий, но и на разжигание религиозной и расовой вражды.

Следует отметить, что государство может пойти по пути преимущественного использования норм международного права, вносить в национальное законодательство уточнения, касающиеся традиционных религиозных течений либо устанавливать привилегированное положение того или иного религиозного течения с широким набором санкций за «кошунство» (Пакистан, ряд исламских государств). Совершенно иную позицию занимают США: помимо соблюдения международных норм на своей территории они следят за исполнением норм о свободе совести человека и гражданина на территории государств мира. Ежегодно Госдепартамент США представляет Конгрессу отчет о соблюдении свободы совести и вероисповеданий и о зафиксированных нарушениях на всей территории помимо самих США. В зависимости от количества зафиксированных нарушений указанных принципов составляется перечень государств, где такие нарушения носят повсеместный характер (встречаются часто), а это, в свою очередь, напрямую играет роль в формировании внешнеполитических отношений с такими государствами, а также позволяет США оказывать помощь религиозным группам, чье право на свободу совести и вероисповеданий ущемляется. Так, в докладе за 2013 г. к числу стран, в которых встречаются нарушения свободы совести и вероисповеданий, отнесены Сирия, Пакистан, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Китай, Египет, Соединенное Королевство. При этом отдельно перечислены страны, в которых религиозная свобода ущемлялась посредством «правительственных репрессий»: Северная Корея, Саудовская Аравия, Судан, Куба, Таджикистан, Узбекистан, Россия [11].

Уголовный закон Норвегии и Швеции декриминализировал специальные составы преступлений, предусматривающие ответственность за «богохульство». В обоих случаях одной из причин отмены составов стало отсутствие правоприменительной практики в течение длительного времени. Норвежский законодатель указывает на важное условие привлечения к ответственности за оскорбление религиозных чувств – степень вреда, причиненного общественному интересу.

Шведский законодатель ограничивается на данный момент положениями ст. 8 ч. 2 гл. 16 УК Швеции: «Лицо, которое в распространенном заявлении или сообщении угрожает или выражает неуважение к национальной, этнической или другой подобной группе людей со ссылкой на расу, цвет кожи, национальное или этническое происхождение или религиозные убеждения, должно быть приговорено за агитацию против национальной или этнической группы к тюремному заключению на срок не более двух лет, или если преступление является малозначительным, то к штрафу (Закон 1988:835)» [12].

Законодательство Италии длительное время предусматривало ответственность за оскорбление государственной религии (католичество). Только в 1985 г. были внесены изменения в уголовное законодательство, касающиеся защиты не только католичества, но также иной религии (веры). На сегодняшний день деяния, посягающие на свободу совести и вероисповеданий в Италии, относятся и к административным правонарушениям («богохульство»), и к уголовным – ст. 724 УК Италии: деяние считается преступным, если совершено публично путем оскорбления религиозных символов или религиозных деятелей государственной религии (Конституционным судом в 1995 г. было указано на незаконность формулировки «государственной религии»).

Можно сделать вывод о том, что уголовное законодательство ряда светских государств идет по пути декриминализации деяний, которые могут рассматриваться как посягательство на конкретную конфессию, религиозное течение (в том числе некогда занимавшее или занимающее особое положение в государстве), в связи с тем что подобные нормы противоречат принципам равенства, свободы слова, свободы совести и вероисповеданий. Зарубежный законодатель, помимо прочего, приходит к выводу о том, что защите должны подлежать не только религиозные отношения, но и чувства лиц, относящих себя к атеистам. Тенденции изменения уголовного закона в России говорят об обратном процессе, однако с уверенностью судить о результатах указанных преобразований рано по причине немногочисленной судебной практики.

Свобода совести и вероисповеданий является важной частью национального законодательства любого государства, которая может ограничиваться нормами общего характера (основываясь на международных актах), но также и учитывать религиозные особенности и традиции населения. Проанализировав положения уголовных законов некоторых зарубежных государств, можно прийти к следующему выводу: законодатель стремится избегать норм, которые закрепляют привилегированное положение одного религиозного мировоззрения над другим. Несомненно, можно выделить государства, где религия является государственной: Финляндия, Греция, а также государства, религиозные институты которых осуществляют давнее тесное сотрудничество с властью, при этом государство носит светский характер (Россия, Германия). Важным остается не только качественное формулирование правовой нормы, призванной регулировать свободу совести и вероисповеданий, но и недопустимость некорректного правоприменения ее, например, в отношении отдельных групп и объединений, которые являются малочисленными или молодыми по сравнению с традиционными. Признавая религиозное и мировоззренческое многообразие, государство берет на себя обязательство по контролю за эффективным механизмом защиты свободы слова и совести каждого человека и гражданина. Закрепляя ответственность за нарушения права на свободу совести и вероисповеданий, законодателю следует максимально точно формулировать уголовно-правовую норму, указывать на ее применение без исключений (привилегий), избегать оценочных категорий и терминов без указания на их значение. В противном случае норма права вместо гарантии соблюдения принципа равенства становится средством искоренения инакомыслия и препятствием для развития культурного, идеологического и религиозного многообразия в обществе.

Примечания

1. «Всеобщая декларация прав человека» : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 24.02.2015).

2. «Международный Пакт о гражданских и политических правах» : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 24.02.2015).

3. «Конституция Российской Федерации» : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Версия Проф. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения 24.03.2015).

4. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Версия Проф. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170122> (дата обращения 24.02.2015).

5. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Версия Проф. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148270;fld=134;dst=100009;rnd=0.3826851272024214> (дата обращения 24.02.2015).

6. «Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия»: принят 15 мая 1871 года // Официальный сайт Федерального министерства юстиции и защиты потребителей ФРГ (Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, BMJV). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_166.html (дата обращения 24.02.2015).

7. Там же. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_167.html (дата обращения 24.02.2015).

8. «Основной закон Федеративной Республики Германии»: принят 23 мая 1949 года // 1000 документов (1000 ключевых документов по германской истории в XX веке). URL: http://www.1000dokumente.de/index.html/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения 24.02.2015).

9. Кенан М. Богохульство и меняющаяся природа сакрального // Русский журнал. Гефтеровские чтения. 16.02.2012. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Bogohul-stvo-i-menyayushchayasya-priroda-sakralnogo> (дата обращения 24.02.2015).

10. «Акт о расовой и религиозной ненависти»: принят парламентом Соединенного Королевства в 2006 году // Законодательство Соединенного Королевства (официальный сайт). URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/pdfs/ukpga_20060001_en.pdf (дата обращения 24.02.2015).

11. Доклад бюро США по вопросам демократии, прав человека и труда о свободе вероисповедания в 2013 году (International Religious Freedom Report for 2013): официальный сайт Государственного Департамента США. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения 24.02.2015).

12. Уголовный кодекс Швеции: принят в 1962 году // Шведская пальма. URL: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii#2:16 (дата обращения 24.02.2015).

13. Уголовный кодекс Италии: утвержден Королевским указом № 1398 от 19.10.1930 г. // Altalex. URL: <http://www.altalex.com/index.php?idnot=36776> (дата обращения 24.02.2015).

Notes

1. "The Universal Declaration of human rights": adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948 // Official website of the United Nations. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (access date 24.02.2015). (in Russ.)

2. "The international Covenant on civil and political rights": adopted by resolution 2200 A (XXI) of the UN General Assembly of 16 December 1966 // Official website of the United Nations Organization. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (access date 24.02.2015). (in Russ.)

3. "The Constitution of the Russian Federation": adopted by popular vote of 12.12.1993 (including the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Consultant plus: Ref.-legal system. Prof. version. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (access date 24.03.2015). (in Russ.)

4. Federal law dated 26.09.1997 N 125-FZ "On freedom of conscience and on religious associations" // Consultant plus: Ref.-legal system. Prof. version. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170122> (access date 24.02.2015). (in Russ.)

5. Federal law dated 29.06.2013 No. 136-FZ "On amendments to article 148 of the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation aimed at countering insult of religious beliefs and feelings of citizens" // Consultant plus: Ref.-legal system. Prof. version. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148270;fld=134;dst=100009;rnd=0.3826851272024214> (access date 24.02.2015). (in Russ.)

6. "Criminal code (criminal code) of the Federal Republic of Germany": adopted on May 15, 1871 // Official website of the Federal the Ministry of justice and consumer protection of Germany (Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, BMJV). Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_166.html (access date 24.02.2015). (in Russ.)

7. Ibid. Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_167.html (access date 24.02.2015). (in Russ.)

8. "The basic law of the Federal Republic of Germany, adopted on 23 May 1949 // 1000 documents (1000 key documents on German history in the twentieth century). Available at: http://www.1000dokumente.de/index.html/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (access date 24.02.2015). (in Russ.)

9. Kenan M. *Bogohul'stvo i menyayushchayasya priroda sakral'nogo* [Blasphemy and the changing nature of the sacred] // *Russkij zhurnal. Gefterovskie chteniya* - Russian journal. Gefterov readings. 16.02.2012. Available at: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Bogohul-stvo-i-menyayushchayasya-priroda-sakralnogo> (access date 24.02.2015).

10. "The act of racial and religious hatred": adopted by the Parliament of the United Kingdom in 2006 // UK Law (official website). Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/pdfs/ukpga_20060001_en.pdf (24.02.2015). (in Eng.)

11. Report of the U.S. Bureau of democracy, human rights and labor on religious freedom in 2013 (International Religious Freedom Report for 2013): the official website of the U.S. State Department. Available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (access date 24.02.2015).

12. The Swedish penal code: adopted in 1962 // Swedish Palma. Available at: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii#2:16 (access date 24.02.2015). (in Russ.)

13. The Italian penal code: approved by Royal decree No. 1398 from 19.10.1930 // Altalex. Available at: <http://www.altalex.com/index.php?idnot=36776> (access date 24.02.2015). (in Russ.)

УДК 342.81

И. Г. Верзилина

К вопросу о совершенствовании правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса

В демократическом государстве на выборах, проходящих открыто и гласно, фактор увеличения количества членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, наблюдателей и других контролеров за организацией избирательного процесса должен приветствоваться. Однако правоприменительная практика при организации и проведении выборов в последние годы выявила ряд пробелов в избирательном законодательстве, свидетельствующих о недостаточной урегулированности правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. В статье обосновывается необходимость устранения этих пробелов, обусловленная тем, что они порождают возможность злоупотребления своими правами некоторых недобросовестных субъектов избирательных правоотношений.

In a democratic state elections in a transparent and public manner, the factor of increasing the number of members of election commissions with advisory vote, observers and other inspectors for the organization of the electoral process, should be welcomed. But practice in the organization and holding elections in recent years has revealed a number of loopholes in the electoral legislation, demonstrating the lack of regulation of the legal status of members of election commissions with advisory vote. The article proves the necessity to eliminate these loopholes, due to the fact that they give rise to the possibility of abusing their rights by some unfair members in the electoral legal relationship.

Ключевые слова: выборы, избирательные комиссии, избирательная кампания, член избирательной комиссии с правом совещательного голоса, права, обязанности.

Keywords: elections, election commission, electoral campaign, member of election commission with advisory vote, rights, obligations.

Впервые члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса вошли в состав Центральной избирательной комиссии по выборам депутатов Государственной Думы, окружных избирательных комиссий по выборам в Государственную Думу и участковых избирательных комиссий на основании Указа Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 г. № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» [1]. В ст. 13 Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [2] было закреплено право избирательного объединения, выдвинувшего кандидата (список кандидатов), самого кандидата после регистрации назначить в избирательную комиссию, зарегистрировавшую кандидата, и в нижестоящие избирательные комиссии по одному члену с правом совещательного голоса. Аналогичная норма содержалась в ст. 24 Феде-

рального закона от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3].

Действующий Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 16.12.2014) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) [4] в ч. 20 ст. 29 устанавливает, что «кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов, со дня представления в избирательную комиссию документов для регистрации кандидата вправе назначить одного члена этой избирательной комиссии с правом совещательного голоса, а в случае регистрации кандидата, списка кандидатов – по одному члену избирательной комиссии с правом совещательного голоса в каждую нижестоящую избирательную комиссию».

С каждой избирательной кампанией, с каждым избирательным циклом растет количество членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Число их повысилось за счет существенного увеличения в последние годы зарегистрированных избирательных объединений и их региональных отделений. Так, правом участия в выборах по состоянию на 4 декабря 2014 г. обладают 73 политические партии в Российской Федерации [5].

Казалось бы, в демократическом обществе на выборах, проходящих открыто и гласно, фактор увеличения количества членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, наблюдателей и других контролеров за организацией избирательного процесса должен приветствоваться. Автор полагает, что, безусловно, должен, но только с соблюдением всеми вышеназванными участниками избирательного процесса одного из основных постулатов демократии: «права должны коррелироваться с обязанностями».

Однако правоприменительная практика при организации и проведении выборов в последние годы выявила ряд пробелов в избирательном законодательстве, свидетельствующих, по нашему мнению, о недостаточной урегулированности правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Актуальность названной проблематики и необходимость устранения этих пробелов обусловлена тем, что они порождают возможность злоупотребления своими правами некоторыми недобросовестных субъектов избирательных правоотношений.

Согласно ч. 21.1 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ «членами комиссий с правом совещательного голоса не могут быть назначены:

- 1) лица, не имеющие гражданства Российской Федерации, а также граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;
- 2) граждане Российской Федерации, не достигшие возраста 18 лет;
- 3) депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти, органов местного самоуправления;
- 4) выборные должностные лица, а также главы местных администраций;
- 5) судьи, прокуроры;
- 6) граждане Российской Федерации, признанные решением суда, вступившим в законную силу, недееспособными;
- 7) члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;
- 8) работники аппаратов комиссий;
- 9) доверенные лица кандидатов, избирательных объединений;
- 10) лица, замещающие командные должности в воинских частях, военных организациях и учреждениях».

Если в законодательстве указывается прямой запрет вышеназванным лицам иметь статус членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, то для избирательных комиссий, выдающих удостоверения членам с правом совещательного голоса, должен быть установлен конкретный срок для проверки сведений о лице, назначаемом членом избирательной комиссии с правом совещательного голоса.

В действующем же избирательном законодательстве, например, в ст. 16 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [6] установлено, что срок полномочий члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса начинается со дня получения соответствующей комиссией письменного уведомления кандидата либо его доверенного лица о назначении члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса и письменного заявления гражданина о его согласии на такое назначение. Аналогичная норма содержится в ч. 3 ст. 14 Закона Кировской области от 28 июня 2012 г. № 157-30 «О выборах Губернатора Кировской области» [7]. Получается, что в отношении кандидата, его доверенного лица, а также гражданина, дающего согласие на назначение членом

избирательной комиссии с правом совещательного голоса, действует презумпция честности, т. е. предполагается, что никто из названных лиц не может скрыть информацию о несовместимости статуса гражданина, дающего согласие на назначение членом избирательной комиссии с правом совещательного голоса, со статусом члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса.

На наш взгляд, за избирательными комиссиями, за которыми закреплена обязанность выдавать членам избирательных комиссий с правом совещательного голоса удостоверения установленного образца, должно быть также закреплено право в установленный срок проверять достоверность сведений о лицах, назначаемых членами избирательных комиссий с правом совещательного голоса.

В соответствии с п. 22 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов, референдума, за исключением права:

- 1) выдавать и подписывать бюллетени, открепительные удостоверения;
- 2) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней;
- 3) составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов, референдумов;
- 4) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решения комиссии;
- 5) составлять протоколы об административных правонарушениях.

Анализируя нормативные положения вышеназванных глав и учитывая правоприменительную практику, автор приходит к выводу о некоторой правовой неопределенности статуса члена комиссии с правом совещательного голоса.

Поддерживая мнение В. Е. Чурова и Б. С. Эбзеева о том, что «воля субъекта избирательного процесса (процесса референдума) в части, касающейся назначения членов комиссии с правом совещательного голоса, имеет правообразующее значение» [8] и, следовательно, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса являются «рупорами политических партий как части общества либо представителями кандидатов или инициативной группы», мы не можем полностью согласиться с выводами авторов о том, что именно в силу этого законодательство Российской Федерации не возлагает на членов ЦИК с правом совещательного голоса ряд обязанностей, которые предусмотрены для членов ЦИК с правом решающего голоса.

Считаем, что в данном случае имеет место правовая неопределенность в части установления границ ответственности членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса и других лиц, осуществляющих общественный контроль на выборах.

Тема осуществления общественного контроля на выборах в последнее время все чаще становится предметом исследования ученых в области избирательного права [9], а также предметом рассмотрения на различных совещаниях, организуемых избирательными комиссиями.

По мнению И. Б. Борисова, факты недобросовестной работы избирательных комиссий, отдельных членов избиркомов не должны умалчиваться, а должны быть предметом широкого обсуждения, однако если общественному контролю предоставить неограниченные возможности, можно нарушить эффективную деятельность государства, что, в конечном счете, подорвет и саму демократию, и такие перекосы вряд ли будут способствовать реализации политических прав и свобод [10]. Разделяя данную позицию, добавим, что в России политический контроль над выборами в настоящее время в некоторых регионах становится орудием в руках недобросовестных политтехнологов, что во многом обусловлено, как уже было сказано ранее, пробелами в действующем российском избирательном законодательстве.

Еще раз подчеркнем, что в п. 20 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ предусмотрен уведомительный порядок назначения членов комиссии с правом совещательного голоса, по существу не требующий принятия какого-либо решения той избирательной комиссией, в которую назначается данный член комиссии. При этом нижестоящие комиссии зачастую не располагают достоверной информацией, уведомлялась ли вышестоящая комиссия о таком назначении и наделен ли в действительности гражданин полномочиями члена комиссии с правом совещательного голоса.

В целях предотвращения случаев злоупотребления правом со стороны членов комиссий с правом совещательного голоса в отношении нижестоящих комиссий считаем целесообразным дополнить ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ пунктом 20.1 следующего содержания:

«Член комиссии с правом совещательного голоса в течение трех дней со дня поступления в избирательную комиссию письменного уведомления кандидата, избирательного объединения о назначении члена комиссии с правом совещательного голоса вместе с заявлением гражданина о согласии быть членом комиссии с правом совещательного голоса утверждает соответствующей избирательной комиссией».

Важным вопросом в правовом регулировании статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса является установление срока прекращения их полномочий. В соответствии с п. 24 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ полномочия члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса, назначенного кандидатом (списком кандидатов), не прошедшим в выборный орган (на выборную должность), прекращаются в день окончания соответствующей избирательной кампании, т. е. исходя из содержания п. 20 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ, в день представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов. Считаем установление такого продолжительного срока нецелесообразным и предлагаем определить временные рамки окончания действия полномочий члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса 30 днями после официального опубликования результатов избирательной кампании. Отметим, что именно такая норма была закреплена в ст. 13 Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [11]. Аналогичная норма встречается и в зарубежном законодательстве, например в Избирательном кодексе Азербайджанской Республики.

Также полагаем целесообразным установить срок для ознакомления и представления копий документов членами избирательных комиссий при реализации их права, установленного пп. «г» п. 23 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ. Это должно способствовать повышению урегулированности взаимоотношений избирательных комиссий с членами, имеющими право совещательного голоса. Считаем возможным пп. «г» п. 23 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ после слов «и получать» дополнить словами «в срок не позднее десяти дней со дня поступления письменного обращения в выборный период».

Федеральным законом № 67-ФЗ не предусмотрены полномочия избирательной комиссии (кроме участковых избирательных комиссий) по принятию решения об отстранении от работы члена комиссии в случае нарушения им закона о выборах, а также совершения действий, препятствующих работе комиссии.

Член комиссии с правом совещательного голоса является членом коллегиального органа, который в соответствии с законом должен обеспечивать реализацию и защиту избирательных прав граждан и осуществлять подготовку и проведение выборов. Тем самым на члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса возлагается ответственность не только за защиту избирательных прав назначившего его кандидата, но и за защиту избирательных прав других граждан, а также за организацию выборов.

Полагаем, что в связи с этим необходимо внести в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» нормы, предусматривающие возможность принятия не только участковой избирательной комиссией, но и иными комиссиями коллегиального решения об отстранении члена избирательной комиссии от дальнейшего участия в работе комиссии в случае нарушения им закона о выборах, а также совершения действий, препятствующих работе комиссии.

Предлагаем ст. 29 Федерального закона дополнить п. 23.1 следующего содержания:

«23.1. Член комиссии с правом решающего голоса и член комиссии с правом совещательного голоса немедленно отстраняется от участия в ее работе, а иные лица удаляются с заседания комиссии, если они нарушают закон о выборах, референдуме. Мотивированное решение об этом принимается комиссией в письменной форме. Правоохранительные органы обеспечивают исполнение указанного решения и принимают меры по привлечению отстраненного члена комиссии, а также иных лиц к ответственности, предусмотренной федеральными законами».

В целях недопущения злоупотребления использованием широких полномочий члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса полагаем возможным рассмотреть вопрос о дополнительном установлении административной ответственности за действия (в том числе со стороны членов комиссий), препятствующие работе избирательных комиссий, путем дополнения соответствующей статьей гл. 5 КоАП РФ.

Таким образом, полномочия контролеров за выборами должны иметь, по нашему мнению, законодательно установленные разумные пределы. Контроль на выборах не должен превращаться в борьбу за власть, оставаясь бесконтрольным со стороны общества и государства. Мы разделяем мнение И. Б. Борисова о том, что иногда «корпус контролеров на выборах противопоставляется корпусу организаторов выборов. Функция контроля состоит не в том, чтобы вызвать паралич властных органов, а в том, чтобы разделить с ними ответственность, способствовать их лучшей работе и полной реализации прав избирателей» [12].

Примечания

1. Указ Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 г. № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3907.
2. Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.
3. Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.
4. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 16.12.2014) // <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.15).
5. Сведения о политических партиях в Российской Федерации, обладающих правом участия в выборах по состоянию на 4 декабря 2014 года // http://www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc (дата обращения: 10.01.15).
6. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.15).
7. Закон Кировской области от 28 июня 2012 г. № 157-30 «О выборах Губернатора Кировской области» // http://kirov.izbirkom.ru/etc/zo_157_red_30_05_2014.rtf (дата обращения: 10.01.15).
8. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 7.
9. Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИП, 2010; Диего Валадес. Контроль над властью. М.: Идея-Пресс, 2006; и др.
10. Борисов И. Б. Общественный контроль как фактор легитимности власти // Юридический мир. 2012. № 9. С. 59.
11. Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.
12. Борисов И. Б. Общественный контроль как фактор легитимности власти. С. 60.

Notes

1. The decree of the President of the Russian Federation from October 1, 1993, No. 1557 "On approval of the corrected edition of the Regulations on the election of deputies of the State Duma in 1993 year and make changes and additions to the Statute on the Federal government for the transitional period" (repealed) // Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. No. 41. Art. 3907. (in Russ.)
2. Federal law of 6 December 1994 No. 56-FZ "On basic guarantees of electoral rights of citizens of the Russian Federation" (repealed) // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. No. 33. Art. 3406. (in Russ.)
3. Federal law of 19 September 1997, No. 124-FZ "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation" (repealed) // Collected legislation of the Russian Federation. 1997. No. 38. Art. 4339. (in Russ.)
4. Federal law of 12 June 2002, No. 67-FZ "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation" (as amended on dated 16.12.2014) // Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/> (access date: 10.01.15). (in Russ.)
5. Information on political parties in the Russian Federation having the right of participation in elections as on 4 December 2014 // Available at: http://www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc (access date: 10.01.15). (in Russ.)
6. Federal law of 10 January 2003 No. 19-FZ "About presidential elections of the Russian Federation" // Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/> (access date: 10.01.15). (in Russ.)
7. The law of the Kirov region dated 28 June 2012 No. 157-ZO "On elections of the Governor of the Kirov region" // Available at: http://kirov.izbirkom.ru/etc/zo_157_red_30_05_2014.rtf (access date: 10.01.15). (in Russ.)
8. V. E. Churov, B. S. Ebzeev *Demokratiya i upravlenie izbiratel'nyy processom: otechestvennaya model'* [Democracy and the electoral management: domestic model] // *ZHurnal rossijskogo prava* - Journal of Russian law. 2011, No. 11, p. 7.
9. Borisov I. B. *EHlektoral'nyj suverenitet* [Electoral sovereignty]. Moscow. ROIP. 2010; Diego Valades. *Kontrol' nad vlast'yu* [Control over the government]. Moscow. Idea-Press. 2006; and others.
10. Borisov I. B. *Obshchestvennyj kontrol' kak faktor legitimnosti vlasti* [Social control as a factor in the legitimacy of power] // *YUridicheskij mir* - Legal world. 2012, No. 9, p. 59.
11. Federal law of 6 December 1994 No. 56-FZ "On basic guarantees of electoral rights of citizens of the Russian Federation" (repealed) // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. No. 33. Art. 3406. (in Russ.)
12. Borisov I. B. *Obshchestvennyj kontrol' kak faktor legitimnosti vlasti* [Social control as a factor of legitimacy]. P. 60.

Восемнадцатый век в истории немецкой лексикографии

There are some periods in the history of the German lexicography, which are very important for its development, because at this time scientists start using some essential principles of writing dictionaries and dictionary entries. One of the most important periods was the 18th century, when J. Chr. Adelung and J. H. Campe were working on their dictionaries. These dictionaries differ from all previous dictionaries, because both scientists do not only collect words of their native language and find their Latin equivalents, but also try to describe the semantic structure of each lemma. For such description they have to analyze, how words are being used in spoken language and in fiction. The form of this description, worked out in the 18th century, can be easily found in German dictionaries of the modern German language.

В истории немецкой лексикографии можно выделить несколько периодов особенно интенсивного развития, этапов, на которых формируются основные принципы составления словарей и оформления словарных статей в них. Одним из важнейших этапов становится XVIII век, когда создаются фундаментальные труды И. К. Аделунга и Й. Г. Кампе. Данные словари значительно отличаются от всех предшествующих им лексикографических изданий, поскольку их авторы ставят перед собой цель не только сбора лексического материала и подбора к леммам латинского эквивалента, как это делалось ранее, но и тщательного и продуманного описания семантической структуры слов. Оно выполняется на основании анализа собранных примеров словоупотребления, а сама форма представления результатов проделанной работы надолго закрепляется в немецкоязычной лексикографии.

Ключевые слова: немецкая лексикография, толковый словарь, словарная статья, заголовочное слово (лемма), словарная дефиниция, семантическая структура слова.

Keywords: German lexicography, definition dictionary, dictionary entry, headword (lemma), definition, semantic structure of the words.

Восемнадцатый век и самое начало девятнадцатого века являются очень важным этапом в развитии немецкой лексикографии. Именно в это время начинается история немецких толковых словарей, использующих для описания значения слова не только его перевод на латинский язык, как это делалось ранее. Первым, кто отходит от старой лексикографической традиции, становится **Иоганн Кристоф Аделунг**, автор четырехтомного словаря «Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen» (1766–1786, второе издание 1793–1801). И. К. Аделунг пишет подробный комментарий к изданию и излагает свои взгляды на то, чем является для него словарь: толковый словарь призван отражать словарный состав языка (в данном случае немецкого) во всей его полноте и необходим для хорошего знания языка, для всех, кто хочет правильно писать и использовать слова [1]. Как мы видим из названия словаря, в нем содержатся лексические единицы, которые относятся к литературному наддиалектному языку, в словарь не входят устаревшая лексика, провинциальные и народные (низкие) слова. И. К. Аделунг очень осторожно включает заимствования и дает им специальное толкование.

Приведем пример словарной статьи из данного словаря и кратко рассмотрим ее структуру:

Die Fabel, plur. die – n, Diminut. Fabelchen. 1) Ein jedes allgemeines Gespräch und der Gegenstand desselben; eine im Hochdeutschen veraltete Bedeutung. Israel wird ein Sprichwort und Fabel seyn unter allen Völkern, 1 Kön. 9.7.Chron. 7.20. Dass sie sollen zu Schanden werden, zum Sprichwort, zur Fabel u.f.f. Ier. 24, 9. 2) In engerer Bedeutung, eine jede erdichtete Erzählung, ein

Märchen. 3) In noch engerem Verstande, eine erdichtete Erzählung, mit welcher der Dichter eine sittliche Absicht verbindet, zum Unterschiede von einem Märchen, welches keine moralische Absicht hat, sondern bloß zur Belustigung dienet. In diesem Verstande gehören die Lustspiele, die Trauerspiele, Heldengedichte, Romane u.s.f. zur Fabel. 4) In der engsten Bedeutung, begreift man unter diesem Nahmen die Erzählung einer allegorischen Handlung, welche Thieren und geringern Dingen beygeleget wird, um sie von der Erzählung im engsten Verstande zu unterscheiden, in welcher auch Menschen und höhere Wesen eingeführet werden können. Gellerts Fabeln und Erzählungen. Diese Fabeln im engsten Verstande werden auch utopische Fabeln genannt.

An m. Dieses Wort ist aus dem Latein. **Fabula** entlehnet. Ehe solches geschah, nannte man dergleichen erdichtete Erzählungen auch wohl Spel, Spiele, und Bischaft. S. Beyspiel.

Основной задачей словарной статьи словаря становится **выявление и точное описание значений слова**. У лексической единицы в примере их выделено четыре, они дифференцируются по признаку узости-широты при помощи цифр и специальных авторских комментариев: 2) In engerer Bedeutung, 3) In noch engerem Verstande, 4) In der engsten Bedeutung. Первый лексико-семантический вариант в подобных пометах не нуждается, поскольку цифра «один» сама по себе подразумевает самое частотное и/или широкое значение слова. В приведенном примере словарной статьи первое значение представляет особый интерес, потому что автор считает его самым старым из значений и даже устаревающим («veraltete Bedeutung»), ставя его на первое место именно по принципу времени возникновения. Авторские комментарии к остальным значениям заголовочного слова дают понять, что ранжирование лексико-семантических вариантов в определенной степени субъективно и может быть разным для разных изданий и, соответственно, авторов. Подобные комментарии даются И. К. Аделунгом систематически почти к каждой многозначной лексической единице в словаре [2].

Все другие компоненты в составе словарной статьи хотя и являются самостоятельными ее частями, одновременно относятся к дефиниции как дополнительное средство раскрытия значения слова. Перечислим их по порядку: *грамматический комментарий* (в нашем случае – форма множественного числа существительного и диминутив); отражение *употребления лексических единиц* (в примере дано лишь для первого значения, вероятно, потому, что оно устаревающее, т. е. не общеизвестное; контексты употребления взяты из религиозных текстов, хотя основным их источником служат наблюдения автора над речевой практикой носителей языка и тексты немецких писателей, владеющих литературной языковой нормой) и *этимологические данные* (в примечании указано, что слово имеет латинское происхождение, кроме того, там же приводятся семантически близкие лемме лексические единицы немецкого языка) [3].

Несмотря на наличие в словарной статье нескольких компонентов, она представляет собой монолитный и связный текст, в котором доминирует толкование значения/значений слова, что полностью соответствует задачам И. К. Аделунга, собравшего и описавшего в своем словаре столь обширный лексический материал – около 58 500 заголовочных слов (данные взяты из посмертного издания словаря И. К. Аделунга от 1811 г., дополненного Д. В. Золтау и Ф. К. Шенбергером).

Структура словаря и схема описания значений слова, предложенные И. К. Аделунгом, используются лексикографами до сих пор, в несколько усложненном виде. Этот факт можно считать заслугой не только самого лексикографа, но и его последователей, перенявших его идеи. Одним из них стал **Йоахим Генрих Кампе**, автор словаря «Wörterbuch der Deutschen Sprache». В хронологическом отношении словарь Й. Г. Кампе создается после словаря И. К. Аделунга – в 1807–12 гг. Первоначально Й. Г. Кампе не собирался создавать собственный словарь, он планировал расширить издание И. К. Аделунга и комментировать его: «vollständig, richtig, angemessen dem heutigen Tag» (сделать его «полным, точным и актуальным на сегодняшний день») – так определял лексикограф задачу своего труда [4]. Еще одной важной проблемой было выйти за рамки литературного немецкого языка И. К. Аделунга («Hochdeutsche Mundart») и представить в словаре общеупотребительный слой лексики – «allgemeine deutsche Sprache» [Там же]. Но факт написания отдельного лексикографического издания не меняет главного – ядром словаря Й. Г. Кампе стало многотомное издание И. К. Аделунга.

Й. Г. Кампе опирается на труды своих предшественников, чтобы проследить семантическое развитие слов. Такой подход является единственно правильным, поскольку значения слов фиксируются только в словарях и их анализ ведет к новому и, возможно, более точному осмыслению семантической структуры лексических единиц. Й. Г. Кампе перенимает у И. К. Аделунга тип семантической дефиниции, также проводя градацию значений от максимально широкого до максимально узкого. Однако автор стремится уйти от разграничения лексико-семантических вариантов и цифровой системы их представления. За счет этого, а также вследствие скудности дефиниции объем словарной статьи значительно сокращается. Й. Г. Кампе идет по пути уменьшения

объема текста в его основной дефиниционной части при помощи компрессии (семантического стяжения, использования сокращений, композитов и других средств), сохраняя при этом ключевые элементы толкования значения словарных статей И. К. Аделунга. Опуская определенную информацию при работе с исходным текстом И. К. Аделунга, Й. Г. Кампе демонстрирует, что считает ее избыточной, не отвечающей целям научного издания. Его словарная статья должна стать сугубо лингвистическим комментарием к заголовочному слову, в его задачи не входит рассмотрение самого понятия, т. е. включение в словарь информации энциклопедического характера, которая есть у И. К. Аделунга.

Сравним описание одного и того же заголовочного слова в двух словарях:

И. К. Аделунг Der Ahorn, d e s – e s, p l u r. d i e – e, oder der Ahornbaum, des –es, plur. die – bäume, ein Baum, der zu den harten Laubhölzern gehöret, A c e r, L. Er hat ein hartes und weißes Holz, und ist aus Asien über Griechenland und Italien nach Deutschland gekommen, wo er jetzt in den Wäldern, doch nur noch einzeln wächst. Wegen seines angenehmen Schattens und geraden Stammes ist er in den Spaziergängen sehr beliebt. – Im stillen Schatten des Ahorns Ruht, ungerühmt von panegyrischem Marmor, des Weisen Aschenkrug, Zach. Anm.1. Der deutsche Name dieses Baumes ist vermittelt einer nicht ungewöhnlichen Verwechselung des c mit dem h aus dem Latein. Acer, gebildet. Luthers Plur. Ahörnen ist ganz ungewöhnlich <...> Anm.2. Man kennet in den deutschen Wäldern fünf Arten dieses Baumes. 1) Den gemeinen weißen Ahorn, der grüngelbliche Blumen, weißliche Rinde und das weißeste Holz hat, und dessen Blätter auf der untern Seite weißgrau und mit einer zarten Wolle bedeckt sind. Er wird in den gemeinen Mundarten auch Anchore, Amhorn, die Ohre, in Thüringen und Franken, die Ehre und Arle, in Schlesien die Urle, in Sachsen wegen des vornehmsten Gebrauches, der davon gemacht wird, Spindel- oder Spillenholz <...> genannt, 2) [...]	Й. Г. Кампе Der Ahorn, des –es, Mz. die –e, oder, der Ahornbaum, des –es, Mz. die –bäume, ein ursprünglich ausländischer Baum, der zu den Laubhölzern gehört, hellgrüne, lappige, den Weinblättern einiger Maßen ähnliche Blätter, und ein hartes, weißes Holz hat, aus welchem man allerlei Sachen verfertigt (A c e r L.). Man kennt davon in Deutschland fünf Arten, wovon der gemeine weiße Ahorn, auch Ohre, Eher, Arle, Spindel- oder Spillenholz genannt, die Lehne und der Masholder die bekanntesten sind. S. Zuckerahorn.
---	--

Словарную статью открывает заголовочное слово, за которым следует грамматический комментарий. В примерах хорошо видно установление традиции его оформления, когда более поздний автор полностью заимствует его у своего предшественника, изменяя при этом лишь терминологию: в примере латинское plur. заменяется немецким Mehrzahl, Mz. в сокращении.

Й. Г. Кампе идет по пути сокращения объема дефиниционной части текста: И. К. Аделунг рассматривает в примечании, как выглядит каждый вид клена в отдельности, систематически описывая его листья, их цвет и форму, древесину и ее цвет, место произрастания, Й. Г. Кампе просто перечисляет названия видов клена.

Этимологические комментарии в данной словарной статье, равно как и во всем словаре, отсутствуют. Но зато в состав словарной статьи может быть включена информация о сфере употребления слова – как о конкретной области знания, так и о территориальной локализации. Происходит это непосредственно в тексте дефиниции значения словарных единиц, хотя в дальнейшем информация о сфере использования слова оформится в самостоятельный сегмент словарной статьи с разработанной символикой и перестанет быть частью дефиниции. Например:

Austragen, v.tr. hervorstehen machen. In der Baukunst, die Mauern austragen, sie in einer gewissen Höhe immer weiter herausrücken. Das Austragen. Die Austragung. («In der Baukunst» – указание на профессиональную сферу употребления слова.)

Erdgeld, des – es, Mz. die – er, das Geld, welches man geerbt, aus einer Erbschaft erhalten hat. An manchen Orten auch dasjenige Geld, welches eine Erbe an seine Miterben auszahlen muss. («An manchen Orten» – указание на область распространения слова или одного из его значений.)

В словарных статьях встречаются также примеры употребления лексической единицы, автор стремится использовать цитаты из современных ему литературных произведений, примеры из классической литературы полностью взяты им из словаря И. К. Аделунга.

В описанных выше словарях два крупнейших немецких лексикографа XVIII в. И. К. Аделунг и Й. Г. Кампе разрабатывают структуру словарной статьи толкового словаря, которая, в основных своих чертах, используется при создании словарей и по сей день. Ученые одними из первых об-

ращаются к семантической структуре слова и проводят достаточно глубокий анализ каждой из лемм, тем самым создавая прочный фундамент для дальнейшего развития немецкоязычной толковой лексикографии.

Примечания

1. *Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. Wien : Bauer, 1811. Bände 1–4, 7690 S.

2. *Смолоногина Е. А.* Текстовые характеристики словарной статьи в немецких толковых словарях: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 50–58.

3. Там же.

4. *Campe J. H.* Wörterbuch der Deutschen Sprache [Braunschweig, 1807]. Hildesheim; N. Y.: Georg Olms Verlag, 1969. Bände 1–5.

Notes

1. *Adelung J. Chr.* Grammatisch kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. Wien: Bauer, 1811. Bände 1-4, 7690 S.

2. *Smolonogina E. A.* Tekstovye harakteristiki slovarnoj stat'i v nemeckih tolkovyh slovaryah: dis. ... kand. filol. nauk [Text features vocabulary in German dictionaries: dis. ... Cand. of Philology]. SPb. 2007. Pp. 50-58.

3. Ibid.

4. *J. H. Campe.* Wörterbuch der Deutschen Sprache [Braunschweig, 1807]. Hildesheim; N. Y.: Georg Olms Verlag, 1969. Bände 1-5.

УДК 821.112.2

А. Е. Крашенинников

Понятие визионерство в поэтике экспрессионизма

В статье рассматривается понятие *визионерство* как одна из важнейших констант поэтики экспрессионизма. Автор видит истоки данного понятия в средневековой европейской литературе, в которой складывается жанр видений. *Визионерство* напрямую сопряжено с эстетическими категориями «абстракция» (Abstraktion) и «вчувствование» (Einfühlung). Генезис понятия *визионерство* автор связывает с романтизмом, а также неоромантизмом, возникающим в эпоху *fin de siècle*. Для характеристики явления применимы идеи о кризисе индивидуальной и коллективной идентичности, а также об экспрессионистской модели мира и философии отчуждения. В содержание понятия *visionary/визионерский* в поэтике экспрессионизма органически входит мотив Апокалипсиса, а он не только демонстрирует историческую связь с поэтикой Средневековья, но и наполняется новыми стилистическими и метафизическими чертами.

The article discusses the concept *Visionary* as one of the most important constants of expressionism poetics. The author sees the origins of this concept in European Medieval literature, which develops *visions* as a genre. The *Visionary* are directly associated with aesthetic categories „abstraction” (Abstraktion) and „empathy” (Einfühlung). The concept *Visionary* and this genesis are connected with romanticism and neo-romanticism that arise in the era of *fin de siècle*. To characterize this phenomenon the ideas about the crisis of individual and collective identity are applicable. It also applies to the expressionist world model and philosophy of alienation. The motif of the Apocalypse organically inherent in the content of the concept *Visionary*.

Ключевые слова: романтизм, неоромантизм, визионерство, экспрессионизм.

Keywords: romanticism, neo-romanticism, visionary, expressionism.

«Энциклопедический словарь экспрессионизма» [1] по праву считается важнейшим научно-справочным изданием, которое даёт прекрасную возможность составить комплексное представление об экспрессионизме как международном художественном явлении. При этом совершенно ясно, что любое научное издание такого уровня не может «объять необъятное» и тем более угодить каждому читателю своей стратегией в представлении того или иного материала. Поэтому данная статья ни в коей мере не представляет собой упрёк авторам словаря, без обра-

щения к которому, если говорить о нашем исследовании, не обходится ни один шаг в изучении лирики немецкого экспрессионизма.

Мы обратили внимание, что в предметном указателе словаря в разделе «Константы поэтики и творческой практики экспрессионизма» [2] среди таких значимых понятий поэтики экспрессионизма, как активизм, вчувствование, катастрофизм, пророчество, утопизм и др., отсутствует *визионерство*. Отдельной словарной статьи, посвящённой визионерству, нет. При этом нельзя сказать, что в словаре об этой черте экспрессионизма вообще не идёт речи: в том или ином контексте *визионерство/визионерский* встречается во многих статьях.

На наш взгляд, это явление заслуживает изучения именно как одна из важнейших констант поэтики экспрессионизма. И в связи с этим уместно вспомнить творчество поэта Георга Гейма, трагически погибшего ещё до начала Первой мировой войны. Ему принадлежит стихотворение „Schwarze Visionen“ (в переводе М. Гаспарова «Чёрные видения») с эпиграфом „An eine imaginäre Geliebte“ (*К выдуманной возлюбленной*) [3]. К. Эдшмид, автор программных выступлений „Über den dichterischen Expressionismus“ (1917) и „Über die dichterische deutsche Jugend“ (1918) [4], в которых он сформулировал принципы поэтики и мировоззрения экспрессионизма, называл Гейма «лирическим визионером» (*Lyrischer Visionär*). Анализируя стихотворение „Der Krieg“, он называет его видением: «Das Gedicht von Georg Heym... ist keineswegs ein Zeitgedicht, sondern eine Vision» [4].

Следует заметить, что исследователи находят черты визионерства не только в литературе. В. Дубе использует термин *визионерский экспрессионизм* применительно к творчеству французского художника Ле Фоконье [5]. Также о визионерских темах у художников-экспрессионистов пишет А. А. Нененко [6]; она же отмечает визионерство в архитектуре [7].

Нельзя забывать, что в истории литературы существовал жанр *видений*, возникший в средневековой клерикальной литературе. В произведениях этого жанра повествовалось о путешествии души во время сна по загробному миру [8]. В то время произведения этого жанра имели большое значение для пропаганды аскетического обращения помыслов к загробному миру. Особую роль играло образное представление Апокалипсиса и Страшного суда [9]. Отмечается, что наряду с религиозно-философскими видениями развивалась жанровая разновидность светских любовных видений. Но и те и другие характеризуются высокой аллегоричностью [10].

В научной англоязычной литературе термину *видение* соответствуют *vision* и *dream vision*. Также встречается дериватив *visionary*, под которым понимается художественное представление, порождённое не обычным восприятием мира посредством зрения, а иными способами широкого диапазона: фантазия, интуиция, транс, экстаз и пр. [11]

Заметно, что наполнение понятия *visionary/визионерский* становится шире, чем у понятия средневекового жанра *видений*. Визионерство получает развитие в поэтике романтизма, которая отворачивается вообще от концепции поэзии как имитации внешнего мира в пользу трансцендентного видения, основанного на креативной концепции психического воображения поэта [12]. Принципы подобного отношения к творчеству разрабатывал йенский романтик Новалис, отождествляя поэтическое творчество и мышление («...Denken und Dichten also einerlei»), и, соответственно, поэтическое мышление понимая как чувственное мышление, как произвольное, активное и продуктивное использование человеческих чувств («Dichtkunst ist wohl nur willkürlicher, tätiger, produktiver Gebrauch unsrer Organe....») [13].

Термин *visionary* становится одним из определений творчества романтиков. Так, например, в хрестоматии М. Траверса „European literature from romanticism to postmodernism: a reader in aesthetic practice“ английский мистик Уильям Блейк, поэт и художник, назван великим поэтом-визионером романтического направления («the great visionary poet of the Romantic movement»). М. Траверс отмечает, что в одном из своих писем Блейк рассуждает о реальности нематериального мира и пантеистическом сплаве воображения с природой [14]. «Истинным визионером» называет Блейка и Г. Зедльмайр [15]. Примечательно, что творчеству Блейка принадлежит поэма под названием „Visions of the Daughters of Albion“ («Видения дочерей Альбиона»).

Интересен взгляд на визионерство как одну из метафизических основ поэтики романтизма сквозь призму учения К. Юнга о *коллективном бессознательном*: «Имеются указания на способность коллективного бессознательного быть средством связи с божественным, космическим. Аналогия коллективного бессознательного отыскивается в немецкой литературной и философской традиции. У йенских романтиков, в частности, у Новалиса, герои обладают способностью априорного постижения явлений жизни, они не изучают эти явления, а «узнают» их как нечто уже виденное и пережитое в прошлом. Таким даром “узнавания” обладает Генрих фон Офтердинген, герой основного произведения Новалиса. О жизни духа как самодовлеющей и высшей силе, развивающейся по особым законам, писали Шеллинг, Гегель, Дильтей. Концепция коллективного бессознательного вписывается в эту традицию. Юнг противопоставил традиционному позитив-

визму к биологизму Фрейда метафизическое и идеалистическое в своей основе понимание психологического механизма» [16].

Другой теоретик и основатель первой во Франции кафедры психоанализа, М. Фуко, противопоставляет господству *культурного бессознательного* деятельность *социально отверженных*: безумцев, больных, преступников, а также творческих людей (поэтов, писателей, художников). На основе этой концепции Ж. Делёз и Ф. Гваттари разрабатывали понятие *шизофренический дискурс*. По их мысли, *шизофрения* – «основное освободительное и революционное начало личности в ее противостоянии большой цивилизации» капиталистического общества. Подлинный художник, по их представлению, – неизбежно *шизоидная личность*, в своем неприятии общества он приобретает черты социального извращения и обращается к шизофреническому дискурсу, то есть к языку, ставящему под вопрос правомочность языка общепринятой логики и причинно-следственных связей, к языку абсурда и парадокса [17].

Базируясь на методологических основах, разработанных в том числе Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, постструктуралисты выдвинули тезис о трудности или даже невозможности адекватно понять и интерпретировать текст. Кстати, когда они обращались к конкретному анализу художественного произведения, в их поле зрения попадало творчество тех поэтов и писателей, у которых смысловая неясность, двусмысленность, многозначность интерпретации выступали на передний план [18].

Неудивительно, что многое из того, что было наработано и осмыслено в поэтике и философии романтизма, стало востребованным в эпоху *fin de siècle*, *Сумерек богов*, когда Ницше в своей «Весёлой науке» („Die fröhliche Wissenschaft“) объявил: «Gott ist tot! Gott bleibt tot! Und wir haben ihn getötet!» (*Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!*) [19].

К этому переломному во всех смыслах времени приложима мысль В. Дильтея о зависимости мировоззрения от устойчивости картины мира [20]. Он отмечает, что поэзия выделяется особым отношением к мировоззрению, а каждая великая эпоха поэзии (естественно, что эпоха *fin de siècle* стала великой эпохой и для поэзии многих европейских стран) «ознаменована вечно совершающимся, закономерным восхождением от подчинения вере и обычаям, освященным признанием общества, к задаче заново осмыслить жизнь, исходя из нее самой» [21].

А. Вебер обозначил процессы, происходившие в тот период, как кризис европейской культуры. Он поставил вопрос, обречена ли Европа, испытывающая тяжелейший кризис с момента ее становления как германо-романского Запада, обратиться в ничто в духовном отношении: «...ob dies Europa, das ganz ohne Frage zur Zeit die schwerste Kriese nicht nur die materiellen, sondern auch geistigen Bestandes seit seiner Existenz als germano-romanisches Abendland durchmacht, verurteilt sein soll, dauernd zu einem Nichts im geistigen Sinn, einem bloß geographischen Begriff im äußeren Sinn zu werden» [22]. В противостоянии духа и плоти Вебер увидел победу материального начала, что повлекло за собой исчезновение веры в достижение гармоничного равновесия. Проникавшая собой мир субстанция европейского духа, как образно выразился А. Вебер, улечивалась подобно *легкому эфиру из разбитой бутылки*: «Indem das Materielle die Oberhand gewann, sein Kampf entscheidend wurde, der Glaube an ein harmonisiertes Gleichgewicht sich auflöste, verdunstete das geistige Fluidum Europas wie ein feiner Äther aus einer zerbrochenen Flasche» [23].

Для характеристики этого времени вполне подходят, на наш взгляд, идеи о кризисе индивидуальной и коллективной идентичности современного немецкого философа В. Хёсле, занимающегося осмыслением влияния человеческого общества на окружающий мир, а также психологическими и социальными аспектами жизни человека: «...отрицание смыслов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрату веры в общее будущее, дисгармонию между описательными и нормативными образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и её образами в других культурах...» [24].

Поэтому вполне естественно, что исследователи-постструктуралисты не могли пройти мимо творчества таких поэтов эпохи *Сумерек богов*, как Рембо, чьим поэтическим практикам подходит понятие *visionary/визионерский*. В. Пинковский считает, что Рембо делает революционный шаг вперёд своей теорией *ясновидения* от стоящей на месте «провидческой» поэзии своего века, осознавая, что новое содержание невозможно без новой поэтики [25].

Основы теории изложены в письме Рембо к П. Демени: «Я говорю, что надо быть ясновидцем и выращивать в себе ясновидящего. Поэт делает себя ясновидящим, создавая долгий, бесконечный и разумный беспорядок всех сторон. Все формы любви, страдания, безумия; он ищет самого себя, он испытывает на себе все яды, чтобы сохранить только квинтэссенцию. Невыразимая пытка, в которой ему нужна вся вера, вся сверхчеловеческая сила, в которой он становится среди всех великим больным, великим преступником, великим проклятым – и верховным Ученым! –

ибо он стремится к неизвестному! <...> Пусть сгинет он в своем прыжке от чего-то неслыханного и чудовищного: придут другие работники. Они начнут с горизонтов, где он обессилел!» [26].

Вл. А. Луков, Н. В. Соломатина резюмировали идеи Рембо так: «Он считал, что искусство выше всего, оно требует от человека отказаться от обычной жизни, чтобы стать поэтом-ясновидящим: расстроить свой разум, заболеть, совершить самые безумные, преступные, осуждаемые обществом поступки. Освободившись от этого заблуждения, Рембо стал вполне здоровым, стал правильно себя вести – и перестал писать. “Пребывание в аду” – последнее его произведение» [27].

О возрождении романтизма заговорили литературные критики и философы уже с конца XIX в. Возникает понятие *неоромантизм*. Немецкий философ культуры Э. Трёльч, современник эпохи *Сумерек богов*, пишет: «Жизнь Германии, полная борьбы и противоположностей именно в этой области, создала в тесной связи с родственными ей проходящими по всей Европе движениями новый вид немецкого идеализма, который, склоняясь к социально-идеалистической направленности, но скорее в качестве неоромантического индивидуализма, твердо противостоит всем проявлениям хозяйственно-государственного духа полезности» [28].

Правда, вокруг описания понятия *неоромантизм* ведутся дискуссии. А. И. Жеребин, говоря о Новалисе и проблемах неоромантизма, отмечает: «Очевидно, что к неоромантизму относятся преимущественно те же самые явления, которые в другом контексте с не меньшим правом должны быть отнесены к символизму или импрессионизму» [29].

К такому отсутствию чёткости границ неоромантизма можно отнести, в какой-то степени, положительно: это говорит о том, что поэтика романтизма была воспринята всеми направлениями литературы того времени, которые объединяет понятие *Moderne*. Поэтому не случайно, по мнению В. Пиковского, А. Бретон в своём «Манифесте сюрреализма» цитирует рассуждения Новалиса о способности разума отражать невидимое (идеальное) [30].

Это в полной мере относится и к экспрессионизму. Ведь одной из доминант поэтики экспрессионизма, как и поэтики сюрреализма, является гротеск. Как отмечает А. Б. Базилевский, гротеск соединяет фантастику с реальностью и даёт возможность, сняв пространственные, временные и знаковые антиномии, пересотворить мир заново: «Возникает *визионерская трансреальность*: сакральный аспект бытия становится зримым, непосредственно переживаемым опытом. В экспрессионизме интенсификация смысла достигается прежде всего за счет нагнетающего аффекты вычленения и столкновения крайностей, поэтики активной концентрации. Здесь преобладает деформация контраста, сдвига, диспропорции, служащая различению мнимого и абсолютного» (курсив наш. – А. К.) [31].

О сходстве позиций сюрреалистов и экспрессионистов в визионерстве, которое проявляется в «прорыве к теосу», апологетике ирреального, «глубинного» в человеке, пишет и А. А. Нененко [32]. В рамках модели мира, выстроенной экспрессионистами, возникает, как определяет это Н. В. Пестова, философия *отчуждения* и связанная с ней эстетика *очуждения*, и такая модель мира «оказалась не только эстетически актуальной и адекватной эпохе перелома, но и крайне плодотворной, богатой возможностями дальнейшего развития» [33].

В размышлениях Г. Зиммеля, немецкого философа и социолога (он так же, как и Э. Трёльч, является современником эпохи *Сумерек богов*), можно найти объяснение, почему многие черты романтизма, а также *визионерство*, так свойственны поэтике экспрессионистов: «...смысл экспрессионизма заключается в стремлении непосредственно проявить или, точнее, усилить в художественном произведении глубокое внутреннее напряжение художника. Экспрессионизм избегает законченных форм, считая их чем-то извне данным, силами реальными или идеальными. Вот почему *экспрессионизм отнюдь не стремится к воспроизведению реальной жизни ни в объективном образе, ни, подобно импрессионизму, в мимолетно схваченном восприятии*, ибо последний также не есть чистое, только изнутри определяемое творчество художника, а нечто пассивное, производное, смешение личных переживаний художника с чуждым, данным вовне. И как всё по содержанию своему внесубъективное отвергается экспрессионистами, ими также отрицается и оформление материалов в более тесном смысле слова, диктуемое художнику или традицией, или методом, или каким-нибудь образцом, или твердо установленными принципами. Все это стесняет стихию жизни, стремящуюся творчески излиться из самой себя, и потому подчинение ее какой-либо форме только омертвило бы, лишило бы подлинности, исказило бы живую линию художественного произведения» (курсив наш. – А. К.) [34].

Важные слова о визионерстве как способе познания мира сказал экспрессионист К. Эдшмид: «Так все пространство художника-экспрессиониста становится видением. У него не взгляд – у него взор. Он не описывает – он сопереживает. Он не отражает – он изображает. Он не берет – он ищет. И вот нет больше цепи фактов: фабрик, домов, болезней, проституток, крика и голода. Есть только видение этого...» [35].

Современные исследователи экспрессионизма тоже усматривают связь между романтизмом и визионерством, а также с экспрессионистской поэтикой. Е. А. Микрина, рассматривая различные способы воплощения тем и мотивов поэзии немецкого экспрессионизма, определяемых как типичные, называет не только типологию В. Кольшмидта (аристократическая и социально-революционная линии не только в экспрессионизме, но и во всей литературе с 1880 г.) или В. Мархольца (активистский, примитивистский, готический и барочный типы), но и типологию В. Мушга с его тремя основными типами: натуралистский, просветительский и *романтический*. При этом она отмечает, что «отдельные участники экспрессионистского движения могут причисляться как к одной, так и к разным группам (в частности, В. Мушг полагает Г. Тракля и Г. Бенна представителями романтического – или *визионерского* – типа...)» (курсив наш. – А. К.) [36].

Романтические черты и визионерство в поэтике экспрессионизма И. В. Млечина рассматривает в рамках описания понятия *пророчество* как одного из стержневых понятий в художественной системе экспрессионизма. Оно связано с трагическим жизнеощущением, которое порождает мировоззренческий катастрофизм, становящийся важной поэтологической чертой: «Стремление найти выход из тупика порождало разнообразные виды пророчеств – от предсказаний близящегося Судного дня (в русле библейской традиции) до социально-утопических или катастрофических картин будущего. Пророчества будущего – светлого или безысходного – становились одним из главных мотивов экспрессионистского творчества» [37]. По мнению И. В. Млечиной, для экспрессионистских экстатических пророчеств наиболее характерна романтико-иррационалистическая стилистика, в которой важным структурным принципом выступает *визионерство*. «Визионерство отражает и стремление вырвать человека из пут рациональной, детерминированной реальности, вернуть ему свободу выбора. Обреченные на гибель хаотические берлинские ландшафты Бехера, апокалипсические видения Г. Гейма и Г. Тракля передают ожидание злого рока, противостоять которому может лишь всеобщее искупление вины. Человек в экспрессионизме вовлечен в яростную борьбу добра и зла, темных и светлых сил, исход которой и тем самым судьба человечества предстают весьма неясными, в зависимости от доминирующих мировоззренческих представлений отдельных авторов» [38].

О своеобразных *видениях во сне* как характерной черте экспрессионистской лирики пишет Ю. Л. Цветков, анализируя одно из сильнейших по своей суггестивности стихотворений Г. Тракля «De profundis» [39]. На наш взгляд, к этому стихотворению (как и к понятию *видения* применительно к поэтике экспрессионизма) подойдёт термин *visionär-imaginär*, использованный В. Хальбе при анализе стихотворения Г. Гейма «Schwarze Visionen» [40].

Естественно, что в содержание понятия *visionary/визионерский* в поэтике экспрессионизма органически входит мотив Апокалипсиса, а он не только демонстрирует историческую связь с поэтикой Средневековья, но и наполняется новыми стилистическими и метафизическими чертами.

В лирике экспрессионистов М. Траверс выделяет стихи, схожие с психическим состоянием транса (*the gentle trance-like verse*) и с приводящими в замешательство современников апокалиптическими видениями (*disconcertingly apocalyptic visions*) [41].

А. А. Нененко замечает, что у немецких экспрессионистов-визионеров доминируют мрачные эсхатологические образы и глобализация объекта изображения [42], переплетаются разные эсхатологические линии образов: из Апокалипсиса, Ветхого Завета и авторские визионерские [43]. Он называет два вектора в развитии апокалиптического мотива: «В творчестве экспрессионистов эсхатология трактуется по-разному: это и христианское понимание конца мира как пути к дальнейшему блаженному царству, и визионерское видение гибели мира как трагедии, рока, неминуемой катастрофы» [44].

Некоторые приметы первого вектора раскрывает О. Мартынова в статье о драме *Благовещения* (*Verkündigungsdrama*), где герой-визионер стоит в центре мирового и драматического пространства: «Аналогия с распятым Христом типична и концептуальна: экспрессионизм прокламировал себя как “религию спасения”, и судьба многих авторов драматических “видений” свидетельствует о том, что путь Христа стал для них своеобразной моделью жизнеустройства» [45].

Практически об этом же пишет А. Гугнин, отмечая, что элементы духовной и социальной утопии присутствуют в визионерском характере мировосприятия подавляющего большинства экспрессионистов в независимости от того, видели ли одни из них впереди *конец света*, а другие – *светлое будущее*: «Но и те и другие сходились в резко негативном отношении к современной им буржуазной цивилизации. Когда же после I Мировой войны стало ясно, что искусство, хотя и может выразить понимание жизни, но не может ее преобразить, большинство из них задумалось о выборе более конкретной социально-политической позиции, и пути их расходились. Почти все авторы антологии остались верны своим революционным убеждениям, хотя жизнь заставила некоторых из

них картину «светлого будущего» поменять на картину «конца света» – актом самоубийства завершили свою жизнь К. Эйнштейн, В. Газенклевер, Э. Толлер, А. Вольфенштейн» [46].

Зарубежное литературоведение тоже обращает своё внимание на два вектора в развитии апокалиптического мотива: «...their disorientation expressed itself in visions of death, destruction, and decay and inclined toward an apocalyptic rhetoric, but an alternative was a messianic utopianism that burst forth in the many rhymed appeals to the spirit of universal brotherhood. But even in its ecstatic and sarcastic extremes, expressionist poetry is suffused with what may be its most pervasive element: a subtly nuanced tone of fearful melancholy, of sad resignation, or at least of elegiac lament that contrasts with the often proclaimed principle of dynamic vitality» [47].

Поэтому, резюмируя вышесказанное, можно вслед за П. Топером повторить, что экспрессионизм в целом склонен к визионерству и трансцендентным идеям [48].

Визионерство напрямую связано с эстетическими категориями *абстракция* (Abstraktion) и *вчувствование* (Einfühlung), разработанными В. Воррингером и воспринятыми экспрессионистами [49], и соответствует второму критерию понятия «немецкий авангард», сформулированному Н. Сироткиным: «Авангард релятивирует границу между внутренним и внешним, делая внешнее внутренним, и наоборот» [50].

Что касается первого критерия («авангард противостоит традиции»), то в части *визионерства* экспрессионизм, на наш взгляд, развивает художественную традицию в её мистической и романтической линиях. *Визионерство* не только генетически связано с жанром видений, но и перерастает этот жанр, становится определённой поэтической «технологией», оплодотворяя не только жанры, но и роды литературы. Поэтому любые приметы борьбы с традицией в этом аспекте мы предполагаем рассматривать именно как развивающие *визионерскую* традицию, а не ломающие её.

Примечания

1. Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008.
2. Там же. С. 695–696.
3. Гейм Г. Небесная трагедия: Стихотворения. СПб., 2004. С. 150–159.
4. Edschmied K. Über den Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung. Berlin, 1919. S. 192.
5. Н. С. Павлова тоже говорит о «видениях» Гейма как об одной из основ его образности. Павлова Н. С. Поэзия Георга Гейма // Гейм Г. Небесная трагедия: Стихотворения. СПб., 2004. С. 5–28.
6. Дубе В. Д. Живопись и графика // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М., 2003. С. 93.
7. Нененко А. А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919–1921 годов (стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология): дис. ... канд. филол. наук. Ишим, 2007. С. 26–27.
8. Там же. С. 29.
9. Луков Вл. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М., 2008. С. 64.
10. История немецкой литературы: в 3 т. Т. 1: От истоков до 1789 г. М., 1985. С. 37.
11. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey, 1993. P. 311.
12. Ibid. P. 1359.
13. Ibid. P. 935.
14. Novalis. Die Enzyklopädie // Novalis. Briefe und Werke. Bd. 3: Die Fragmente. Berlin, 1943. S. 605.
15. European literature from romanticism to postmodernism: a reader in aesthetic practice. London & New York, 2006. P. 50.
16. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. С. 546.
17. Козлов А. С. Коллективное бессознательное // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1999. С. 211.
18. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1999. С. 156. О *шизоанализе* см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
19. Там же. С. 104–105.
20. Nietzsche F. Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. Berlin; New York, 2009. S. 481.
21. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 225.
22. Там же. С. 230–231.
23. Weber A. Deutschland und die europäische Kulturkrise // Die Neue Rundschau. 1924 (35.1). Heft 4. S. 308.
24. Ibid. S. 313.
25. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX–XIX вв. М., 2007. С. 40.
26. Пинковский В. И. Поэзия французского сюрреализма: проблема жанра. Магадан, 2007. С. 125.
27. Рембо А. Письмо Полю Демени («письмо Ясновидящего») // Хрестоматия по зарубежной литературе XX в.: в 3 т. Т. 1. М., 1981. С. 100.

27. Луков Вл. А., Соломатина Н. В. Феномен Уайльда: тезаурусный анализ. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov&Solomatina_Wilde/
28. Трёльч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 544.
29. Жеребин А. И. От Виланда до Кафки: Очерки по истории немецкой литературы. СПб., 2012. С. 261.
30. Пинковский В. И. Поэзия французского сюрреализма: проблема жанра. Магадан, 2007. С. 120.
31. Базилевский А. Б. Сюрреализм и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 538.
32. Нененко А. А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919–1921 годов (стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология): дис. ... канд. филол. наук. Ишим, 2007. С. 17.
33. Пестова Н. В. Вклад немецкоязычного литературного экспрессионизма в поэтику модернизма: взгляд 100 лет спустя // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегод. междунар. конф. Екатеринбург, 4–5 февраля 2011 г. Екатеринбург, 2011. С. 108.
34. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 384.
35. Эдшмид К. Экспрессионизм в поэзии // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М., 1986. С. 306. Считаю необходимым привести здесь и оригинальный текст этого, в некотором роде, поэтического пассажа: «So wird der ganze Raum des expressionistischen Künstlers Vision. Er sieht nicht, er schaut. Er schildert nicht, er erlebt. Er gibt nicht wieder, er gestaltet. Er nimmt nicht, er sucht. Nun gibt es nicht mehr die Kette der Tatsachen: Fabriken, Häuser, Krankheit, Huren, Geschrei und Hunger. Nun gibt es ihre Vision». Edschmied K. Über den dichterischen Expressionismus (Herbst 1917) // Edschmied K. Über den Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung. Berlin: Erich Reiß, 1920. S. 54.
36. Микрина Е. А. Структура образа в поэзии раннего немецкого экспрессионизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. С. 5.
37. Млечина И. В. Пророчество // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 464–465.
38. Там же. С. 465.
39. Цветков Ю. Л. Экспрессионизм в австрийской литературе // Русская и зарубежная литература начала XX века: Основные течения. Поздний неоромантизм. Футуризм. Экспрессионизм. Венский импрессионизм. Акмеизм. Имажизм. Имажинизм. Орёл, 2007. С. 168.
40. Halbe V. Zyklische Dichtung im Expressionismus: Gottfried Benns „Gehirne“ und Ernst Stadlers „Der Aufbruch“: Exemplarische Untersuchung einer charakteristischen Kompositionsform der literarischen Moderne.: Inaug.-Diss. Siegen, 1999. S. 77.
41. European literature from romanticism to postmodernism: a reader in aesthetic practice. London & New York, 2006. P. 131.
42. Нененко А. А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919–1921 годов (стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология): дис. ... канд. филол. наук. Ишим, 2007. С. 66.
43. Там же. С. 132.
44. Там же. С. 11.
45. Мартынова О. Драма Возвещения // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 205.
46. Гугнин А. Друзья (Товарищи) Человечества // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 208.
47. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey, 1993. P. 399.
48. Топер П. Общее и особенное в экспрессионизме // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 15.
49. Россиянов О. Абстракция // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 24–25.
50. Сироткин Н. Немецкоязычный авангард // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006. С. 820.

Notes

1. Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. (in Russ.)
2. Ibid. Pp. 695–696.
3. Heym G. Nebesnaya tragediya: Stihotvoreniya [Heaven tragedy: Poems]. SPb. 2004. Pp. 150–159.
4. Edschmied K. Über den Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung. Berlin, 1919. S. 192. N.S. Pavlova also speaks of "visions" of Heym as one of the foundations of his imagery. Pavlova N. S. Poehziya Georga Gejma [Poetry of Georg Heym] // Heym G. Nebesnaya tragediya: Stihotvoreniya [Heaven tragedy: Poems]. SPb. 2004. Pp. 5–28.
5. Dube V. D. Zhivopis' i grafika [Paintings and drawings] // EHnciklopediya ehkspressionizma: Zhivopis' i grafika. Skul'ptura. Arhitektura. Literatura. Dramaturgiya. Teatr. Kino. Muzyka - Encyclopedia of expressionism: Painting and drawing. Sculpture. Architecture. Literature. Drama. Theatre. Movie. Music]. Moscow. 2003. P. 93.

6. *Nenenko A. A.* Lirika moskovskih poehtov «ehkspressionistov» 1919–1921 godov (stilevye tendencii, destruktivnost', ehskhatologiya): dis. ... kand. filol. nauk [Lyrics of Moscow poets-"expressionists" of 1919-1921 years (stylistic trends, destructiveness, eschatology): dis. ... Cand. of Philology]. Ishim. 2007. Pp. 26-27.
7. Ibid. P. 29.
8. *Lukov VL. A.* Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashih dnei [History of literature. Foreign literature from the beginnings to the present day]. Moscow. 2008. Pp. 64.
9. The history of German literature: in 3 volumes volume 1: From the beginnings to 1789. Moscow. 1985. P. 37. (in Russ.)
10. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey, 1993. P. 311.
11. Ibid. P. 1359.
12. Ibid. P. 935.
13. Novalis. Die Enzyklopädie // Novalis. Briefe und Werke. Bd. 3: Die Fragmente. Berlin, 1943. S. 605.
14. European literature from romanticism to postmodernism: a reader in aesthetic practice. London & New York, 2006. P. 50.
15. Sedlmayr G. Iskusstvo i istina: Teoriya i metod istorii iskusstva [Art and truth: the Theory and method of art history]. SPb. 2000. P. 546.
16. *Kozlov A. S.* Kollektivnoe bessoznatel'noe [The collective unconscious] // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SSHA): koncepcii, shkoly, terminy - Modern foreign literature studies (Western Europe and USA): concepts, schools, terminology. Moscow. 1999. P. 211.
17. Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SSHA): koncepcii, shkoly, terminy - Contemporary foreign literature study (Western Europe and USA): concepts, schools, terminology. Moscow. 1999. P. 156. About schizo-analysis, see: Deleuze G., Guattari F. Anti EHDip: Kapitalizm i shizofreniya [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg. 2007.
18. Ibid. Pp. 104-105.
19. *Nietzsche F.* Morgenröte. Idyllen aus Messina. Die fröhliche Wissenschaft. Berlin; New York, 2009. S. 481.
20. *Dilthey W.* Tipy mirovozzreniya i obnaruzhenie ih v metafizicheskikh sistemah [Types of worldview and their detection in the metaphysical systems] // Kul'turologiya. XX vek: Antologiya - Cultural studies. The twentieth century: an anthology. Moscow. 1995. P. 225.
21. Ibid. Pp. 230-231.
22. *Weber A.* Deutschland und die europäische Kulturkrise // Die Neue Rundschau. 1924 (35.1). Heft 4. S. 308.
23. Ibid. P. 313.
24. *Hisle V.* Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti [The crisis of individual and collective identity] // Apokalipsis smysla: Sbornik rabot zapadnyh filosofov XX–XIX vv - Apocalypse of meaning: a Collection of the works of Western philosophers of the XX–XIX centuries. 2007. P. 40.
25. *Pinkowski V. I.* Poehziya francuzskogo syurrealizma: problema zhanra [French poetry of surrealism: the problem of genre]. Magadan. 2007. P. 125.
26. *Rembo A.* Pis'mo Polyu Demeni («pis'mo YAsnovidyashchego») [Letter to Paul Demeny ("letter of the Seer")] // Hrestomatiya po zarubezhnoj literature XX v. - Anthology of Russian literature of the twentieth century: in 3 vols. Vol. 1. Moscow. 1981. P. 100.
27. *Lukov VL. A., Solomatina N. V.* Fenomen Uajl'da: tezaurusnyj analiz [Phenomenon of Wilde: the thesaurus analysis]. Available at: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov&Solomatina_Wilde/
28. *Trelch E.* Metafizicheskij i religioznyj duh nemeckoj kul'tury [Metaphysical and religious spirit of the German culture] // Kul'turologiya. XX vek: Antologiya - Cultural studies. The twentieth century: an anthology. Moscow. 1995. P. 544.
29. *Zherebin A. I.* Ot Vilanda do Kafki: Ocherki po istorii nemeckoj literatury [From Wieland to Kafka: essays on the history of German literature]. SPb. 2012. P. 261.
30. *Pinkowski V. I.* Poehziya francuzskogo syurrealizma: problema zhanra [French Poetry of surrealism: the problem of genre]. Magadan. 2007. P. 120.
31. *Basilevsky A. B.* Poehziya francuzskogo syurrealizma: problema zhanra [Surrealism and expressionism] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. P. 538.
32. *Nenenko A. A.* Lirika moskovskih poehtov «ehkspressionistov» 1919–1921 godov (stilevye tendencii, destruktivnost', ehskhatologiya): dis. ... kand. filol. nauk [Lyric poets of Moscow "expressionists" of 1919-1921 years (stylistic trends, destructiveness, eschatology): dis. ... Cand. of Philology]. Ishim. 2007. P. 17.
33. *Pestova N. V.* Vklad nemeckoyazychnogo literaturnogo ehkspressionizma v poehtiku modernizma: vzglyad 100 let spustya [Contribution of German literary expressionism in the poetry of modernism: a view 100 years later] // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy ezhegod. mezhdunar. konf. Ekaterinburg, 4–5 fevralya 2011 g - Actual problems of Germanic, Roman and Russian studies: proceedings of the annual. Intern. Conf. Ekaterinburg, 4-5 February 2011. Ekaterinburg. 2011. P. 108.
34. *Zimmel G.* Konflikt sovremennoj kul'tury [The conflict of modern culture] // Kul'turologiya. XX vek: Antologiya - Cultural studies. The twentieth century: an anthology. Moscow. 1995. P. 384.

35. *Edmid K.* EHkspressionizm v poehzii [Expressionism in poetry] // Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniya masterov zapadno evropejskoj literatury XX veka - To call a spade a spade: Program performance of masters of Western European literature of the twentieth century. Moscow. 1986. P. 306. We consider it to be necessary to give here the original text of this, in a way, poetic passage: "So wird der ganze Raum des expressionistischen Künstlers Vision. Er sieht nicht, er schaut. Er schildert nicht, er erlebt. Er gibt nicht wieder, er gestaltet. Er nimmt nicht, er, forests, mountains. Nun gibt es nicht mehr die Kette der Tatsachen: Fabriken, Häuser, Krankheit, Huren, Geschrei und Hunger. Nun gibt es ihre Vision". Edschmied K. Über den dichterischen Expressionismus (Herbst 1917) // Edschmied K. Über den Expressionismus in der Literatur und die neue Dichtung. Berlin: Erich Reiß, 1920. P. 54.
36. *Mikrina E. A.* Struktura obraza v poehzii rannego nemeckogo ehkspressionizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Structure of the image in the poetry of early German expressionism: autoref. dis. ... Cand. of Philology]. Moscow. 2001. P. 5.
37. *Mlechina I. V.* Prorochestvo [Prophecy] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. Pp. 464-465.
38. Ibid. P. 465.
39. *Tsvetkov Yu. L.* EHkspressionizm v avstrijskoj literature [Expressionism in Austrian literature] // Russkaya i zarubezhnaya literatura nachala HKH veka: Osnovnye techeniya. Pozdnij neoromantizm. Futurizm. EHkspressionizm. Venskij impressionizm. Akmeizm. Imazhizm. Imazhinizm - Russian and foreign literature of the early twentieth century: Main streams. Late neo-romanticism. Futurism. Expressionism. Viennese impressionism. Akmeism. The imagism. Imaginism. Orel. 2007. P. 168.
40. *Halbe V.* Zyklische Dichtung im Expressionismus: Gottfried Benns "Gehirne" und Ernst Stadlers "Der Aufbruch": Exemplarische Untersuchung einer charakteristischen Kompositionsform der literarischen Moderne.: Inaug. Diss. Siegen, 1999. P. 77.
41. European literature from romanticism to postmodernism: a reader in aesthetic practice. London & New York, 2006. P. 131.
42. *Nenenko A. A.* Lirika moskovskih poehtov «ehkspressionistov» 1919–1921 godov (stilevyje tendencii, destruktivnost', ehskhatologiya): dis. ... kand. filol. nauk [Lyric poets of Moscow "expressionists" of 1919-1921 years (stylistic trends, destructiveness, eschatology): dis. ... Cand. of Philology]. Ishim. 2007. P. 66.
43. Ibid. P. 132.
44. Ibid. P. 11.
45. *Martynova O.* Drama Vozveshcheniya [Drama of the Annunciation] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. P. 205.
46. *Gugin A.* Druz'ya (Tovarishchi) CHelovechestva [Friends (Comrades) of Humanity] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. P. 208.
47. The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey, 1993. R. 399.
48. *Toper P.* Obshchee i osobennoe v ehkspressionizme [General and special features of expressionism] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. P. 15.
49. *Rossiyanov O.* Abstrakciya [Abstraction] // EHnciklopedicheskij slovar' ehkspressionizma - Encyclopedic dictionary of expressionism. Moscow. 2008. Pp. 24-25.
50. *Sirotkin N.* Nemeckoyazychnyj avangard [German avant-garde] // Semiotika i avangard: Antologiya - Semiotics and the avant-garde: an anthology. Moscow. 2006. P. 820.

УДК 811.133.1'367

О. А. Касаткина

Тождество и его виды

Статья посвящена анализу нелингвистических и собственно лингвистических аспектов отношения тождества. Тождество – основное понятие не только логики, но и философии, математики и лингвистики. Автор исходит из положения, что существуют различные концепции, виды и модификации тождества. Объекты мира находятся друг с другом в связи и взаимообусловленности. Поэтому и понятия, их отражающие, также находятся в определенных отношениях: отношение тождества перекрещивается с отношениями включения и пересечения, а отношение пересечения и включения содержит в себе элемент тождества по свойствам. Отношение тождества лежит в основе предложения тождества: логическая модель $A = B$. Ядерной синтаксической моделью предложения тождества служит структура квалификативного предложения $S+Vc+P$. Синтаксическая структура $S+Vc+P$ описывает и другие типы

отношений: показывает на включение субъекта в класс, обозначаемый предикативом (предложение классификации), или характеризует субъект высказывания (предложение характеристики).

The article considers the analysis of non-linguistic and linguistic aspects of identity relation. Identity is the key concept not only of the logic science, but of philosophy, mathematics and linguistics as well. The author assumes that there is a variety of conceptions, types and modifications of identity. Objects of the world exist in relation and interdependence with each other. Thus the notions which that they reflect are committed in a certain relationship: identity relation meet the relations of inclusion and intersection, while intersection and inclusion relation in properties include the element of identity. Identity relation is the basis of identity proposition: logic model $A=B$. The structure of qualifying proposition $S+Vc+P$ is the nuclear syntactic model of the identity proposition. The syntactic structure $S+Vc+P$ describes the other types of relations. This structure shows the inclusion of a subject into a category, defined by a predicate (classification proposition), or characterize the subject of the utterance (characterization proposition).

Ключевые слова: проблема тождества, логические и лингвистические аспекты, виды и модификации, отношения между понятиями, равнозначность (тождество), подчинение или включение, переключение или пересечение, предложение тождества, предложение классификации, предложение характеристики.

Keywords: identity problem, logic and linguistic aspects, types and modifications, notion relations, equivalence (identity), subordination or inclusion, intersection or decussation, identity proposition, classification proposition, characterization proposition.

Понятие тождества относится к числу фундаментальнейших концептов мысли и языка. Именно тождество и различие определяют саму картину мира, делят её на сущности. Известно, что тождество – основное понятие логики, философии, математики и лингвистики. В науках существуют различные концепции, отмечаются виды и модификации тождества, например, в математике есть равенство, эквивалентность (равномощность, равночисленность) множеств, конгруэнтность т. д., а под тождеством понимается уравнение, которое удовлетворяется тождественно, т. е. справедливо для любых допустимых значений входящих в него переменных.

С философской (гносеологической) точки зрения тождество – отношение, основанное на представлениях или суждениях о том, что такое «один и тот же» предмет реальности, восприятия, мысли [1].

В философии преобладает гносеологическая концепция тождества, восходящая к Г. Лейбницу. Определение тождества, данное Г. Лейбницем, формулируется обычно так: « $x = y$, если и только если x обладает каждым свойством, которым обладает y , а y обладает каждым свойством, которым обладает x », иными словами, «два предмета тождественны друг другу, т. е. являются одним и тем же предметом, если и только если они обладают одними и теми же свойствами» [2].

Однако определение Лейбница может быть использовано «лишь по отношению к абсолютно жёстким, абстрактным объектам, отвлечённым от их пространственных и временных характеристик».

В логике наиболее известна концепция Г. Фреге. «С понятием тождества связан ряд вопросов, ответить на которые совсем не просто, – писал он... Является ли тождество отношением? Если да, то является ли оно отношением между вещами или отношением между именами, или знаками, вещей?» [3]. Склоняясь в пользу второго предположения, Г. Фреге продолжает: «Утверждая, что $A=B$, мы скорее имеем в виду, что знаки, или имена, A и B обозначают одно и то же, следовательно, речь идёт именно об этих знаках, то есть отношением тождества связаны именно знаки» [4].

Между тем, как мы считаем, в результате вторжения мышления в каждый семиотический акт отношение тождества может касаться и имён, или знаков, и вещи, или экстралингвистического объекта, и отражаемого в формах языка понятия – сигнификата.

Иначе, чем Г. Фреге, подходит к проблеме тождества Л. Витгенштейн, определяя отношение тождества следующим образом: «...сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, значит ничего не сказать» [5]. Выражая тождество объектов тождеством знаков, а не с помощью знака тождества, Л. Витгенштейн подвергает критике определение тождества через тождество неразличимых: «Расселовское определение $=$ не годится, так как, согласно ему, нельзя сказать, что два объекта имеют общими все свойства» [6].

С логической точки зрения тождество представляет собой предикат, изображаемый формулой $x = y$ (читается: « x тождественно y », « x то же самое, что и y »), которому соответствует ло-

гическая функция, истинная, когда переменные *x* и *y* означают различные вхождения «одного и того же» предмета, и ложная в противном случае [7].

В логике отличают абстрактное, конкретное и абсолютное тождества.

Абстрактное тождество есть временное отвлечение (но не отрицание) от различий в каком-либо предмете в тех случаях, когда мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обуславливаются природой объекта.

Конкретное тождество учитывает изменение и развитие, включает различие.

Абсолютное тождество отрицает возникновение и существование различий в пределах тождества: вещь всегда равна самой себе. Данный принцип, истолкованный онтологически, противоречит действительности, поскольку каждый предмет в объектном мире непрерывно изменяется, а значит перестаёт быть тождественным самому себе [8]. Д. И. Менделеев писал: «Всё, что мы знаем о строении вещества с химической, физической и механической стороны, приводит нас к тому заключению, что никогда в действительности, ни в каком теле, ни в какой части его, не только в части измеримой, но и в молекуле, или воображаемой химической единице, на которые можно разделить химические вещества, нет абсолютного покоя» [9].

В отличие от абстрактного тождества, которое есть временное отвлечение (но не отрицание) от различий, и в отличие от абсолютного тождества, отрицающего возникновение и существование различий в пределах тождества, самоотождество (тождество вещи самой себе в момент времени) совсем не метафизично, хотя и абсолютно [10].

Осуществление абстракции отождествления связано с актом сравнения, позволяющим ответить на вопрос, тождественны предметы или различны.

Тождество может проявляться в форме полного тождества, когда два предмета являются совершенно одинаковыми по своим свойствам: «*a*» тождественно «*b*» (т. е., если «*a*» тождественно «*b*», то и «*b*» тождественно «*a*»), а также в форме логического или частичного тождества, т. е. частичного совпадения в свойствах, состояниях, функциях: «*a*» сходно с «*b*» в признаке «*c*» (если «*a*» сходно с «*b*» в признаке «*c*», то и наоборот, «*b*» сходно с «*a*» в признаке «*c*»), что проявляется в следующих конкретных отношениях: «быть подобным», «быть похожим», «быть сходным в весе», «быть сходным в окраске» и т. д. [11] Отношения типа полного тождества могут быть применены к различным предметным областям предметов [12].

Логический и философский аспекты тождества дополняют друг друга: первый даёт формальную модель понятия тождества, второй – основание для применения этой модели. Первый аспект включает понятие об «одном и том же» предмете, но смысл формальной модели не зависит от содержания этого понятия, поскольку игнорируются процедуры отождествления и зависимость результатов от условий или способов отождествления, от явно или неявно принимаемых при этом абстракций. Во втором аспекте основания для применения логических моделей тождества связываются с тем, как отождествляются предметы, т. е. по каким признакам, и уже зависят от точки зрения, от условий и средств отождествления [13].

В объективной реальности тождество существует в связи с различием. Тот факт, что одна и та же вещь вчера и сегодня и тождественна и различна, был подмечен ещё Гераклитом, который указывал на то, что человек не может войти дважды в одну и ту же реку, что «солнце – не только... новое каждый день, но вечно и непрерывно новое» [14].

Выделение идентичного, инвариантного, тождественного в предметах и явлениях невозможно без идеализации и упрощения действительности, без «остановок» движения и изменения.

Как известно, проблема лингвистического тождества была впервые затронута Г. Фреге в его знаменитой статье «*Sinn und Bedeutung*» [15]. Заложив основные положения концепции смысла и значения, Г. Фреге показал на примере предложений тождества противопоставленность денотата и концепта знака. Согласно его теории семантическая структура знаков складывается из смысла (*Sinn*) и референции (*Bedeutung*), следовательно, высказывание *A = B* логично трактовать как такое, в котором знак равенства выражает отношение тождества денотатов. Однако Г. Фреге постулирует более сильное требование, а именно, тождество смысла определяемого и определяющего. Тем не менее языковые знаки могут иметь один и тот же денотат и различаться по смыслу, поэтому Г. Фреге требует не смешивать два понятия, соответственно два определения какого-то термина, на том основании, что у них один и тот же денотат. Так обстоит дело с собственными именами или различными описательными именами одного и того же предмета: *Paris est la capitale de la France*. Предложение *Paris est la capitale de la France* истинно, так как *Paris* и *la capitale de la France* совпадают по референции, хотя и различаются по смыслу. Заметим, что данное различие не существенно для значения предложения тождества, «информативность которого создаётся не смыслами термов, констатацией факта идентичности объектов» [16].

Г. Фреге установил, что высказывание о тождестве ни в коем случае не должно быть тривиальным. Для его истинности достаточно, чтобы оба символа, соединённые знаком тождества, обозначали один и тот же индивид (Венера есть Венера). Такое высказывание говорит только о том, что определённый индивид тождествен самому себе, и фактически тривиально. Если же знак тождества объединяет два различных имени (Венера есть Утренняя звезда), которые обозначают различные единичные понятия, но служат для обозначения одного и того же индивида, то такое высказывание не является тривиальным, так как «будет достигнуто новое знание» [17]. По Г. Фреге, $A = A$ и $A = B$ являются предложениями, представляющими различную познавательную ценность: « $a = a$ имеет силу *apriori* и назначается, по Канту, аналитическим, в то время как предложения формы $a = b$ часто содержат очень ценное расширение нашего знания и *apriori* не всегда могут быть обоснованы» [18].

Мы считаем, что на логическом уровне высказывание Венера есть Венера представляет собой тождество. Однако фраза существует лишь тогда, когда у обозначения есть внутренняя форма. Поскольку ради тавтологии люди не говорят, говорящий вкладывает различный смысл в субъект и предикатив, что способствует возникновению в высказывании скрытого значения, которое модифицирует отношение тождества: *Bach, c'est Bach, comme Dieu, c'est Dieu* (характеризация). В высказывании речь может идти о неповторимости гения Баха, о мощи и силе воздействия его музыки на слушателей и т. п. Отношение тождества осложняется семами характеристики, и высказывание прочитывается как характеризующее.

Согласно Г. Фреге мы можем написать, что $A = B$, если A и B имеют один и тот же объём и они взаимозаменяемы без нарушения истинности выражения, в которое входят. Однако следует отметить (Г. Фреге обращал внимание на этот факт), что замена одного имени предмета другим именем может отразиться на содержании и истинном значении высказывания. Так, предложение *La capitale de la France est Paris* направлено на адресат, который не знает, что именно Париж является столицей Франции. Следовательно, если в плане семантики данное высказывание характеризуется равнообъёмностью субъекта и предикатива, то в коммуникативном плане между ними обнаруживается определённое различие. В приведённом предложении тема актуализирована в контексте, но референциально недоопределена, а рема – не актуализирована, хотя и определена референциально. Таким образом, назначение данного высказывания в коммуникативном плане заключается в раскрытии референциальной недоопределённости темы высказывания, которая снимается ремой.

Как известно, в логике выделяется пять основных типов отношений между понятиями: равнозначность (тождество), внеположенность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение (отношение рода и вида), перекрещивание или пересечение [19]. Поскольку предметы мира находятся друг с другом в связи и взаимообусловленности, то и понятия, их отражающие, также находятся в определенных отношениях. Нами будут рассмотрены лишь совместимые понятия: равнозначность (тождество), перекрещивание, подчинение или скрещивание. Понятия, объёмы которых совпадают, хотя и различаются по содержанию, находятся в отношении равнозначности (тождества). Понятия, объёмы которых совпадают частично, т. е. содержат некоторые общие элементы, находятся в отношении пересечения. Отношение подчинения (отношение рода и вида) характеризуется тем, что объём одного понятия включается в объём другого понятия, но не исчерпывает его.

Отношения равнозначности тождества лежат в основе предложений тождества. Во французском языке тождество выражается предложениями с глаголами-связками, которые схематически, заимствуя принятые в логике символы, мы обозначим формулой $A = B$, где A и B – отождествляемые объекты, знак математического равенства ($=$) – оператор тождества. Объект мы понимаем в весьма широком смысле: это люди, вещи в своих различных проявлениях (ипостаси объекта), процессы, действия, явления, факты, свойства, качества, состояния, отношения и т. п. как природы, так и психической деятельности людей, продуктов их воображения, результатов абстрактного мышления.

Ядерной синтаксической моделью предложений со значением тождества служит структура $S+Vc+P$, в которой S выполняет функцию субъекта, $Vc+P$ – кваликативный предикат, состоящий из Vc – глагола-связки *être*, оператора тождества, и P , предикатива, заполняющего правую часть структуры и выражающего признак, присваиваемый субъекту: *Paris est la capitale de la France*.

Синтаксическая структура $S+Vc+P$ может описывать и другие типы отношений: показывать на включение в класс, обозначаемый предикативом (предложения классификации: *Paris est une capitale*), либо характеризовать субъект высказывания (предложения характеристики: *Paris est beau*).

Синтаксической особенностью высказывания *Paris est la capitale de la France* является равнообъемность значений субъекта (S) и предикатива (P), которые являются синонимами. S и P данного предложения выступают на уровне своего денотативного значения и характеризуются референтной соотнесенностью, рефлексивностью, симметричностью и транзитивностью.

В высказывании *Paris est une capitale* один и тот же объект подводится под разные понятия, которые относятся одно к другому как видовое к родовому. Таким образом, мы имеем дело не с предложением тождества ($A=B$), а с включением S в объем P, т. е. с предложением классификации ($A \subset B$). Если в высказывании *Paris est la capitale de la France*, как уже было отмечено, субъект и предикатив характеризуются референтной соотнесенностью, то в суждении *Paris est une capitale* предикатив выступает на уровне сигнификативного значения.

В основе высказывания *Paris est beau* лежит отношение пересечения, т. е. объемы понятия S и P совпадают, но лишь частично. Предикатив выражает один из возможных признаков субъекта (*beau, grand* и т. п.) и служит его характеристике.

В высказывании *Paris est une belle capitale* к значению характеристики добавляется значение классификации, так как *capitale* относится к *Paris* как родовое понятие к видовому. Это свидетельствует об усложненности предложения, которое осуществляет двойную, классифицирующе-характеризующую детерминацию. Акцент на имени или на прилагательном зависит от значения того и другого и их взаимодействия в контексте.

Как мы могли наблюдать, значения приведенных выше предложений связаны между собой постепенными переходами, между ними нет четко очерченных границ: отношение тождества перекрещивается с отношением включения и с отношением характеристики, а отношение характеристики и включения содержат в себе элемент тождества.

Итак, предложения тождества имеют в качестве семантической основы отношение тождества, которое, будучи непосредственно связано с формами мышления, в то же время участвует в организации грамматического строя языка. Ядерной семантической моделью предложения тождества служит структура кваликативного предложения $S+Vc+P$, в которой отождествляемые объекты представлены соответственно в синтаксической форме подлежащего и предикатива, а функцию связки выполняет глагол *être*.

Примечания

1. Новосёлов М. М. Тождество // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1977. С. 31.
2. Горский Д. П. Диалектика отождествления неотожествленного в процессе познания // Диалектика научного познания. М.: Наука, 1978. С. 128.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ. 1977. Вып. 8. С. 181.
4. Там же.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 186.
6. Там же.
7. Новосёлов М. М. Указ. соч. С. 31.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 9.
9. Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск: Изд-во БГУ, 1978. С. 18.
10. Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 257.
11. Горский Д. П. Указ. соч. С. 136.
12. Там же. С. 129.
13. Новосёлов М. М. Указ. соч. С. 31.
14. Античные философы. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. С. 21.
15. Frege G. Sinn und Bedeutung // Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünfflogische Studien. Göttingen Vandenhoeck&Ruprecht, 1962. S. 38–63.
16. Зегет В. Элементарная логика. М.: Высш. шк., 1985. С. 189.
17. Бирюков Б. В. Теория смысла Готлиба Фреге // Применение логики в науке и технике. М.: АН СССР, 1960. С. 505.
18. Арутюнова Н. Д. Тождество или подобие // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М.: Наука, 1983. С. 201.
19. Горский Д. П. Логика: учеб. пособие для пед. ин-тов. 3-е изд. испр. М.: Уч. пед. гиз, 1963. С. 54.

Notes

1. Novoselov M. M. Tozhdestvo [Identity] // Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya - Big Soviet encyclopedia. 3 ed. Moscow. Sov. encyclopaedia. 1977. P. 31.
2. Gorsky D. P. Dialektika otozhdestvleniya neotozhdestvlenno v pro-cesse poznaniya [The dialectic of identification unidentified in the process of knowing] // Dialektika nauchnogo poznaniya - Dialectic of scientific knowledge. Moscow. Nauka. 1978. P. 128.

3. *Frege G.* Smysl i denotat [Sense and denotation] // *Semiotika i informatika - Semiotics and Informatics*. Moscow. VINITI. 1977. Vol. 8. P. 181.
4. Ibid.
5. *Wittgenstein L.* Logiko filosofskij traktat [Logic-philosophical treatise]. Moscow. Publishing house of foreign. lit. 1958. P. 186.
6. Ibid.
7. *Novoselov M. M.* Op. cit. P. 31.
8. *Kondakov N. I.* Logicheskij slovar' spravochnik [Logical dictionary guide]. Moscow. Nauka. 1975. P. 9.
9. *Barton V. I.* Sravnenie kak sredstvo poznaniya [Comparison as a means of cognition]. Minsk: Publishing house of the Belarusian State University, 1978 P. 18.
10. *Kondakov N. I.* Op. cit. P. 257.
11. *Gorsky D. P.* Op. cit. P. 136.
12. Ibid. P. 129.
13. *Novoselov M. M.* Op. cit. P. 31.
14. *Antichnye filosofy - Ancient philosophers*. Kiev: Publishing house of Kiev University. 1955. P. 21.
15. *Frege G.* Sinn und Bedeutung // *Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünfflogische Studien*. Göttingen Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. Pp. 38–63.
16. *Seget V.* EHlementarnaya logika [Elementary logics]. Moscow. Higher Sch. 1985. P. 189.
17. *Biryukov B. V.* Teoriya smysla Gotliba Frege [Theory of meaning of Gottlieb Frege] // *Primenenie logiki v nauke i tekhnike - Use of logic in science and technology*. Moscow: AS SSSR. 1960. P. 505.
18. *Arutyunova N. D.* Tozhdestvo ili podobie [Identity or similarity] // *Problemy strukturnoj lingvistiki - Problems of structural linguistics*. 1981. Moscow. Nauka. 1983. P. 201.
19. *Gorsky D. P.* Logika: ucheb. posobie dlya ped. in-tov [Logics: tutorial for ped. institutes]. 3 ed. Rev. Moscow: Uch. ped. gis. 1963. P. 54.

УДК 811.161.1'271(470.342)

Н. Г. Наумова

Объективация концепта «Россия» в языковом сознании молодежи г. Кирова

Данная работа посвящена изучению концепта «Россия» как одному из базовых национальных концептов, изучение которого позволяет выявить отношение русского человека к своей стране, оценку ее места в мире, что является весьма актуальным в свете усилившихся в последнее время поисков русской национальной идеи. Анализ проводится в рамках лингвокогнитивных и психолингвистических исследований, которые получают все более широкое распространение в современной лингвистике, развивающейся в рамках антропоцентрической парадигмы.

Данная статья представляет собой опыт анализа лексических средств объективации концепта «Россия» в языковом сознании молодежи г. Кирова, выявления наиболее актуальных для молодых людей когнитивных признаков данного концепта. Материалом для анализа послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с 180 молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет (1029 реакций, представивших 412 языковых единиц). На основе данного материала было произведено описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта) и описание категориальной структуры концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков.

Our study investigates the concept of "Russian" as one of the basic national concepts, which study allows to reveal the attitude of the Russian people for their country, an assessment of its place in the world. It seems to be very relevant in the light of efforts in recent years searches a Russian national idea. This study is conducted within the framework of cognitive and psycholinguistic researches, which are becoming more widespread in the modern linguistics developing within the anthropocentric paradigm.

This article presents experience in analyzing of lexical means of objectification of the concept "Russia" in the linguistic consciousness of youth of the city of Kirov and it aims to define the most relevant for young people cognitive signs of this concept. Material for analysis was received by the free associative experiment with 180 young people aged 18 to 30 years (1029 reactions, 412 linguistic units). The following techniques of modeling concept were used: the description of the field organization identified cognitive signs (identification

signs forming the core, proximal, distal and extreme periphery of the concept) and the description of the categorical structure of the concept as a hierarchy of cognitive classifications signs.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концепт, полевая структура концепта, ассоциативный эксперимент, реакция, Россия.

Keywords: cognitive linguistics, cultural linguistics, concept, the field structure of the concept, associative experiment, reaction, Russia.

Лингвокогнитивные и психолингвистические исследования получают все более широкое распространение в современной лингвистике, развивающейся в рамках антропоцентрической парадигмы. Объектом лингвистического анализа становится человек, образ которого воссоздается посредством языка. В связи с этим лингвисты изучают такие понятия, как языковая или коммуникативная личность, картина мира, концептосфера, модель поведения и т. д. [1]

Понятие «концепт» достаточно глубоко и всесторонне изучено в современной лингвистике: описана структура концепта, его типы, разработаны методики анализа концептов [2].

Выделяется **два основных направления в трактовке концепта:** лингвокогнитивное и лингвокультурологическое.

Представители первого направления (А. П. Бабушкин, Н. А. Болдырев, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, Е. В. Рахилина, В. З. Демьянков и др.) под концептом понимают единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. И. А. Стернин и З. Д. Попова указывают на то, что мы мыслим концептами, концепты, будучи идеальными сущностями, формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта, прямого контакта с предметами, из языкового общения, из самостоятельного изучения и усвоения значений языковых единиц.

Итак, в когнитивной лингвистике концепт, понимаемый как «намеки на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека», рассматривается с позиции индивидуального смысла в отличие от коллективного.

Анализом концептов в лингвокультурологическом направлении занимаются Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин.

Концепт в этом направлении рассматривается и анализируется как единица культуры: концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это то, посредством чего обычный человек входит в культуру. В культурном концепте выделяются ценностная, образная и понятийная стороны, главной из которых является первая, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип.

Таким образом, в первом, лингвокогнитивном, направлении делается акцент на познавательной сущности концепта, а во втором – на его культурно-исторической значимости. Нам ближе второй подход.

Наше исследование посвящено изучению концепта «Россия» как одному из базовых национальных концептов, изучение которого позволяет выявить отношение русского человека к своей стране, оценку ее места в мире, что является весьма актуальным в свете усилившихся в последнее время поисков русской национальной идеи.

Описание концепта может производиться на основе различного исследовательского материала. Можно выделить три основных **источника**, используемых для исследования концептов: словарный материал, текстовый материал (данные о функционировании слов-репрезентантов концепта в текстах) и экспериментальный материал (данные психолингвистических экспериментов).

В своем исследовании мы используем только один источник получения языкового материала – ассоциативный эксперимент, что, безусловно, дает только очень примерное представление о содержании концепта и требует анализа дополнительного текстового материала. Тем не менее многие исследователи отмечают значимость экспериментальных методик для выявления наиболее актуальных для современного состояния сознания признаков концепта. Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемым предлагаются слова-стимулы, на которые они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову. Этот метод позволяет выявить наибольшее количество различных признаков концепта; частотность реакций свидетельствует об их актуальности / неактуальности в сознании испытуемых. Методика описана З. Д. Поповой и И. А. Стерниным и применена в целом ряде работ.

В результате проведенного нами ассоциативного эксперимента с 180 молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет на слово-стимул «Россия» было получено 1029 реакций, представивших 412 языковых единиц.

Целью нашего анализа является описание и анализ полученных лексических средств активации концепта «Россия». Для исследования концептов широко используются следующие **методики**: компонентный анализ семантики ключевого слова – имени концепта, анализ синонимов и дериватов ключевого слова, анализ сочетаемости ключевого слова (как свободных, так и устойчивых словосочетаний), анализ паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт, психолингвистический эксперимент (выявление ассоциативного поля концепта), анализ текстов в разных типах дискурса. По словам М. В. Пименовой, «методика исследования концептов... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов» [3].

В своем исследовании мы использовали следующие **методики** моделирования концепта:

– описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);

– описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Произведя необходимые подсчеты, мы смогли выстроить **полевую структуру концепта** «Россия» (рядом с лексической единицей указывается ее частотность).

Ядро: Родина 80.

Ближняя периферия: березы 35, Путин 33, лес(а) 26, страна 24, медведь 21, простор(ы) 18, дом 15, Москва 15, плохие дороги 13, природа 12, водка 12, большая 12, поля 11, дороги 10, коррупция 10, зима 10.

Дальняя периферия: свобода 9, мощь 9, держава 9, балалайка 9, победа 8, Пушкин 8, великая 8, великая держава 8, сила 8, могучая 7, гордость 7, любовь 7, флаг 7, триколор 7, многонациональная 7, реки 7, патриотизм 7, величие 6, хоккей 6, Крым 6, гимн РФ 6, Кремль 6, огромная 6, история 6, слава 5, семья 5, мать 5, красота 5, Достоевский 5, Есенин 4, великая страна 4, богатая 4, Россия-матушка 4, отечество 4, мама 4, государство 4, власть 4, Великая Отечественная война 4, Медведев 4, Единая Россия 4, герб 4, Байкал 4, Сибирь 4, матрешка 4, культура 4, душа 4, дураки 4, мир 4, деревни 4, церковь 4, просторная 4, империя 4, тайга 3, небо 3, Русь 3, вера 3, православие 3, отчизна 3, широкая душа 3, могущество 3, единство 3, березка 3, красивая 3, олимпиада 3, нефть 3, шапка-ушанка 3, разруха 3, русский дух 3, армия 3, двуглавый орел 3, орел 3, самая большая страна (в мире) 3, Красная площадь 3, народ 3, широта 3, русская литература 3, СССР 3, война 3, традиции 3, щедрая душа 3, щедрость 2, русский язык 2, литература 2, люди 2, славяне 2, Родина-мать 2, родина моя 2, родная страна 2, священная держава 2, богатство 2, свободная 2, самобытность 2, несправедливость 2, чиновники 2, милиция 2, березовая роща 2, земля 2, Волга 2, солнце 2, холод 2, Толстой 2, гармонь 2, сказки 2, Безруков 2, грязь 2, добрые люди 2, справедливость 2, богатыри 2, отвага 2, великий дух 2, духовность 2, большая территория 2, большая страна 2, необъятная 2, необъятность 2, бескрайний 2, огромная территория 2, Ленин 2, монархия 2, радость 2, хлеб 2, квас 2, валенки 2, тройка лошадей / коней 2, сани 2, олимпиада 2014 2, Сочи-2014 2.

Крайняя периферия представлена языковыми единицами, встречающимися в ответах только один раз. Данные репрезентации будут включены ниже в тематические группы.

Описание полевой организации когнитивных признаков показало, что в представлении молодежи Россия связывается прежде всего с понятием *Родина* – это наиболее часто встречающаяся реакция, предъявленная 44% опрошенных. Она входит в ядро концепта «Россия», существующего в языковом сознании молодежи, и выражает ценностное отношение молодых людей к своей стране, которую они воспринимают как родной дом, нуждающийся в защите и любви.

В ближнюю периферию входит два класса реакций. Одни раскрывают неиндустриальный облик России, подчеркивают ее связь с природой (*березы, леса, просторы, природа, поля, зима*). Среди них отметим ассоциацию «медведь» как отражение весьма распространенного стереотипа, символизирующего некую дикость, силу и необузданность русского народа. Второй класс реакций связан с государственным устройством России, часто упоминается президент (*Путин*), понятие «страна», столица (*Москва*), проблемы, отражающие российскую действительность (*плохие дороги, водка, дороги, коррупция*).

Ассоциации, составляющие дальнюю и крайнюю периферию, являются весьма разнообразными и связаны с индивидуальным восприятием каждого человека. Более продуктивным для целей исследования будет анализ всех полученных реакций на основе их **категориальной классификации**, т. е. выявления у них общих классификационных признаков и распределение близких по смыслу реакций по тематическим группам. Представим полученные в результате проведенного в этом направлении анализа группы реакций по убыванию частотности употребления входящих в них языковых единиц.

Среди всех реакций самой большой частотностью отличаются те, которые содержат в себе какую-нибудь общую характеристику России по определенному качеству. Преобладание данных реакций свидетельствует о чувственно-оценочном характере существующего в сознании молодых людей представления о России, основанном на личном отношении к ней.

«Общая оценка страны» (87 языковых единиц, 301 случай употребления):

– «Положительные качества» (60/255):

* «родное» (22/137): *дом 15, Россия наш большой дом, наш отчий дом, Родина 80, Родина-мать 2, родина моя 2, род 1, Русь 3, Русь-матушка 1, матушка Русь 1, мама 4, мать 5, Россия-матушка 4, родители 1, семья 5, родная страна 2, кормилица 1, отечество 4, отчизна 3, защита 1, помощник 1, забота 1;*

* «великое» (13/48): *сверхдержава 1, священная держава 2, священная наша держава, священная наша страна 1, держава 9, наша держава 1, великая 8, великая держава 8, великая страна 4, величие 6, величественная 1, слава 5, славная 1;*

* «богатство и сила» (8/35): *богатая 4, богатство 2, сила 8, могучая 7, могущество 3, мощь 9, сильное государство 1, сильная страна 1;*

* «другие черты» (17/35): *единая 1, единство 3, сплоченность 1, истина 1, правда 1, красота 5, красивая 3, красавица 1, независимая 1, свобода 9, свободная 2, непобедимая 1, неповторимость 1, самобытность 2, постоянство 1, традиционность 1, консерватизм 1.*

– «Положительные чувства» (15/31): *гордость 7, любовь 7, сердце 1, любимая 1, любимая страна 1, мир 4, радость 2, счастье 1, уважение 1, долг перед родиной 1, уверенность 1, будущее 1, вера в лучшее 1, надежда 1, новая Россия 1.*

– «Отрицательные качества» (8/11): *мрак 1, разруха 3, несправедливость 2, несправедливая 1, бестолковая 1, нестабильность 1, страна невозможностей 1, противоречия 1.*

– «Отрицательные чувства» (4/4): *безысходность 1, тоска 1, страх 1, люди недовольные 1.*

Как видим, образ России в представлении молодежи положительно окрашен. Молодежь четко осознает родственную связь со своей страной, давая ей наименования *мать, родители, семья, дом, род, родина, отечество, отчизна*, характеризуя ее тем самым как нечто дорогое, любимое, ценное, дающее защиту и приют. Отмечаются такие положительно оцениваемые качества России, как величие, богатство, сила, единство, красота, независимость (свобода), самобытность. При этом чаще всего молодые люди при мысли о России испытывают чувства гордости и любви. Очень редко указывается на отрицательные качества России, которые связываются с неустроенностью, неразвитостью страны, несправедливостью, вызывающими чувства безысходности и недовольства. Таким образом, понятие о России находится на верхних уровнях системы ценностей молодых людей.

Также очень частотными являются реакции, характеризующие Россию с точки зрения ее территории, рельефа, природных богатств, подтверждая высказанную ранее мысль (на основе полевой структуры) о неиндустриальном, тесно связанном с природой образе страны в представлении молодежи.

«Природа, территория» (72/210):

– «Природные реалии» (29/94): *природа 12, природная красота 1, красивые пейзажи 1, пейзажи 1, березовая роща 2, березы 35, березка 3, сосна 1, зеленая 1, зеленый лес 1, лес(а) 26, огромные леса 1, земля 2, бескрайние леса и поля 1, бескрайние поля 1, поля 11, огромные поля 1, луга 1, горы 1, озеро 1, реки 7, ручей 1, Волга 2, болота 1, моря 1, волжский плес 1, солнце 2, небо 3, радуга 1.*

– «Протяженность» (9/31): *открытая местность 1, простор(ы) 18, просторная 4, раздолье 1, широкая 1, широта 3, ширь полей 1, дали 1, синий 1.*

– «Размер» (13/24): *большая 12, большая территория 2, большая страна 2, необъятная 2, необъятность 2, бескрайний 2, огромная 6, огромная территория 2, огромная страна 1, самая большая страна (в мире) 3, самое большое государство, 6 Австралий, 1/6 часть Евразии.*

– «Животные» (2/22): *медведь 21, медведь большой бурый 1.*

– «Климат» (8/18): *зима 10, холод 2, холодная зима 1, русская зима 1, суровый климат 1, вечная мерзлота 1, морозы 1, жгучий мороз 1.*

– «Географические зоны» (5/13): *Байкал 4, Сибирь 4, тайга 3, степь 1, тундра 1.*

– «Ресурсы» (4/6): *полезные ископаемые 1, ресурсы 1, газ 1, нефть 3.*

– «Положение» (2/2): *граница между Европой и Азией 1, Евразия 1.*

На основе данных характеристик возникает образ огромной, широкой, просторной территории с суровым климатом, покрытой бескрайними лесами и полями. Появляется символ русской природы – береза – как воплощение чистоты, стойкости, нежности русской души.

Образ России в представлении молодежи также достаточно часто связывается с государственным устройством, политической жизнью, нацией, историей страны как составляющими определенной государственной системы.

«Государство» (67/207):

– «Государственные структуры» (16/64): *государство 4, госдума 1, власть 4, президент 1, Путин 33, Медведев 4, Единая Россия 4, Жириновский 1, чиновники 2, милиция 2, армия 3, тополь-М 1, Т-34 1, ВДВ 1, авторитаризм 1, централизация 1.*

– «Государственные символы» (14/58): *герб 4, двуглавый орел 3, орел 3, гимн РФ 6, флаг 7, триколор 7, бело-сине-красный флаг, Красная площадь 3, Кремль 6, столица 1, Москва 15, Москва богатая 1, Питер 1, Санкт-Петербург 1.*

– «История страны» (26/51): *история 6, история богатейшая 1, великая история 1, страшная история 1, империя 4, монархия 2, монархизм 1, Иван IV 1, крестьяне 1, Петр I 1, Великая Отечественная война 4, ветераны 1, война 3, победа 8, Сталин 1, ГУЛАГ 1, ГРУ 1, КГБ 2, День Победы 1, космос 1, КПСС 1, Ленин 2, коммунизм 1, серп и молот 1, Севастополь 1, СССР 3.*

– «Нация» (11/34): *страна 24, многонациональная 7, многонациональный народ 1, народы 1, народ 3, люди 2, славяне 2, нация 1, народность 1, русский народ 1, россияне 1.*

Представляя Россию как определенным образом устроенное государство, молодежь чаще всего упоминает основные символы централизованной государственной власти: имя президента Путина, герб и флаг России, столицу государства Москву, Красную площадь и Кремль, а также коммунистический строй и Великую Отечественную войну и победу в ней как одни из самых национально значимых явлений в современной истории страны.

Также достаточно часто образ России связывается с явлениями национальной культуры и искусства.

«Культура, искусство» (77/136):

– «Литература и язык» (16/35): *русская литература 3, литература 2, русская классическая литература 1, великая русская литература 1, «Война и мир» 1, гениальная литература 1, русский язык 2, язык 1, великий и могучий русский язык 1, великие писатели 1, Пушкин 8, Достоевский 5, Есенин 4, Толстой 2, Гоголь 1, Булгаков 1.*

– «Традиционный народный быт» (24/34):

* «Традиционная еда» (7/9): *хлеб 2, квас 2, мед 1, медовуха 1, молоко 1, парное молоко 1, рассольник 1, огурцы 1;*

* «Традиционная одежда» (6/9): *шапка-ушанка 3, валенки 2, шапка 1, сарафан 1, лапти 1, платок 1;*

* «Традиционное место жительства, части дома» (5/8): *деревни 4, маленькая деревушка 1, огород 1, баня 1, печка 1;*

* «Орудия труда» (4/4): *коса 1, соха 1, грабли 1, решето 1;*

* «Традиционные средства передвижения» (2/4): *тройка лошадей / коней 2, сани 2.*

– «Религия» (12/19): *Бог 1, Велес 1, Перун 1, вера 3, перезвон 1, православие 3, русская православная церковь 1, соборы 1, священная 1, святая 1, церковь 4, церкви белокаменные 1.*

– «Музыкальные традиции» (6/15): *балалайка 9, гармонь 2, гармошка 1, гармоника 1, песня 1, Славянка 1.*

– «Народные традиции» (9/12): *гуляния 1, масленица 1, Дед Мороз 1, жар-птица 1, птица-тройка 1, сказки 2, ремесло 1, хохлома 1, матрешка 4.*

– «Общее» (3/8): *традиции 3, культура 4, образование 1.*

– «Кино» (4/5): *Федор Бондарчук 1, Безруков 2, телевизионный канал 1, плохие фильмы 1.*

Как видим, основным достоянием русской культуры в представлении молодежи является русская классическая литература и русский язык. Неоднократно упоминаются имена писателей, на первом месте среди которых находится Пушкин. Также достаточно часто называются предметы традиционного народного быта и ремесла, народные традиции, музыкальные традиции. Стоит отметить, что гораздо реже, чем следовало бы ожидать, упоминаются реалии религиозной жизни, что говорит о том, что современная молодежь достаточно далека от нее и религиозных традиций России.

Нередко реакции на стимул «Россия» содержат указание на проблемы российской действительности, среди которых на первом месте отмечаются плохие дороги, затем взяточничество и бюрократизм, алкоголизм и преступность, бедность и отсталость.

«Общественные проблемы» (44/76):

– «Коммунальные» (13/25): грязь 2, грязная 1, грязные города 1, дороги 10, плохие дороги 13, дороги с дырками 1, дороги убитые 1, дороги ужасные 1, дороги-беда 1, бездорожье 1, колдобина 1, неразвитость инфраструктуры 1.

– «Политические» (12/21): беззаконие 1, бюрократия 1, взяточничество 1, взятки 1, коррупция 10, коррупционная 1, коррумпированная 1, мздоимство 1, воровство 1, ограбленная 1, лживые чиновники 1, толстые и глупые чиновники 1.

– «Социальные» (7/18): водка 12, алкоголизм 1, инвалиды 1, преступность 1, бандиты 1, воришки 1, жулики 1.

– «Экономические» (12/12): бедность 1, бедная страна 1, нищета 1, «Россия, нищая Россия...», низкие зарплаты 1, безработица 1, дорогой бензин 1, деньги 1, отсталость 1, отсталая 1, развивающаяся 1, прогрессирующая 1.

Относительно небольшой процент (7%) данных реакций от общего количества полученных реакций говорит о том, что молодые люди еще не сильно озабочены общественными проблемами, хотя и знают о них. Данные характеристики не составляют в представлении молодежи основы концепта «Россия».

Также нечасто встречаются характеристики национального русского характера как составляющие концепта «Россия».

«Черты характера русского человека» (50/75):

– «Человеколюбие» (16/22): гуманизм 1, доброта 1, добрая 1, добрая душа 1, добрые люди 2, добрые и душевные люди 1, гостеприимность 1, дружелюбие 1, друзья 1, открытость 1, открытость души 1, щедрая душа 3, щедрость 2, щедрота души 1, широкая душа 3, самопожертвование 1.

– «Другие» (8/15): достоинство 1, выдержка 1, патриотизм 7, патриоты 1, справедливость 2, честь 1, честность 1, особенное чувство юмора.

– «Внутренняя сила» (11/13): богатыри 2, подвиги 1, великий народ 1, сильный дух 1, сила духа 1, сильные духом люди 1, характер 1, суровость 1, мужество 1, отвага 2, смелая 1.

– «Духовность» (5/12): глубокие люди 1, русский дух 3, великий дух 2, духовность 2, душа 4.

– «Способности» (6/6): изобретательность 1, креативность 1, находчивость 1, неординарность 1, талант 1, сила ума 1.

– «Отрицательные» (4/7): дураки 4, корысть 1, ленивая 1, надеяться на авось 1.

Как видим, русский человек характеризуется молодежью положительно, отмечается его доброта, открытость и дружелюбие, щедрость, сила духа, духовность, талантливость.

Наиболее редко упоминаются реалии современной жизни, которые в основном касаются спортивной и политической жизни, а также продуктов промышленного производства.

«Реалии современности» (7/16): ДПС 1, Крым 6, Олимпиада 3, Олимпиада-2014 2, Сочи-2014 2, Олимпийские игры 1, санкции 1.

«Промышленность» (8/8): Автоваз 1, ужасный автопром 1, смешной автопром 1, автомобиль Калашникова 1, железные дороги 1, поезд 1, Транссиб 1, шахты 1.

«Спорт» (3/8): хоккей 6, сильные спортсмены 1, сборная России по футболу 1.

Таким образом, анализ полевой и категориальной структуры концепта «Россия», существующего в сознании молодежи, позволил выявить следующие его категориальные признаки. Россия прежде всего предстает как положительно оцениваемое явление, родное, близкое и важное для молодого человека, его дом и семья. Отмечается ее величие, богатство, сила, единство, красота, независимость (свобода), самобытность, что вызывает чувство гордости и любви. Россия связывается с огромной территорией, обладающей природными богатствами, но отличающейся суровым климатом. Россия характеризуется определенным государственным устройством, централизованной властью, имеет богатую историю, культуру (прежде всего литературу и язык) и разнообразные народные традиции. Россия имеет и ряд общественных проблем (плохие дороги, затем взяточничество и бюрократизм, алкоголизм и преступность, бедность и отсталость). Отмечается доброта, открытость и дружелюбие, щедрость, сила духа, духовность, талантливость русского человека.

Подавляющее большинство реакций положительно окрашены, что позволяет сделать вывод о положительном образе России в представлении молодежи, высокой ценности данного понятия для молодых людей. Но следует отметить некоторую стереотипность представлений, которые уже достаточно давно сложились в общеевропейском сознании и бытуют до сих пор, хотя они уже далеки от современной российской действительности (ср., напр., медведь, лапти, балалайка и др.).

Данные наблюдения могут стать частью более глубокого и всестороннего анализа национального концепта «Россия», дополнить уже существующие исследования [4], могут быть использованы при сопоставительном анализе представлений о России, существующих в языковом сознании представителей различных социальных групп. Исследование концепта «Россия» позволит сделать выводы об особенностях картины мира и системы ценностей русского человека.

Примечания

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Чернова С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров, 2008; Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»): монография. Киров, 2010.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998; Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001; Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2003. Вып. 24. С. 5–11; Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33; Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002; Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47; Пименова М. В. Методология концептуального исследования // Вестник Кемеровского госуд. ун-та. Сер. «Филология». Кемерово, 2002. Вып. 4(12). С. 100–105; Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001; Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001; Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65; и др.

3. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 20.

4. Юрьева И. А. Концепт «РОССИЯ» как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008.

Notes

1. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow. 2004; Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow. 1987; Chernova S. V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz [Activity: linguistic analysis]. Kirov. 2008; Naumova N. G. Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poemy N. V. Gogolya «Mertvye dushi»): monografiya [Linguistic means of creating an image of I.P. Chichikov (based on the poem by N. V. Gogol "Dead souls")]: monograph]. Kirov. 2010.

2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow. 1998; Boldyrev N. N. Koncept i znachenie slova [The concept and meaning of the word] // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki - Methodological problems of cognitive linguistics / ed. by I.A. Sternin. Voronezh. 2001; Vorkachev S.G. Koncept kak «zontikovyj» termin [Concept as "umbrella" term] // Yazyk, soznanie, kommunikaciya - Language, consciousness, communication: coll. art. / resp. ed. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow. 2003. Vol. 24. Pp. 5-11; Demiyankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach] // Voprosy yazykoznaneya - Problems of linguistics. 1994, No. 4, pp. 17-33; Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominant in language] // Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs - Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd. 2002; E. S. Kubrakova Nachal'nye ehtapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psihologiya – kognitivnaya nauka [The initial stages of cognitivism: linguistics – psychology – cognitive science] // Voprosy yazykoznaneya - Problems of linguistics. 1994, No. 4, pp. 34-47; Pimenova M. V. Metodologiya konceptual'nogo issledovaniya [Methodology of the conceptual study] // Vestnik Kemerovskogo gosud. un ta. Ser. «Filologiya»- Herald of the Kemerovo State University. Ser. "Philology". Kemerovo, 2002, Vol. 4(12), pp. 100-105; Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays in cognitive linguistics]. Voronezh. 2001; Slishkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd. 2004; Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow. 2001; Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury koncepta [Research methodology of structure of the concept] // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki - Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh. 2001. Pp. 58-65; etc.

3. Pimenova M. V. Tipologiya strukturnyh ehlementov konceptov vnutrennego mira (na primere ehmocional'nyh konceptov) [Typology of structural elements of the inner world of concepts (for example, emotional concepts)] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki - Issues of cognitive linguistics. 2004, No. 1, p. 20.

4. Yuryeva I. A. Koncept «ROSSIYA» kak fragment russkoj nacional'noj kartiny mira perioda XX – nachala XXI vv.: dis. ... kand. filol. nauk [The concept "RUSSIA" as a part of Russian national picture of the world period of XX – beginning of XXI centuries]: dis. ... Cand. of Philology]. Magnitogorsk. 2008.

Антинигилистические поэмы А. К. Толстого: способы и приемы контекстуальной поэтики

В статье изучаются образы и мотивы, поэтические способы и приемы, позволяющие А. К. Толстому ввести своего читателя в философско-религиозный контекст: полемику между нигилистами и антинигилистами. В поэмах «Пантелей-целитель» и «Поток-богатырь» в результате органичного соединения фольклорного, библейского и антинигилистического литературного начал возникает сатирико-комический эффект, в полной мере отражающий позицию А. Толстого как писателя-антинигилиста.

The article investigates images and motives, poetical means and modes that help A. K. Tolstoy to make the audience understand the philosophical and religious context, the poetics between nihilists and anti-nihilists. His poems "Panteley the Healer" and "Potok the Hero" are marked off with the satiric and comic effect, which has appeared as the result of joining the folk, biblical and anti-nihilistic literary basis and fully reflects the opinion of anti-nihilistic writer A. K. Tolstoy.

Ключевые слова: антинигилизм, философско-религиозная полемика, 1860-е гг., образ-понятие, образ-персонаж, авторская позиция, контекстуальная поэтика.

Keywords: anti-nihilism, philosophical and religious polemics, 1860s, image-concept, author's opinion, contextual poetic.

Философско-религиозная полемика между нигилистами и антинигилистами была одним из самых заметных явлений середины и второй половины XIX в. В 1863 г. Н. С. Лесков характеризовал нигилизм как «социально-демократическо-материалистическое направление» [1]. Антинигилизм, концептуальной основой которого было христианство, был своего рода проявлением «инстинкта» самосохранения русской культуры в ситуации резкого столкновения традиционного и нетрадиционного, национального и инационального мировоззрения. В 1860–1870-е гг. сформировалась антинигилистическая ветвь русской литературы, наиболее ярко представленная прозой Достоевского, Писемского, Лескова, Гончарова, Авдеева, Авенариуса, Крестовского и др. Антинигилистический роман достаточно хорошо изучен историками литературы. В меньшей степени осмыслены антинигилистическая поэзия и драматургия. Поэтому «Пантелей-целитель» и «Поток-богатырь» Алексея Толстого представляют несомненный интерес как яркие примеры поэтических произведений антинигилистической направленности.

В журнале «Русский вестник» А. К. Толстой в 1866 г. опубликовал балладу «Пантелей-целитель» [2]. Источниками произведения являются, как известно, предания о святом врачевателе Пантелеймоне (память 27 июля) и народная песня «Пантелей-государь ходит по двору...».

Сюжетообразующий мотив в балладе – странничество Пантелея, собирающего травы и врачующего немощных, о чем речь идет в первой части:

Пантелей-государь ходит по полю,
И цветов и травы ему по пояс,
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам, невредным,
Отвечает поклоном приветным,
А которые растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.
По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное. (с. 254)

Вторая часть баллады – обращение героя-повествователя к государю Пантелею. Поэт воспроизводит молитвенную ситуацию: на Руси святой Пантелеймон «призывается в особенную молитвенную помощь при елеосвящении (соборовании. – Н. С.), в молитве за немощного и неспящего, при освящении воды» [3]:

Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей,
Свой чудесный елей
В наше раны излей,
В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опoенные злыми отравами, –
Помоги им своими ты травами! (с. 254)

Это не личная молитва к чудотворцу; это соборная молитва, в которой герой просит за всех. Молящийся герой обзореаует всех, здоровых и больных, переживая о немощных и прося милости у святого Пантелеймона. Следует отметить, что в этом фрагменте «молитвы» сделан акцент на необходимость врачевания не столько телесных, сколько духовных недугов:

В наши раны излей,
В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие. (с. 254)

Третья часть баллады – характеристика нового явления в обществе: «А еще, государь, – // Чего не было встарь – // И такие меж нас попадаютсЯ». За этим новым явлением закрепляется «ярлык»: болезнь.

Характеристика того, «чего не было встарь», воспринимается загадкой: оно ни разу не обозначено конкретным названием. Более того, стилизация устной речи «простого» человека, неискушенного в философии, воспроизводящего доступную для его разума суть нового учения «своими словами», как будто даже вуалирует явление, о котором идет речь. Но парадокс заключается в том, что читатель, познакомившись с предложенной пародийной характеристикой этого учения, делает безошибочное заключение: предмет сатирического изображения в балладе – русский нигилизм. Дело в том, что уже к середине 1860-х гг. в общественном сознании бытовал образ-понятие «нигилист». В публицистических, литературно-критических, историко-литературных и художественных публикациях русских антинигилистов осуществлялась деидеализация нигилизма и образа-понятия «новый человек», вошедшего в общественное сознание эпохи как воплощение нигилистических представлений об идеальном (положительном) герое времени с точки зрения «новых людей». Антинигилисты сформировали образ-понятие «нигилист», который содержит негативную оценку мировоззрения и деятельности «нового человека» [4]. Существующий в общественном сознании смысловой контекст создавал необходимые условия восприятия образа «нигилиста» как карикатуры на «нового человека». Нигилист в художественных и публицистических произведениях антинигилистов во всем был «новым человеком» со знаком «минус» по отношению к традиционному национальному мировосприятию: в мировоззрении, характере, поведении, внешнем облике и т. д.

Создавая в «Пантелее-целителе» образ нового явления русской жизни, А. Толстой пародирует учение нигилистов:

И такие меж нас попадаютсЯ,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гусярного,
Подавай им товара базарного!
Всё, чего им не взвесить, не смеряти,
Всё, кричат они, надо похерити;
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые,
И ученье-то их грязноватое. (с. 255)

Внимательный читатель вычленил в этой рекомендации все основные идеи нигилизма: материализм, отрицание нематериального и Божественного, отрицание духовного начала в человеке, принцип утилитаризма и антиэстетизм. Можно сравнить сатиру А. Толстого и несколько ироническую характеристику нигилистических взглядов, данную Н. Н. Страховым в статье «Милль. Женский вопрос» (1870):

«Между Богом и природою нет разницы. Бог есть природа, олицетворенная человеческой фантазией.

Между духом и материей нет разницы. Дух есть некоторая деятельность материи.

Между организмами и мертвыми телами нет разницы. Организмы суть создания физических и химических сил.

Между животными и растениями нет разницы. Чувствительность и так называемое произвольное движение суть явления рефлексов, совершающихся механически.

Между человеком и животными нет различия. Душевные явления человека совершаются точно так же, как и у животных.

Между душою и телом нет различия. Душа есть некоторая деятельность тела.

Между мужчиною и женщиною нет различия. Женщина есть как бы безбородый мужчина меньшего роста, чем обыкновенно бывают мужчины.

Между нравственностью и стремлением к счастью нет различия. Нравственно то, что ведет к человеческому благополучию.

Между прекрасным и полезным нет различия. Прекрасно только то, что ведет к некоторой пользе.

Между искусством и наукою нет различия. Искусство есть только особая форма для популяризации истин науки» [5].

А. Толстой использует отдельные знаковые приемы изображения нигилиста, сложившиеся в антинигилистических произведениях и вызывающие в сознании читателя карикатурный образ нигилиста: указания на крикливость, суетность и суетливость поведения «новых людей» («подавай им...», «кричат они», «приемы у них дубоватые»).

Эпитет «грязноватое» в балладе содержит авторскую оценку нигилизма, но в контексте литературной полемики между нигилистами и антинигилистами читатель может соотнести его со стереотипными портретными зарисовками героев-нигилистов в антинигилистических романах, в которых штампами стали детали портрета, связанные с определениями «грязный», «неумытый», «нечесанный», «небрежный», «косматый» и т. п. Отметим, что в контексте бесовской темы, сквозной в антинигилистических романах, эти определения помогают понять мировоззренческую позицию автора: антинигилисты рассматривали позитивистско-материалистическую концепцию мира и человека как находящуюся вне системы христианских ценностей, вне Бога, следовательно, как принадлежащую иному миру – потустороннему, сатанинскому.

В «Пантелей-целителе» новое учение – нигилизм – характеризуется как духовная болезнь молодого поколения. Поэт сатирически изображает новый тип мировосприятия. Сатирический эффект возникает благодаря осмыслению новых идей как нетрадиционных для русского сознания и ущербных в нравственном отношении, а также благодаря созданию пародии на образ мыслей новых людей и стилизации речи простонародного героя.

Сатира А. Толстого в балладе не содержит иносказания. В ней прямо, даже несколько грубовато (за счет стилизации просторечия) выражено неприятие нового учения. Откровенная прямолинейность автора в воплощении своей позиции проявляется не только в конкретной аттестации нового учения: «И ученье-то их грязноватое», – не только в призыве к Пантелеймону: «И на этих людей, // Государь Пантелей, // Палки ты не жалеи, // Суковатыя!», – но и в использовании характерного для поэтики Толстого принципа параллелизма.

«Виноватые» травы противопоставлены «благим», «добрым» в первой части произведения. Во второй части, характеризуя состояние общества, герой отмечает, что среди здоровых людей есть больные, но стремящиеся к излечению, есть, однако, и такие, которые «лечением всяким гнушаются», настолько они увлечены новыми идеями. Эти больны духом, их душевное состояние – страстное, греховное, болезненное. Смысл параллелизма в «описании» трав и общества выявляется введением объединяющего приведенные описания образа: Пантелея-целителя, наделенного атрибутом – суковатой палкой. В первом случае Пантелей «грозит» палкой «виноватым» травам; во втором – герой призывает его использовать эту палку для излечения современников от духовного недуга нигилизма.

Можно усмотреть в отмеченном параллелизме ситуаций и образов аллюзию на евангельскую притчу о пшенице и плевелах (Евангелие от Матфея, 13:24-30) и на толкование притчи Иисусом Христом: «Поле есть мир; доброе семя, это – сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого;

Враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Евангелие от Матфея, 13:38-39).

Такая ассоциация вполне оправдана антинигилистическим контекстом, который актуализирует в сознании читателя А. Толстой. В традиционном христианском сознании дьявол символизирует отрицание и разрушение. Поэтому образ-символ дьявола в сознании верующего или воспитанного в традициях христианской культуры человека естественно соотносится с философией нигилизма, поскольку краеугольными камнями нигилизма были отрицание и разрушение. Момент слияния двух смыслов: вечного и исторического – запечатлелся в высказывании Н. С. Лескова: «Пробужденная (после Крымской войны. – Н. С.) страна вышла именно с Богом; но в эту же пору в сии же прекрасные, незабвенные минуты являются охотники своротить ее с этой дороги на другую, по которой она пошла бы не с Богом, а с чертом» [6].

В целом, позицию А. Толстого, как и его современников-антинигилистов, можно представить цитатой из сборника «Материалы для разоблачения материалистического нигилизма. Собраны из немецких источников»: «Величайшее в Европе зло, нам современное, – это материалистические учения: они отрицают Бога, ниспровергают христианскую и всякую религию, растлевают нравственность и подкапывают все основы гражданского и политического устройств обществ. <...> Эта язва, к несчастью, проникает и к нам. <...> Конечно, русский народ слишком здоров природным рассудком, он слишком привержен к своей православной Вере, чтоб поддаться растлению материализма; за такой народ нечего бояться; но должно бояться того страшного разлада, который мог бы со временем последовать между высшими и низшими слоями русского общества» [7].

Создавая балладу, поэт выразил свое упование в деле исцеления общества на Бога и веру. «Толстой видел не только скелет духовного большевизма на просторах России... Он видел еще и другого странника, по русской земле ходящего. Странник этот: милостивая Благодать Христова в лице Пантелеймона Целителя. Первый скиталец сеет смерть. Второй странник – врачует мир и сеет жизнь...» [8].

В 1871 г. А. Толстой создает оригинальную стилизацию богатырского эпоса – былин «Поток-богатырь», в которой нашли продолжение и развитие антинигилистические мотивы его творчества.

В основе композиции и сюжета быliny лежит фантастически осмысленная ситуация отрыва героя от привычного мира: Поток-богатырь погружается в сон «на полтысячи лет» и просыпается два раза – во время царствования Ивана Грозного и в середине XIX в. Таким образом, три эпохи становятся предметом изображения: князя Владимира, царя Ивана IV Грозного и периода реформ 1850–1860-х гг.

Основным принципом композиции является антитеза. Противопоставление осуществляется как разноуровневое: от масштабного к более конкретному. Богатырская эпоха («доброе старое время») и новое время; в новом времени сравниваются периоды Грозного и реформ XIX в. Две эпохи – доисторическая (богатырская) и историческая (периоды царствования и реформирования) – сопоставляются как идеальная (в которой мироустройство соответствует национальной ментальности) и безыдеальная (в которой разрушены национально-религиозные устои). Два периода (картинки общественных нравов) внутри исторической эпохи противопоставлены также и в социально-идеологическом и политическом планах: тирания и деспотизм Грозного – эпоха гласности и либерализма в XIX столетии.

Во время первого пробуждения богатырь изумляется тому, что народ рабски поклоняется «земному богу». Это противно национальной традиции, вере: «Нам Писанием велено строго // Признавать лишь небесного Бога!» (с. 310).

Пробудившись второй раз, Поток-богатырь оказывается в городе на Неве (так можно обозначить место действия) и становится свидетелем событий, характеризующих состояние общества после проведения ряда реформ. Толстой показывает, до какого абсурда можно довести любые благие начинания: суд присяжных, гласность, демократизм, просвещение, эмансипацию женщин и др.

Сатирическое изображение современной поэту действительности основано на применении двух художественных приемов.

Во-первых, в быline противопоставлены две точки зрения: смекалистого, разумного героя-богатыря и персонажей из XIX в. с их надуманными, сочиненными, умозрительными теориями. Три микроэпизода в быline (посещение богатырем трех зданий) – три мини-диспута, во время которых излагаются взгляды представителей нового века, вызывающие недоумение у богатыря, что проявляется в задаваемых им вопросах и в размышлениях – вслух или «про себя».

С этим связан второй значимый прием сатирического обобщения: «В текст вводится “непонимающая” точка зрения. <...> простодушно-наивная – если она передается литературному персонажу или другому литературному субъекту. <...> В большинстве случаев “непонимающий” яв-

ляется одновременно и носителем авторской оценки изображаемого мира, а кроме того – носителем альтернативной моделирующей системы, носителем постулируемой истинной картины мира...» [9]. Думается, сатирическая былина «Поток-богатырь» принадлежит к этому «большинству случаев»: изумление богатыря – изумление автора, не принимающего «новые идеи», разрушающие разумное «старое».

Как и в балладе «Пантелей-целитель», Толстой воспроизводит основные положения нового «ученья», но, помимо этого, показывает следствия увлечения современников новым мироучением и соответствующим ему образом жизни.

Поэт выявляет прежде всего антирелигиозную направленность нигилизма:

Что, мол, нету души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа (с. 311), –

а также его «проекцию» в социально-политическую жизнь (своеобразие русского нигилизма 1860-х гг. определяется не только богоборчеством, но и радикализмом или, как говорили в XIX в., революционаризмом мышления, социально-политическим утопизмом): «И тот суд, и о Боге ученье, // И в сиянье мужик, и девицы без кос» (с. 313).

Более развернутым (в сравнении с балладой «Пантелей-целитель») является в былине «Поток-богатырь» описание нигилистов. Но выполнено оно также с учетом бытования в общественном сознании эпохи образа-понятия «нигилист». В нем множество образов, мотивов, деталей, сравнений, слов, выявляющих авторскую позицию и отношение к «новым людям».

Во-первых, функционально указание на профессию или род занятий нигилистов: «Там какой-то аптекарь, не то патриот», «Потрошат чье-то мертвое тело». Нет необходимости подробно комментировать приведенные цитаты из былины: известно, что увлечение и занятие естественными науками, медициной – знаковое явление, характеризующее в общественном сознании «новых людей» (достаточно вспомнить Евгения Базарова, героя романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева, или персонажей романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского).

Во-вторых, в былине развивается бесовская тема: «словно дернул их бес», «То ж бывает у нас и на Лысой Горе, // Только ведьмы хоть голы и босы...». В антинигилистической литературе и публицистике 1860-х гг. отчетливо проводилась мысль о нигилизме как «дьявольском» учении. Несколько позже, в 1881 г., подытоживая свои выступления против нигилизма и нигилистов, Н. Н. Страхов дал развернутое определение нигилизма как мировоззрения, несовместимого с христианской верой: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения. Нигилизм это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не так называемое революционное пламя. Поднимитесь <...> еще на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противлений законам души и совести; нигилизм это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеяние является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую. Безумие <...> под видом доблести дает простор всем страстям человека, позволяя ему быть зверем и считать себя святым» [10].

В-третьих, своеобразными ответвлениями бесовской темы являются мотивы безумия и сумасшедшести, которые не только участвуют в сюжетообразовании, но и характеризуют мировоззрение и поведение героев-нигилистов. Последнее изображено в былине «Поток-богатырь» таким образом, что остается впечатление какого-то всеобщего умопомрачения и беспорядка: «закричал на него патриот», «Тут все подняли крик», «Меж собой вперерыв, наподобье галчат, // Все об *общем* каком-то о *деле* кричат». Ужас вызывает у Потока-богатыря увиденное в анатомической палате.

В-четвертых, обозначен в былине А. Толстого традиционный в антинигилистической беллетристике мотив апостольства: «Там какой-то аптекарь, не то патриот, // Пред толпою ученье проводит», «к нему свысока // Патриот обратился сурово» (ср.: образы Павла Горданова, героя романа «На ножах» Н. С. Лескова, Губарева, героя романа «Дым» И. С. Тургенева, Марка Волохова – «Обрыв» И. А. Гончарова и др.).

В-пятых, знаковыми деталями нюансирован портрет нигилисток: «Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках, // Собрались красавицы кучей». Короткая стрижка, очки, балахонистая, напоминающая мужскую, одежда – атрибутивные детали в портретах героинь-нигилисток из перечисленных романов (например, Вансок, героиня «На ножах» Лескова).

В-шестых, весьма значимо в произведении воспроизведение слов из лексикона современников-демократов: «Слышно, почва, гуманность, коммуна, прогресс // И что кто-то заеден средою», «Про какие-то женские споря права...», «общее дело».

Комментируя данный фрагмент текста былины «Поток-богатырь», позволим себе не соглашаться с мнением И. П. Щеблыкина, который полагал, что «В этой иронической характеристике общественного возбуждения в 60–70-х гг. XIX в. <...> курсив, обозначенный поэтом, должен был, вероятно, подсказать, что автор осуждает не именно гуманизм и прогресс, а их суррогаты, на-кипь, или то, что Тургенев удачно назвал в своем предпоследнем романе “дымом”» [11]. Конечно, «суррогаты, накипь» Толстой, вероятно, тоже осуждал. Но, учитывая религиозность писателя, мы должны сделать вывод, что он не принимал гуманизм и прогресс, которые проповедовали «новые люди» как не соответствующие Слову Божьему.

В данном случае «чужое» слово становится объектом пародирования: включенное в чужеродный (слово автора-повествователя и героя) контекст, оно сатирически, комически отрицается как не соответствующее мировосприятию субъекта поэтического слова (автор-повествователь) и объектного героя (Потока-богатыря).

Функциональность введения в текст «чужих» слов определяется их знаково-стью: они указывают именно на нигилистов, «передовых людей», революционных демократов (как реальных исторических личностей, так и литературных героев). Кроме того, они обозначают факт фило-софско-религиозной и литературной полемики 1860-х гг.

Уже в конце 1850-х гг. в одном из самых массовых изданий – в журнале «Домашняя беседа для народного чтения» – появился обобщенный образ «прогрессиста». «Прогрессист» по типу мировоззрения – нигилист, придерживающийся «неверия, нравственного идолопоклонства и ожесточенного гонения на христианство <...> сомнения, неверия и отрицания» [12]. Он проповедует прогресс, свободу, равенство, гуманизм, противопоставляя их учению Христа: «Господь учил простирались вперед в делах веры, любви и надежды, утверждаясь на всепобеждающей силе Его, поставив притом идеалом совершенствования человеческого Бога самого: <...> а сатана выпустил какое-то самоусовершенствование и беспутный прогресс. Иисус Христос проповедовал, что мы все равны в очах Божиих как создание Его, как сонаследники жизни будущей, – а враг Христов пустил в свет идею самопроизвольного равенства. Спаситель мира возвещал свободу от рабства греху и диаволу, – а диавол, <...> оставил только свободу, в виде разнузданности. Господь повелел любить всех, как членов одной великой семьи, <...> а ненавистник человечества впустил гуманизм. Господь заповедал дела милосердия, повелевая творить их так, чтоб шуйца не знала про то, что делает десница, а бес окаянный изобрел хвастливую филантропию, и дело Божие кощунственно обратил в забаву и увеселение» [13].

Наконец, в-седьмых, эффективно используются в былине образы-метафоры: «И под слово прогресс, как в чаду и дыму».

Уникальным явлением, присущим антинигилистической романистике, было существование метафорических образов-посредников, то есть общих для данного пласта русской литературы. К таковым относится образ-метафора дым (или «дым и прах») – центральный в метафорическом плане романа «Дым» И. С. Тургенева. Однако этот образ использовали также В. Авенариус в «Современной идиллии», Лесков в романе «На ожах» (название одной из глав: «В дыму и искрах»). В романе Б. Маркевича (с которым был дружен, кстати, А. Толстой) «Марина из Алого Рога» образ дыма возникает опосредованно: через сопоставление с романом «Дым». Близок образу дыма по метафорическому смыслу образ кровавого пуфа в дилогии Крестовского «Кровавый пуф».

Сделанные наблюдения приводят к выводу о том, что А. Толстой поэтически емко и точно использовал при создании образа действительности (1860-е гг.) и главного ее героя – русского нигилиста – все структурообразующие элементы своеобразного инварианта: образа-понятия «нигилист», бытующего в общественном сознании.

Своими антинигилистическими произведениями А. Толстой органично «вписался» в текст русской литературы второй половины XIX в., что позволило ему быть предельно экономным в использовании художественных средств создания образа действительности. И это вполне оправданно: достаточно было ввести какую-либо знаковую деталь, чтобы вызвать у читателя соответствующие ассоциации, представления, знания, которые сформировались в продолжение десяти лет развития антинигилистической литературы. Практически каждый образ – переходного времени или нигилиста – в литературном произведении этих лет функционировал на фоне его предшествующего употребления, в кругу литературных ассоциаций.

В созданной поэтическими средствами обобщенной картине жизни современного общества А. Толстой, несомненно, использовал творческий опыт своих предшественников и современников – писателей-антинигилистов. Опосредованно – через культуру – он воспринимал и актуализи-

зировав общезначимые для национальной ментальности смыслы, которые, благодаря творчеству ряда писателей, уже получили адекватные формы художественного выражения, ставшие привычными для читателя. Такое «подключение» к творческому опыту обозначается в тексте при помощи образов и мотивов, сюжетных ситуаций и деталей, цитат и реминисценций, которые узнаваемы в культурно-историческом и литературном контексте.

Примечания

1. Лесков Н. С. Литературно-полеми́ческий вопрос (К издателю «Северной пчелы») // Лесков Н. С. ПСС: в 30 т. М., 1996. Т. 3. С. 373.
2. Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. М., 1963. Т. 1. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.
3. Христианство. Т. 2. С. 283.
4. См. подробнее: Старыгина Н. Н. Образ человека в русском полеми́ческом романе 1860-х годов. М.; Йошкар-Ола, 1996.
5. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки: в 2 кн. 1-е изд. СПб., 1887. Кн. 1. С. 175–177.
6. Лесков Н. С. Русские общественные заметки. Фельетон // Биржевые ведомости. 1870. 25 янв. № 39.
7. Материалы для разоблачения материалистического нигилизма. Собраны из немецких источников. СПб., 1864. С. I–III.
8. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Пророческий дух в русской поэзии. С. 195.
9. Фарыно Ежи. Введение в литературоведение. Ч. III. Катовица, 1980. С. 44.
10. Цит. по кн.: Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки: в 2 кн. 2-е изд. СПб., 1890. Кн. 2. С. 74–75.
11. История русской литературы XIX века. 40–60-е годы. С. 177.
12. Домашняя беседа. 1859. Вып. 1. С. 3.
13. Домашняя беседа. 1858. Вып. 18. С. 7–8.

Notes

1. Leskov N. S. Literaturno polemicheskij vopros (K izdatelju «Severnoj pchely») [Literary polemic question (to the publisher of "Northern bee")] // N.S. Leskov. MSS: in 30 vols. Moscow. 1996. Vol. 3. P. 373.
2. Tolstoy A. K. Coll. works: in 4 vols. Moscow. 1963. Vol. 1. Further references to this edition are given in the text with page numbers.
3. Hristianstvo - Christianity. Vol. 2. P. 283.
4. See more: Starygina N. N. Obraz cheloveka v russkom polemicheskome romane 1860 h godov [The image of man in Russian polemical novel of the 1860s]. Moscow; Yoshkar Ola. 1996.
5. Strakhov N. N. Bor'ba s Zapadom v nashej literature: Istoricheskie i kriticheskie ocherki [The struggle with the West in our literature: Historical and critical essays]: in 2 books. 1 ed. SPb., 1887. Book 1. Pp. 175-177.
6. Leskov N. S. Russkie obshchestvennye zametki. Fel'eton [Russian public notes. Feuilleton] // Birzhevyje vedomosti Stock register. 1870, 25 Jan., No. 39.
7. Materials to expose the materialistic nihilism. Compiled from German sources. SPb. 1864. Pp. I–III.
8. Archbishop John Of San Francisco. Prorocheskij duh v russkoj poehzii [The spirit of prophecy in Russian poetry]. P. 195.
9. Faryno Ezhi Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to literary studies]. Pt. III. Katowice. 1980. P. 44.
10. Cit. by the book: Strakhov N. N. Bor'ba s Zapadom v nashej literature. Istoricheskie i kriticheskie ocherki [The struggle with the West in our literature. Historical and critical essays]: in 2 books. 2 nd ed. SPb. 1890. Book 2. Pp. 74-75.
11. Istoriya russkoj literatury XIX veka. 40–60 e gody - History of Russian literature of the Nineteenth century. 40-60 years. P. 177.
12. Domashnyaya beseda - Home conversation. 1859. Vol. 1. P. 3.
13. Domashnyaya beseda - Home conversation. 1858. Vol. 18. Pp. 7-8.

Невербальное поведение человека и его отражение в художественном тексте (на материале повести А. П. Чехова «Моя жизнь»)

В статье на материале повести А. П. Чехова «Моя жизнь» характеризуется невербальное поведение человека. Автор дает определение понятия «коммуникативная ситуация» и распределяет языковой материал на две группы: 1) невербальные единицы, связанные с коммуникативной ситуацией, и 2) невербальные единицы, не связанные с коммуникативной ситуацией. Главным объектом характеристики являются слова и словосочетания первой группы. Исследование основывается на структурной схеме невербального поведения человека, разработанной В. А. Лабунской. Анализируя невербальные единицы, автор сосредоточивает внимание на тех из них, которые связаны с оптической системой коммуникации (контакт глазами, жесты, мимика и выразительные движения). Показывается, что А. П. Чехов чаще всего использует невербальные единицы, обозначающие контакт глазами и жестовую реакцию на происходящее. Отмечается необходимость при характеристике невербальных единиц языка не только данных словарей, но прежде всего результатов контекстуального анализа, так как многие невербальные единицы приобретают коммуникативную значимость только в контексте.

In the article on the material of Anton Chekhov's novel «My Life» non-verbal behavior of a man is characterized. The author defines the notion of «communicative situation» and distributes the language material into two groups: 1) non-verbal units related to the communicative situation and 2) non-verbal units not related to the communicative situation. The main objects of the characteristics are the words and phrases of the first group. Research is based on the structural scheme of non-verbal behavior of the person developed by V. A. Labunskaia. While analyzing the given units, the author focuses on those that are associated with the optical communication system (eye movements, gestures, facial expressions and expressive movements). It is shown that Chekhov often uses non-verbal ones, indicating the eye contact and gestural reaction to what is happening. It is noted the necessity of using in the analysis of non-verbal units not only the data of the dictionaries, but also the results of the contextual analysis, because many units get communicative meaning only in the context.

Ключевые слова: невербальные единицы языка, коммуникативная ситуация, художественный текст, невербальное поведение персонажа, оптическая система коммуникации.

Keywords: non-verbal language units, communicative situation, artistic text, non-verbal behavior of the character, the optical communication system.

Человек, будучи субъектом коммуникативного пространства, на внешнем уровне проявляет себя с помощью вербальных и невербальных единиц языка. Любой тип общения протекает в рамках коммуникативной ситуации. **Коммуникативная ситуация** – это «набор основных параметров коммуникативного события, помогающий ориентироваться в коммуникации и отличать одно коммуникативное событие от другого; обобщенная модель условий и обстоятельств, обуславливающих речевое поведение личности в коммуникативном событии» [1].

Невербальные единицы языка могут употребляться как связанные с коммуникативной ситуацией, так и как не связанные с ней. Проиллюстрируем это примерами из повести А. П. Чехова. (Здесь и далее текст повести цитируется по изданию А. П. Чехов 1983) [2].

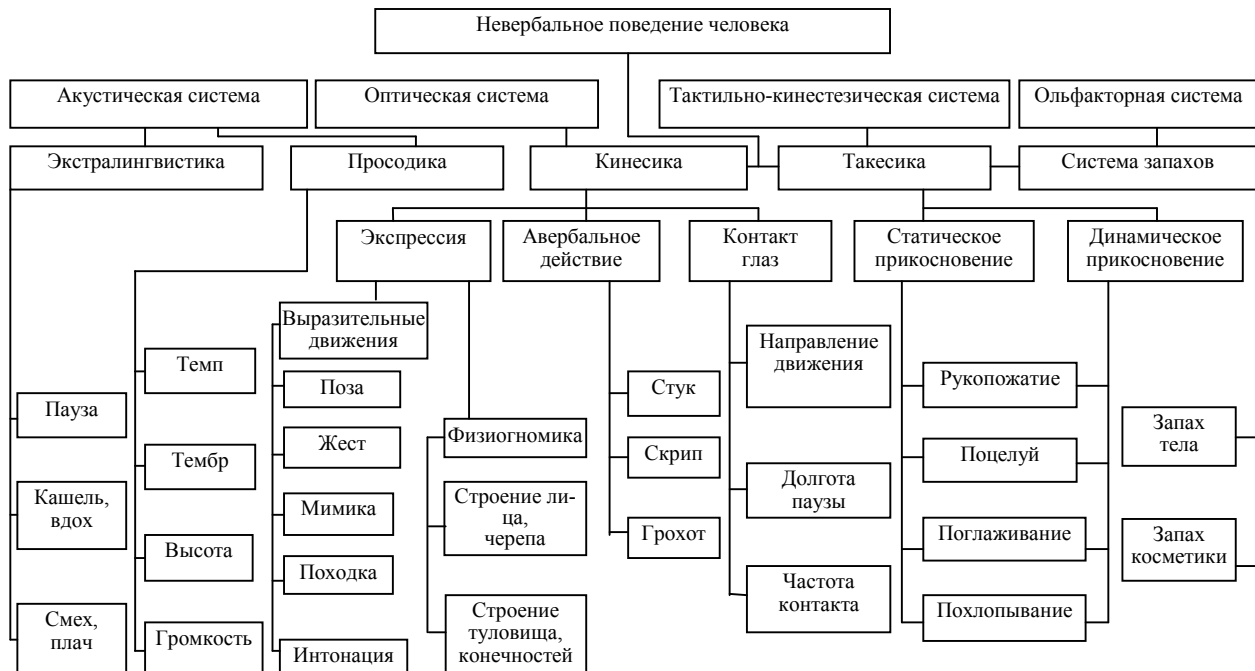
Ср., соответственно: 1. *В одно из воскресений ко мне неожиданно явился доктор Благово. Он был в кителе поверх шелковой рубахи и в высоких лакированных сапогах. – А я к вам! – начал он, крепко, по-студенчески, **пожимая** мне **руку**. – Каждый день слышу про вас и все собираюсь к вам потолковать, как говорится, по душам. В городе страшная скука, нет ни одной живой души, не с кем слово сказать* (с. 128).

2. *Я утомился, мало-помалу мною овладели слабодушие, лень, не хотелось двигаться, соображать, и, пройдя немного, я **махнул рукой** и вернулся назад* (с. 146).

Цель данной статьи – дать анализ невербальных единиц языка, связанных с коммуникативной ситуацией. Всего из повести «Моя жизнь» был извлечен 171 пример такого рода выска-

званий. Данные единицы отражают коммуникативное поведение человека, которое связано с общей системой средств невербальной коммуникации.

При отнесенности той или иной единицы к определенной области этой системы мы опирались на схему В. А. Лабунской [3].

Структурная схема невербального поведения человека
(схема В. А. Лабунской)

Наблюдения над конкретным языковым материалом показали, что в повести А. П. Чехова невербальные единицы, связанные с коммуникативной ситуацией, принадлежат **оптической** и **акустической** системам невербальной коммуникации. В настоящей статье ограничимся анализом невербальных единиц, принадлежащих оптической системе коммуникации.

Рассмотрим последовательно, какие именно единицы данной системы и как используются А. П. Чеховым для отражения различных коммуникативных ситуаций.

Оптическая система связана с областью кинесики. Г. Е. Крейдлин пишет: «Кинесика, понимаемая как наука о языке тела и его частей, является одной из центральных областей невербальной семиотики. Иногда кинесике отождествляют с техникой тела, включая в нее также незнакомые движения... Однако все же подавляющее большинство исследователей склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее учением о жестах, прежде всего жестах рук. Кроме того, объектом кинесики являются мимические жесты, позы и знаковые телодвижения...» [4]

В настоящей работе мы будем придерживаться трактовки кинесики как науки о жестах рук, мимических жестах, позах и знаковых телодвижениях. К области оптической системы невербальной коммуникации мы, вслед за В. А. Лабунской, отнесем и движения глаз (окулесику) (см. таблицу).

Единицы, отражающие невербальное поведение человека
в рамках оптической системы коммуникации, в повести А. П. Чехова «Моя жизнь»

Оптическая система коммуникации (всего 96 контекстов)			
Движение глаз	Жест	Мимика	Выразительные движения
43	41	8	3

Как видно из таблицы, чаще всего в повести А. П. Чехова используются невербальные единицы, обозначающие движение глаз, контакт глазами. Ср., напр.: – *Отчего вы не бываете у меня? – спросила она, поднимая свои умные, ясные глаза, а я сильно смутился от радости и стоял перед ней навтыяжку, как перед отцом, когда тот собирался бить меня; она смотрела мне в лицо, и по глазам ее было видно, что она понимает, почему я смущен* (с. 141).

Она пристально *вглядывалась* мне в лицо, стараясь прочесть мои тайные мысли, и если я при ней задумывался и молчал, то она это принимала на свой счет и становилась печальна. При-

ходило все время быть настороже, и когда она спрашивала меня, права ли она, то я спешил ответить ей, что она права и что я глубоко ее уважаю (с. 157).

В контекстах такого рода в качестве опорных А. П. Чехов использует глаголы **смотреть; осматривать; поглядеть; замечать; закрыть (глаза); подмигивать**.

Характер невербальной реакции определяется семантикой данных глаголов. Приведем толкования глаголов, отражающих контакт глазами, в толковом словаре. За основу возьмем «Толковый словарь современного русского языка» В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной [5], сопроводив словарные дефиниции примерами из повести А. П. Чехова.

Смотреть: «... 1. на кого-что, во что и с придат. Направлять взгляд куда-н., чтобы увидеть».

Ср., напр.: *Сестра и Анюта хотели спросить, как мне тут живется, но обе **молчали** и только **смотрели на меня**. Я тоже **молчал**. Они поняли, что мне тут не нравится, и у сестры навернулись слезы, а Анюта Благово стала красной. Пошли в сад. Доктор шел впереди всех и говорил восторженно: – Вот так воздух! Мать честная, вот так воздух!* (с. 124)

В данном контексте глагол **смотреть** реализует не только свое словарное значение, но выражает и дополнительный смысл, обусловленный характером коммуникативной ситуации. Из контекста ясно, что в составе данного высказывания выражение **смотрели на меня** обозначает ситуацию ожидания того, когда партнер вступит в коммуникацию. Это подтверждается тем, что глагол **смотреть** выступает как однородное сказуемое к глаголу **молчали**. Молчание в данной ситуации имеет смысловую нагрузку, является коммуникативно значимым, о чем свидетельствует успешность коммуникации (*Я тоже **молчал**. Они поняли, что мне тут не нравится...*)

Осматривать (осмотреть): «...1. Посмотреть на кого-что-н. с разных сторон; обходя и рассматривая, ознакомиться с чем-н. 2. Обследовать с какой-н. целью...»

Ср., напр.: *Она улыбалась и **осматривала** с любопытством и с недоумением мою **блузу, ведро с клейстером, обои, растянутые на полу**; я смутился, и ей тоже стало неловко. – Вы извините, что **я на вас смотрю так**, – сказала она. – Мне много говорили о вас. Особенно доктор Благово, – он просто влюблен в вас* (с. 133).

Глагол **осматривать** употребляется здесь для обозначения невербального контакта глазами с другим человеком. Семантика глагола **осматривать** не может быть воспринята в данном контексте без опоры на актуализаторы выражаемого им смысла. Это словоформы **с любопытством** и **с недоумением**. О том, что невербальное действие носит доброжелательный характер, свидетельствует включение глагола **осматривать** в однородный ряд со сказуемым **улыбалась** (*Она **улыбалась** и **осматривала***). Действие, обозначенное глаголом **осматривать**, распространяется на внешность доктора Благово, окружающие его предметы (блуза доктора, ведро с клейстером, обои). Героиня повести застаёт доктора за необычным для него занятием, поэтому ее взгляд и выражает любопытство и недоумение. Говоря «*Вы извините, что я на вас **смотрю так***», она приносит извинение за то, что смутила доктора. Сама она также смущена.

Поглядеть (глядеть, смотреть): «...1. на кого-что, во что и с придат. Направлять взгляд куда-н., чтобы увидеть».

Ср., напр.: *Она опять **поглядела** на ведро с клейстером, на обои и продолжала: – Я просила доктора Благово познакомить меня с вами поближе, но, очевидно, он забыл или не успел* (с. 133).

Здесь глагольная форма **поглядела** обозначает зрительный акт, направленный на постоянные предметы для того, чтобы сосредоточиться на разговоре с собеседником.

Вглядеться: «...сов. 1. кого-что. Всмотреться. // несов. вглядываться, -аюсь. Вглядываться вдаль. **Всмотреться:** ... сов. в кого-что. Напрячь зрение и внимание, чтобы рассмотреть. *Всмотреться в лицо вошедшего.* // несов. всматриваться, -аюсь».

Ср., напр.: *Губернатор, гуляя, зашел в беседку и от нечего делать заговорил со мною, и я напомнил ему, как он когда-то приглашал меня к себе для объяснений. Он минуту **вглядывался мне в лицо**, потом сделал рот, как о, развел руками и сказал: – Не помню!* (с. 166)

Глагольная форма **вглядывался** в данном контексте акцентирует внимание на попытке губернатора вспомнить о встрече с собеседником.

Закрывать (глаза): «...2. что. Сложить, сомкнуть что-н. раскрытое».

Ср., напр.: *Тощий, бледный, страшный Редька **закрыв глаза**, покачал головой и изрек тоном философа: – Тя ест траву, ржа – железо, а лжа – душу. Господи, спаси нас грешных!* (с. 126)

Выражение **закрыв глаза** свидетельствует о желании персонажа по имени Редька погрузиться в размышления, отстраниться от мира, изречь нечто глубокомысленное.

Подмигивать (подмигнуть): «мигнуть, давая знак».

Ср., напр.: *Обед был плохой. Подавали только пирог с горьким творогом и молочный суп. Елена Никифоровна, хозяйка, все время как-то странно **подмигивала** то одним глазом, то другим.*

Она говорила, ела, но во всей ее фигуре было уже что-то мертвенное и даже как будто чувствовался запах трупa. Жизнь в ней едва теплилась, теплилось и сознание, что она – барыня-помещица, имевшая когда-то своих крепостных, что она – генеральша, которую прислуга обязана величать превосходительством; и когда эти жалкие остатки жизни вспыхивали в ней на мгновение, то она говорила сыну: – Жан, ты не так держишь нож! (с. 123)

Глагольная форма **подмигивала** употребляется здесь для характеристики невербального поведения хозяйки во время обеда и беседы с присутствующими для того, чтобы подчеркнуть ее болезненное состояние (подмигивание носит рефлекторный характер, оно сопровождается речи хозяйки как произвольное движение глаз). Подмигивание здесь не выполняет коммуникативной функции.

Таким образом, мы охарактеризовали то, как А. П. Чехов использует в повести такое невербальное средство общения, как контакт глазами. Далее переходим к анализу жестовой коммуникации.

В повести А. П. Чехова зафиксирован 41 пример высказываний, обозначающих жестовые реакции на ту или иную коммуникативную ситуацию.

Чаще всего речь идет о жестах рук (13 примеров из 41). Ср.: **пожать (пожимать) руку, потирать руки, махнуть рукой, всплеснуть руками, брать под руку, держать за руку, сжимать руку, сложить руки на груди, заложить руки назад, протянуть (протягивать) руки**.

Толкования ряда из приведенных выражений (**всплеснуть руками, пожать (пожимать) руку, потирать руки, махнуть рукой**) содержатся в «Словаре языка русских жестов» [6]. Приведем эти толкования по данному словарю, проиллюстрировав нашими примерами.

Всплеснуть руками: «Х всплеснул руками = 'жестикулирующий Х показывает, что наступление некоторого Р было для него абсолютно неожиданным, он испытывает по поводу Р сильную эмоцию Q'»

Ср.: Звонок. С детства знакомые звуки: сначала проволока шуршит по стене, потом в кухне раздается короткий, жалобный звон. Это из клуба вернулся отец. Я встал и отправился в кухню. Кухарка Аксинья, увидев меня, **всплеснула руками** и почему-то заплакала. – Родной мой! – заговорила она тихо. – Дорогой! О, господи! (с. 163)

Выражение **махнуть рукой**, по данным словаря, употребляется в трех значениях. В нашем материале выражение **махнуть рукой** употребляется в значении 2.1.

Махнуть рукой 2.1 – «Х махнул рукой 2.1 = 'При мысли или упоминании о некотором неприятном для жестикулирующего Х-а обстоятельстве Р, Х показывает, что он отчаялся изменить Р и не хочет думать о нем'».

Ср.: – А теперь взгляни на себя, – сказал он, складывая газету, – нищий, оборванец, негодяй! Даже мещане и крестьяне получают образование, чтобы стать людьми, а ты, Полознев, имеющий знатных, благородных предков, стремишься в грязь! Но я пришел сюда не для того, чтобы разговаривать с тобой; на тебя я уже **махнул рукой**, – продолжал он придушенным голосом, вставая. – Я пришел затем, чтобы узнать: где твоя сестра, негодяй? (с. 131)

Выражение **пожимать руку**, по данным словаря, употребляется также в трех значениях. В нашем материале выражение **пожимать руку** употребляется в значении 1.1.

Пожимать руку 1.1 – «Х и Y пожимают 1.1 друг другу руки = 'Жестикулирующие Х и Y приветствуют друг друга и выражают готовность к возможной совместной деятельности'».

Ср.: – А я к вам! – начал он, крепко, по-студенчески, **пожимая мне руку**. – Каждый день слышу про вас и все собираюсь к вам потолковать, как говорится, по душам. В городе страшная скука, нет ни одной живой души, не с кем слово сказать. Жарко, мать пречистая! – продолжал он, снимая китель и оставаясь в одной шелковой рубаше. – Голубчик, позвольте с вами поговорить! (с. 128)

Потирать руки – «Х потирает руки = 'Поняв, что скоро будет иметь место ситуация Р, жестикулирующий Х показывает, что он предвкушает удовольствие, которые получит от Р'».

Ср.: Я слышал, как мой отец вернулся из клуба; он постучал в ворота, через минуту в окне показался огонь, и я увидел сестру, которая шла торопливо с лампой и на ходу одною рукой **потирала руки**, а сестра сидела в кресле неподвижно, о чем-то думая, не слушая его (с. 141).

Таким образом, мы охарактеризовали выражения, семантика которых описывается в «Словаре языка русских жестов». Проанализируем далее семантику выражений, отсутствующих в указанном словаре и других справочных источниках.

Сочетаний слов **пожать (пожимать) руку, сжимать руку, сложить руки на груди, заложить руки назад** мы не нашли в справочниках в качестве устойчивых единиц. Однако, по нашим наблюдениям, в контексте они выступают как целостные коммуникативные значимые единицы. Обратимся к особенностям их употребления в повести А. П. Чехова.

Сложить руки на груди

Ср.: *Сестра сложила на груди руки и сказала с увлечением: – Как она тебя любит, если бы ты знал! В этой любви она признавалась только мне одной, и то потихоньку, в потемках. Бывало, в саду заведет в темную аллею и начнет шептать, как ты ей дорог. Увидишь, она никогда не пойдешь замуж, потому что любит тебя. Тебе жаль ее?* (с. 162)

В приведенном примере выражение **сложила руки на груди** свидетельствует о возвышенном эмоциональном состоянии сестры, ее желании продемонстрировать восторг от того, что ее брата так сильно любят, и донести это чувство до адресата коммуникации. Рассматриваемый жест дополняет информацию, выраженную с помощью прямой речи, делая эту информацию более эмоциональной.

Сжимать руку

Ср.: *В полночь я провожал ее на вокзал. Она нежно обняла меня, вероятно, в благодарность за то, что я не задавал ненужных вопросов, и обещала писать мне, а я долго сжимал ее руки и целовал их, едва сдерживая слезы, не говоря ей ни слова* (с. 156).

В данном тексте сочетание слов **сжимал руки** является эмоциональной реакцией на нежность героини и ее обещание писать автору высказывания. Иными словами, **сжимать руки** – значит выражать ту или иную эмоцию, пытаюсь передать свои чувства другому лицу.

Заложить руки назад

Ср.: *Когда я делал что-нибудь в саду или на дворе, то Моисей стоял возле и, заложив руки назад, лениво и нагло глядел на меня своими маленькими глазками. И это до такой степени раздражало меня, что я бросал работу и уходил* (с. 146).

Выражение **заложив руки назад** с деепричастной формой глагола **заложить** указывает на то, что персонаж (Моисей) не занят никакой работой, бездельничает.

Пожать руку

Ср.: *Мария Викторовна ожидала меня и встретила, как старого знакомого, и пожала руку крепко, дружески. Она была в сером суконном платье с широкими рукавами и в прическе, которую у нас в городе год спустя, когда она вошла в моду, называли «собачьими ушами»* (с. 134).

В данном контексте **пожать руку** – это жест приветствия, предваряющий начало коммуникативного акта.

Два сочетания слов **протянуть (протягивать) руку** и **брать под руки** включаются в «Словарь русского языка» [7], где они толкуются так.

Протянуть (протягивать) руки: – «...помочь кому-либо».

Ср.: *Увидав инженера, я невольно сделал шаг назад, а он протянул ко мне обе руки и сказал, улыбаясь, показывая свои белые, крепкие, ямщицкие зубы: – Вот и он, вот и он! Очень рад видеть вас, господин маляр! Маша все рассказала, она тут спела вам целый панегирик* (с. 140).

Выражение **протянул руки** обозначает здесь дружественный, приветственный жест как акт помощи лицу, которое попыталось избежать контакта (я... сделал шаг назад).

Брать под руку: «...подхватывать, поддерживать под руку, за локоть».

Ср.: *– Вот и он, вот и он! Очень рад видеть вас, господин маляр! Маша все рассказала, она тут спела вам целый панегирик. Вполне вас понимаю и одобряю! – продолжал он, беря меня под руку. – Быть порядочным рабочим куда умнее и честнее, чем изводить казенную бумагу и носить на лбу кокарду. Я сам работал в Бельгии, вот этими руками, потом ходил два года машинистом* (с. 140).

В приведенном примере выражение **брать под руку** обозначает жест, который свидетельствует о проявлении внимания и доверительного отношения к человеку, об одобрении его действия.

Рассмотрев приведенные выше сочетания слов, мы там самым продемонстрировали, какие жесты рук используют персонажи А. П. Чехова.

Переходим к анализу других жестовых реакций. К такого рода реакциям можно отнести следующие: **пожать плечами, хлопнуть по плечу, обнять за плечи, покачать головой**.

Такие единицы невербальной коммуникации, как **пожать плечами** и **покачать головой**, толкуются в «Словаре языка русских жестов» [8].

Выражение «**пожать плечами**», по данным словаря, употребляется в двух значениях. В нашем материале выражение «**пожать плечами**» употребляется в значении 2.

Пожать плечами 2: – «Х пожимают плечами 2 = 'Жестикულიрующего Х отрицательно оценивает действие Р, произведенное адресатом или третьими лицами; Х показывает, что он не понимает, зачем адресат или третьи лица делают Р; Х считает это действие бессмысленным, глупым или неуместным, но не будет пытаться влиять на ситуацию».

Ср.: *Она с серьезным, холодным выражением оглядела мебель, точно хотела сосчитать ее, и продолжала: – Комфорт и удобства обладают волшебной силой; они мало-помалу затягивают людей даже с сильною волей. Когда-то отец и я жили небогато и просто, а теперь видите как.*

Слышанное ли дело, – сказала она, **пожав плечами**, – мы проживаем до двадцати тысяч в год! В провинции! (с. 134)

Выражение **покачать головой**, по данным словаря, употребляется также в двух значениях. В нашем материале оно соответствует значению 2.

Покачать головой 2: – «Х покачал головой 2 = 'Адресат высказывает мнение, что Р, жестикулирующий Х, показывает, что Р не имеет места или что он считает, что скорее не Р, чем Р».

Ср.: *Маляр остановился и взял меня за пуговицу. – Михаил Алексеич, ангел вы наш, – продолжал он, – я так понимаю, ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать. Тощий, бледный, страшный Редька закрыл глаза, покачал головой и изрек тоном философа: – Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу. Господи, спаси нас грешных!* (с. 126)

Такие коммуникативно значимые единицы, как **похлопать по плечу; обнять за плечи; раскрывая рот широко и кругло, как буква о; с открытым ртом** интерпретируются нами исключительно с опорой на контекст, так как в справочной литературе они как целостные единицы отсутствуют.

Похлопать по плечу

Ср.: *– Вот умница, – сказал он, принимая от нее стакан. – Тебе нельзя много говорить, а в последнее время ты болтаешь, как сорока. Пожалуйста, молчи. Она засмеялась. Потом он вышел в комнату Редьки, где я сидел, и ласково похлопал меня по плечу. – Ну что, старик? – спросил он, наклоняясь к больному* (с. 163).

В представленном контексте выражение **похлопать по плечу** означает демонстрацию одобрительного, покровительственного отношения к человеку.

Обнять за плечи

Ср.: *В порыве нежной любви, которая вдруг прилила к моему сердцу, со слезами, вспоминая почему-то нашу мать, наше детство, я обнял ее за плечи и поцеловал. – Что с тобой? – спросил я. – Ты страдаешь, я давно это вижу. Скажи, что с тобой? – Мне страшно... – проговорила она дрожа* (с. 152).

Выражение **обнять за плечи** свидетельствует здесь о проявлении сострадания к человеку, желании его поддержать.

Охарактеризовав невербальные единицы жестового характера персонажей повести А. П. Чехова «Моя жизнь», переходим к анализу мимики (восемь примеров).

В тексте повести используются мимические единицы, связанные с изменениями формы рта.

Ср.: *Молодой чиновник опять указал мне двумя руками на дверь, и я направился к большому зеленому столу, за которым стоял военный генерал с Владимиром на шее. – Господин Полознев, я просил вас явиться, – начал он, держа в руке какое-то письмо и раскрывая рот широко и кругло, как буква о, – я просил вас явиться, чтобы объявить вам следующее* (с. 138).

Выражение **раскрывая рот широко и кругло, как буква о** указывает на особенности артикуляции генерала, на его манеру произношения.

Ср.: *Итак, прошу вас – или изменить ваше поведение и вернуться к обязанностям, приличным вашему званию, или же, во избежание соблазна, переселиться в другое место, где вас не знают и где вы можете заниматься, чем вам угодно. В противном же случае я должен буду принять крайние меры. Он с полминуты простоял молча, с открытым ртом, глядя на меня. – Вы вегетарианец? – спросил он. – Нет, ваше превосходительство, я ем мясо* (с. 138).

Выражение **с открытым ртом** обозначает в данном контексте выжидательную позицию говорящего по отношению к собеседнику, который не торопится реагировать на услышанное. В проанализированных примерах главным органом мимических реакций является рот.

В повести А. П. Чехова представлены и другие мимические реакции. Они обозначаются глаголами **хмуриться, улыбаться и краснеть**. Толкования этих глаголов приведем по словарю [9].

Хмуриться: «...1. Становиться хмурым, угрюмым под влиянием плохого настроения, раздражения и т. п.»

Ср.: *Мы не держались этого; косари и бабы стояли у нас на дворе до позднего вечера, ожидая водки, и потом уходили с бранью. А Маша в это время сурово хмурилась и молчала или же говорила доктору с раздражением, вполголоса: – Дикари! Печенег!* (с. 149)

Словарного толкования недостаточно, чтобы понять специфику невербальной реакции, обозначенной глаголом **хмуриться**. Требуется объяснить, что **хмуриться** – значит сводить брови к переносице, придавая лицу угрюмое выражение.

Краснеть: «...3. перен. Стыдиться».

Ср.: *– Мой отец говорил о вас, – сказала она сухо, не глядя на меня и краснея. – Должиков обещал вам место на железной дороге. Отправляйтесь к нему завтра, он будет дома* (с. 118).

Деепричастная форма глагола **краснеть** обозначает покраснение кожи как следствие эмоциональной реакции на то или иное событие. В данном случае это стыдливость.

Улыбаться: «1. Улыбкой выражать какие-л. чувства».

Ср.: – А, здравствуйте! – сказала она, тотчас же узнав меня и протягивая руку. – Очень рада вас видеть. Она **улыбалась** и осматривала с любопытством и с недоумением мою блузу, ведро с клейстером, обои, растянутые на полу; я смутился, и ей тоже стало неловко (с. 133).

В приведенном контексте улыбка как мимический жест свидетельствует о выражении положительной эмоции (радости) как реакции на происходящее.

В одном случае можно говорить о выразительном движении как невербальной реакции на происходящее. Такую функцию выполняет словосочетание **ходить по комнате**.

Ср.: – Который теперь час? – беспокоилась сестра. – Нам бы пораньше вернуться, папа отпустил меня к брату только до шести часов. – Ох, уж ваш папа! – вздохнул доктор. Я поставил самовар... Моя сестра уже не собиралась домой, а в волнении **ходила по комнате** и говорила: – Мне весело! Мне очень, очень весело! (с. 118)

Контекст однозначно указывает на то, что героиня испытывала волнение и поэтому **ходила по комнате**, то есть это выражение является невербальным обозначением эмоции.

Таким образом, мы охарактеризовали невербальные единицы, связанные с оптической системой коммуникации, в повести А. П. Чехова «Моя жизнь». Среди этих единиц преобладают те, которые обозначают контакт глазами и жестовые реакции на происходящее. Анализ материала показал, что сочетания слов, обозначающие невербальные реакции на происходящее и выступающие как коммуникативно значимые, далеко не всегда выделяются в словарях как целостные единицы, подлежащие толкованию. Это свидетельствует о необходимости контекстуального выделения и описания таких единиц. Ср., напр., словосочетание **ходить по комнате**, которое только в контексте приобретает коммуникативную значимость.

Примечания

1. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
2. Чехов А. П. Сочинения: в 2 т. М., 1983.
3. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д, 1999. С. 27.
4. Крейдлин Г. Е. Кинесика // Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001. С. 166.
5. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
6. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
8. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Указ. соч.
9. Словарь русского языка... С. 93–94, 104–106.

Notes

1. Matveeva T. V. Uchebnyj slovar': russkij yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika [Academic dictionary of Russian language, culture of speech, stylistics, rhetoric]. Moscow. 2003.
2. Chekhov A. P. Works: in 2 vols. Moscow. 1983.
3. Labunskaya V. A. EHkspressiya cheloveka: obshchenie i mezhlichnostnoe poznanie [Expression of man: communication and interpersonal cognition]. Rostov-na-Donu. 1999. P. 27.
4. Cradlin G. E. Kinesika [Kinesics] // Grigorieva S. A., Grigoriev N. V., Cradlin G. E. Slovar' yazyka russkih zhestov [Dictionary of Russian language of gestures]. Moscow; Vienna. 2001. P. 166.
5. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow. 2009.
6. Grigorieva S. A., Grigoriev N. V., Cradlin G. E. Slovar' yazyka russkih zhestov [Dictionary of Russian language of gestures]. Moscow; Vienna. 2001.
7. Slovar' russkogo yazyka - Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / under the editorship of A. P. Evgenieva. Moscow. 1999.
8. Grigorieva S. A., Grigoriev N. V., Cradlin G. E. Op. cit.
9. Slovar' russkogo yazyka - Dictionary of the Russian language... Pp. 93-94, 104-106.

Микросистема названий кузнечных мехов в горнозаводской терминологии XVIII в.

В статье решаются актуальные проблемы исторической лексикологии русского языка. Привлекая к рассмотрению не вошедшие еще в научный обиход архивные материалы, автор прослеживает историю формирования микросистемы терминов кузнечного дела.

В статье в семантическом и ономазиологическом аспектах анализируется общерусский кузнечный термин – гипероним «мех» и его гипонимы. Освещены этимология, семантика, структура, ареалы терминов. Выявлены способы номинации терминов. Данная микросистема терминов в преднациональный период формировалась средствами родного языка.

The article deals with actual problems of the historical lexicology of the Russian language. The author traces the history of formation of the blacksmithing terms microsystem, examining the archival documents not widely known within the scientific circles.

The article analyses general Russian blacksmithing terms – hyperonyms “bellows” and its hyponyms in onomasiological aspect. The article also considers etymology, semantics, structure, terms range. The methods of nomination were discovered. This term microsystem in the pre national period was forming by means of the native language.

Ключевые слова: историческая лексикология, деловая письменность, терминология, способы номинации, синтаксическая деривация, семантическая деривация.

Keywords: historical lexicology, business written language, terminology, methods of nomination, syntactical derivation, semantic derivation.

Формирование производственно-технической терминологии, возникшей на основе общенародного языка, отражается в текстах региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. Процессы образования кузнечной и, в дальнейшем, горнозаводской терминологии отражаются в лексико-семантической группе (ЛСГ), или микросистеме «Названия кузнечных мехов».

В данной статье в ходе анализа материала мы установили происхождение терминов названной микросистемы, определили их семантику и структуру, установили признаки и способы номинации, ареалы отдельных терминов. Внимание сконцентрировано на сущности лексико-семантических изменений бытовых слов (метафоризации) в связи с происходящей терминологизацией, а также на структурных типах терминов.

Источниками исследования послужили материалы деловой письменности преднациональной эпохи: документы Олонекских, Тульских, Уральских заводов, в качестве дополнительных использованы данные исторических и региональных словарей.

В горнозаводской документации для наименования горнозаводских печей, предназначенных для тепловой обработки руды, металла, употреблялись термины *печь, печка, горн (горно), домна* и терминологические составные наименования (СН) с этими опорными словами. Вопрос формирования микросистемы терминов «названия горнозаводских печей» достаточно подробно рассмотрен автором в опубликованной работе [1]. Необходимо продолжить анализ номинаций горнозаводского оборудования в целом и рассмотреть в данной статье «названия кузнечных мехов».

С древнейших времен для раздувания огня в плавильные и кузнечные печи искусственно подавался воздух при помощи специального устройства – мехов.

Этимология и история семантического развития термина *мех* «кузнечный мех» детально исследованы О. Н. Трубачевым [2].

Отметим, что в древнерусской письменности общеславянская лексема *мех* имела ряд значений, среди них первичным является «шкура животного, мех» – XI в. [3] Поскольку первоначальные приспособления для нагнетания воздуха делались также из шкур, отсюда формируется значение «кузнечные мехи» [4]. Лексема *мех* «кузнечный мех» известна уже с XII в. [5]

С начала XVII в. в горнозаводских источниках частотна лексема *мех* преимущественно в форме мн. ч. *мехи*, а с начала XVIII в. преобладает вариант *меха*, поскольку к каждой печи (горну) ставили обычно не менее двух мехов. Уже с 1608 г. терминологические варианты функционировали в значении «устройство для нагнетания воздуха, употреблявшееся для раздувания огня в горнах»: *да востроге... молотъ клещи мѣхи кузнечные* [6]. См. также: *куплено... на мехи 5 кож деланных белых (1671 г.)* [7]; *и горны складены и мѣха навешиваемъ (1720 г.)* [8].

В названном значении термин *мех* имел общерусский ареал [9].

Семантика термина *мех* (мн. ч. *мехи*, *меха*) в олонекских текстах конкретизировалась с помощью определений, характеризующих разновидность реалии указанием на разные мотивировочные признаки: 1) материал, из которого изготовлен мех: *кожаный мех* «мех с двумя кожаными и складчатыми стенками (планками), с имеющимися в них воздухоудными отверстиями-клапанами; употреблявшийся для вдувания воздуха в кузнечный горн»: *меховой мастеръ дѣлаетъ коженные 1 меха в недѣлю, кож поидетъ 9 яловичныхъ (1721 г.)* [10]; *деревянный мех* – «большой мех с двумя продолговатыми деревянными верхней и нижней крышками, с имеющимися в них воздухоудными отверстиями-клапанами; употреблявшийся для вдувания воздуха в плавильную печь»: *при каждом доменном горну по паре меховъ деревянныхъ (1728 г.)* [11].

Названные терминосочетания имели общерусское распространение [12];

2) назначение или применение мехов и опосредованно на конструктивные особенности (величина, размер). Отметим, что конструктивные особенности мехов всецело зависели от их назначения. Синонимический ряд (СР): *доменный мех*, *большой мех* – «значительный по величине деревянный мех, приводившийся в действие водяным колесом и употреблявшийся для вдувания воздуха в плавильную (доменную) печь»: *дѣлаютъ доменные мѣха (1703 г.)* [13]; *делал мехи большие новые к плавильне (1672 г.)* [14]; термин – фразовое наименование: *въ якорной 4 мѣха болшия которые водою дуютъ (1727 г.)* [15]; синонимический ряд (СР): *кузнечный (кузнеческий) мех*, *ручной мех*, *малый мех* «небольшой по величине кожаный мех, приводившийся в действие обычно руками и употреблявшийся для вдувания воздуха в кузнечный горн; кузнечный мех»: *да востроге... мѣхи кузнечные (1608 г.)* [16]; *дѣлаютъ кузнеческия мѣха (1703 г.)* [17]; *въ якорной 4 пары ручныхъ мѣховъ (1727 г.)* [18]; *зделаетъ малые ручные мѣха въ 3 дни 1 пару кож поидет... (1721 г.)* [19].

Названные терминосочетания этой подгруппы имели общерусский ареал [20].

В деловых текстах отмечаются многокомпонентные СН, выражающие родо-видовые отношения и опирающиеся на несколько мотивировочных признаков, например: *меха деревянные болшия (1728 г.)* [21]; *меха деревянные доменные болшия (1721 г.)* [22]; *меха ручные малые (1721 г.)* [23]; *меха ручные кожаные (1734 г.)* [24].

В исследуемых текстах «трубка в мехе, через которую дутьё подавалось из меха в горн» обычно обозначалась с помощью СН *меховая труба*, изредка однословным термином *труба* (чаще во мн. ч.), см.: *в припасѣхъ... 7 меховыхъ вѣтхихъ трубъ 5 пудъ (1720 г.)* [25]; *под домами 4 пары болшихъ деревянныхъ мѣховъ трубами (1728 г.)* [26].

В таком значении данные термины имели общерусский ареал [27].

В памятниках древнерусской письменности слово *труба* регистрируется с XV в. в значении «труба водопроводная, акведук, канал» [28].

Лексема *труба* «жолоб, труба» является «сквозным» термином. В качестве опорного слова *труба* частотно в составе атрибутивных сочетаний, которые в специальных терминологизированных значениях с давних пор входят в терминологию разных промыслов и ремесел, например: соляного, строительного дела, медицины, музыки и др. [29]

Исследуемая группа терминов складывалась постепенно и в разные периоды развития русского языка пополнялась синонимами и вариантами. Гипероним *мех* восходит к древнерусскому (общевосточнославянскому) языку. Варианты множественного числа в терминологическом значении возникают последовательно: *мехи* – в среднерусский период, *меха* – в преднациональный. В лексической системе старорусского языка формируется СН *кузнечный мех*. Большинство терминов – СН пополнило терминосистему в начальный период становления русского национального языка: *кожаный мех*, *деревянный мех*, синонимы *кузнеческий мех*, *ручной мех* и *малый мех*, синонимы *доменный мех* и *большой мех* и др. Так, основная масса СН формируется в преднациональный период. В большинстве своем анализируемые термины имели общерусское распространение.

К продуктивным способам номинации относится синтаксическая деривация, которая представлена типичной структурой – двусловным СН: имя прил. + имя сущ. (*доменные мехи* др.). Данный способ номинации систематизирует лексику: включает созданный термин в терминосистему путем актуализации родо-видовых отношений, позволяет четко отразить дифференциальные характеристики денотата. Между словом, на основе которого позже формируется СН, и СН разви-

ваются деривационные системные отношения. В структуре компонентов СН развиваются синтагматические отношения.

Системные парадигматические отношения прослеживаются между компонентами синонимических и антонимических пар.

Ср. синонимические пары: *большой мех – доменный мех; малый мех – ручной мех – кузнечный мех.*

В антонимических парах противопоставление создается включением антонимичных терминоэлементов в СН: *большой мех – малый мех*

Для терминов – гиперонимов наиболее свойствен способ семантической деривации (в данном случае метафоризация): термины *мех, труба* образовались на основе развития специального терминологического значения у общеупотребительных слов.

Как видно, в преднациональный период становление данной микросистемы горнозаводской терминологии целиком шло за счет внутренних ресурсов русского языка, терминосистема формировалась средствами родного языка.

Примечания

1. Юдина Т. М. Вариативность языковых средств в горнозаводской терминологии конца XVII – начала XVIII веков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2014. № 2. С. 181–184.

2. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. М.: Наука, 1966. С. 377–379.

3. Трубачев О. Н. Там же. С. 377; Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII вв.). Вып. IX. М.: Наука, 1982. С. 129.

4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е, доп. М.: Просвещение, 1975. С. 264.

5. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 190.

6. Харузин Н. Н. Русские лопари. Приложения: Писцовая книга Алая Михалкова 1608–1609 гг. / Книги Кольского острогу и Кольского уезду Погосских волостей и Лопских погостов письма и дозору Алая Ив. Михалкова да дьяка Василия Мартемьянова лета 7116 и 117 и 119 гг. М., 1890. С. 410.

7. Крепостная мануфактура в России (далее – КМР): Ч. II: Олонецкие медные и железные заводы / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд. АН СССР, 1931. С. 23.

8. Берг Коллегия (далее – БК): Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Кн. 557. Л. 325.

9. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 года. М., 1937. С. 105, 332; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. IX. С. 131; Щеглова Н. А. Словарь тульского оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.: прил. к дис. «Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.». М., 1964. С. 236.

10. БК: РГАДА. Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Кн. 559. Л. 59 об.

11. БК: РГАДА. Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Кн. 799. Л. 25 об.

12. Геннин В. И. Указ. соч. С. 325, 449; Щеглова Н. А. Указ. соч. С. 237.

13. БК: РГАДА. Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Кн. 634. Л. 1258 об.

14. КМР. Указ. соч. Ч. II. Л., 1931. С. 41.

15. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 799. Л. 17.

16. Харузин Н. Н. Указ. соч. С. 410.

17. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 634. Л. 1067.

18. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 799. Л. 17.

19. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 559. Л. 60.

20. Геннин В. И. Указ. соч. С. 336; Щеглова Н. А. Указ. соч. С. 236.

21. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 799. Л. 230 об.

22. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 559. Л. 59 об.

23. Там же. Л. 60.

24. Канцелярия Петровских Олонецких заводов (далее – Канц. Петр. з.): РГАДА. Ф. 299. Оп. 1. Д. № 44. Наряд доношений и прошений старост прописных к заводу погостов и волостей о новых инструментах для заводов 1741 г. Л. 241.

25. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 634. Л. 1289 об..

26. БК: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 799. Л. 230 об.

27. Геннин В. И. Указ. соч. С. 321, 326; Щеглова Н. А. Указ. соч. С. 441, 480.

28. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. III. М.: Книга, 1989. С. 1004; Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 336.

29. Срезневский И. И. Указ. соч. Т. III. С. 1004; Словарь церковнославянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. IV. СПб., 1847. С. 631; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Рус. яз., 1982. С. 435.

Notes

1. *Yudina T. M.* Variativnost' yazykovykh sredstv v gornozavodskoj terminologii konca XVII – nachala XVIII vekov [The variability of linguistic resources in mining terminology of the late XVII – early XVIII centuries] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova - Herald of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*. Kostroma, 2014, No. 2, pp. 181-184.
2. *Trubachev O. N.* Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykah: Ehtimologiya i opyt gruppovoy rekonstrukcii [Craft terminology in Slavic languages Etymology and experience of group reconstruction]. Moscow. Nauka. 1966. Pp. 377-379.
3. *Trubachev O. N.* Ibid. P. 377; *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.*- Dictionary of Russian language of XI-XVII centuries [hereinafter – DRL XI-XVII]. Vol. IX. Moscow. Nauka. 1982. P. 129.
4. *Shansky N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V.* Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [A concise etymological dictionary of the Russian language]. Ed. 3d, add. Moscow. Prosveshcheniye. 1975. P. 264.
5. *Kochin G. E.* Materialy dlya terminologicheskogo slovary drevnej Rossii [Materials for terminological dictionary of ancient Russia]. Moscow; Leningrad. 1937. p. 190.
6. *Haruzin N. N.* Russkie lopari. Prilozheniya: Piscovaya kniga Alaya Mihalkova 1608–1609 gg. [Russian Lopars. Applications: Scribe's book of Alay Mikhalkov 1608-1609] / *Knigi Kol'skogo ostrogu i Kol'skogo uezdu Pogosskikh volostej i Lopskikh pogostov pis'ma i dozoru Alaya Iv. Mihalkova da d'yaka Vasiliya Martem'yanova leta 7116 i 117 i 119 gg.*- Books of Kola fort and Kola County of Pogoss townships and Lop graveyards letters and watch of Alay Mikhalkov and deacon Basil Martem'yanov of summer 7116 and 117 and 119 year. Moscow. 1890. P. 410.
7. *Krepostnaya manufaktura v Rossii - Fortress manufactory in Russia (hereinafter FMR): Pt. II: Oloneckie mednye i zheleznye zavody - Olonets copper and iron plants / ed. by M. N. Pokrovsky.* Leningrad: Publ. of SA USSR. 1931. P. 23.
8. *Berg Kollegiya: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov - Berg Board (hereinafter BB): Russian state archive of ancient acts (further – RSAAA).* F. 271. Timesheets and statements of Olonets factories. Sh. 1. Book 557. Sh. 325.
9. *Gennin V. I.* Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov 1735 goda [Description of the Ural and Siberian plants of 1735]. Moscow. 1937. Pp. 105, 332; DRL XI-XVII centuries. Is. IX. P. 131; *Shcheglova N. A.* Slovar' tul'skogo oruzhejno zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII-XVIII vv.: pril. k dis. «Terminologicheskaya leksika oruzhejno zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII-XVIII vv.» [Dictionary of Tula armory and iron production of XVII-XVIII centuries: appendix to dis. "Terminological vocabulary of armory and iron production of the XVII-XVIII centuries"]. Moscow. 1964. P. 236.
10. BB: RSAAA. F. 271. Tabeli i vedomosti Oloneckikh zavodov - Timesheets and statements of Olonets factories. Sh. 1. Book 559. Sh. 59 turn.
11. BB: RSAAA. F. 271. Tabeli i vedomosti Oloneckikh zavodov - Timesheets and statements of Olonets factories. Sh. 1. Book 799. Sh. 25 turn.
12. *Gennin V. I.* Op. cit. Pp. 325, 449; *Shcheglova N. A.* Op. cit. P. 237.
13. BB: RSAAA. F. 271. Tabeli i vedomosti Oloneckikh zavodov - Timesheets and statements of Olonets factories. Sh. 1. Book 634. Sh. 1258 turn.
14. FMR. Op. cit. Pt. II. Leningrad. 1931. P. 41.
15. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 799. Sh. 17.
16. *Harazin N. N.* Op. cit. P. 410.
17. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 634. Sh. 1067.
18. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 799. Sh. 17.
19. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 559. Sh. 60.
20. *Gennin V. I.* Op. cit. P. 336; *Shcheglova N. A.* Op. cit. P. 236.
21. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 799. Sh. 230 turn.
22. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 559. Sh. 59 turn.
23. Ibid. Sh. 60.
24. *Kancelyariya Petrovskikh Oloneckikh zavodov - The office of Peter Olonets factories (hereinafter – Chanc. Peter f.): RSAAA. F. 299. Sh. 1. File No. 44. Naryad donoshenij i proshenij starost propisnykh k zavodem pogostov i volostej o novykh instrumentah dlya zavodov 1741 g.* -Order of delations and petitions of headmen to factories of graveyards and counties about new tools for plants 1741. Sh. 241.
25. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 634. Sh. 1289 turn.
26. BB: RSAAA. F. 271. Sh. 1. Book 799. Sh. 230 turn.
27. *Gennin V. I.* Op. cit. Pp. 321, 326; *Shcheglova N. A.* Op. cit. Pp. 441, 480.
28. *Sreznevsky I. I.* Slovar' drevnerusskogo yazyka [Dictionary of old Russian language]. Vol. III. Moscow: Kniga. 1989. P. 1004; *Kochin G. E.* Op. cit. P. 336.
29. *Sreznevsky I. I.* Op. cit. Vol. III. P. 1004; Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, comp. by The Second branch of the Imp. Academy of Sciences. Vol. IV. SPb. 1847. P. 631 (in Russ.); *Dal V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. IV. Moscow. Rus. yaz. 1982. P. 435.

Воспитательная деятельность вузов в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО)

В условиях реализации ФГОС ВО использование потенциала воспитательной работы является существенным ресурсом повышения качества профессионального образования. Вуз должен формировать социокультурную среду для формирования системы общекультурных и профессиональных компетенций у студентов. «Концепция воспитания студентов Вятского государственного гуманитарного университета» является основой для разработки и реализации образовательных программ в части воспитательной деятельности.

In the context of the implementation of the FSES HE utilization of the potential of educational work is an essential resource for improving the quality of vocational education. School must form a socio-cultural environment for the formation of common cultural and professional competencies in students. "The concept of educating students Vyatka State University of Humanities" is the basis for the development and implementation of educational programs in terms of educational activities.

Ключевые слова: высшее образование, воспитательная деятельность, Федеральные государственные образовательные стандарты, общекультурные и профессиональные компетенции, концепция воспитания, комплексные целевые программы.

Keywords: higher education, educational activity, federal state educational standards, common cultural and professional competence, the concept of education, comprehensive programs.

В условиях реализации ФГОС ВО использование потенциала воспитательной работы является существенным ресурсом повышения качества профессионального образования, важным фактором профессионального и личностного становления будущего специалиста. Реализация требований ФГОС в части формирования общекультурных и профессиональных компетенций применительно к уровневым образовательным программам была связана с наличием в вузе уникальной социокультурной среды как совокупности внешних условий образования, создаваемых вузовским сообществом и помогающих обучающимся овладеть необходимыми компетенциями через включение их в различные виды деятельности и социальные практики. Ее характеристики обусловлены ценностными приоритетами и традициями вуза; требованиями ФГОС и положениями государственной молодежной политики; имеющимся опытом организации воспитательной работы в вузе. Так, в разделе 7.2 ФГОС бакалавриата отмечается, что «при разработке ООП бакалавриата должны быть определены возможности вуза в формировании общекультурных компетенций выпускников (компетенций социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельностного характера). Следовательно, вуз обязан сформировать социокультурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности. Образовательная организация высшего образования также должна способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие обучающихся в работе общественных организаций, спортивных и творческих клубов, научных студенческих обществ» [1]. Данное обстоятельство обусловило необходимость при разработке вузами основных образовательных программ особо акцентировать внимание на описание характеристик среды вуза, обеспечивающей развитие общекультурных компетенций выпускников, а также побудило вузы ориентировать на формирование общекуль-

турных компетенций систему работы студенческих общественных организаций, аудиторную и внеаудиторную деятельность по каждому направлению подготовки и уровню высшего профессионального образования.

Несколько иная интерпретация потенциала воспитательной деятельности представлена в актуализированных ФГОС по программам высшего образования (ФГОС 3+). В данных документах при характеристике требований к результатам освоения основной образовательной программы (раздел 5) указан перечень общекультурных компетенций, которые должны быть сформированы у обучающихся. Причем если в ФГОС эти требования задавались для каждого из направлений подготовки и уровней высшего образования, то в ФГОС 3+ общекультурные компетенции для 80% направлений подготовки представлены однотипно. Так, выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать следующими общекультурными компетенциями (ОК):

- способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);
- способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2);
- способностью использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-3);
- способностью использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-4);
- способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5);
- способностью работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6);
- способностью к самоорганизации и самообразованию (ОК-7);
- способностью использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8);
- способностью использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций (ОК-9) [2].

Выпускник, освоивший программу магистратуры, должен обладать следующими общекультурными компетенциями:

- способностью к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1);
- готовностью действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (ОК-2);
- готовностью к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-3) [3].

Таким образом, в определенной степени, требования к результатам воспитательной деятельности в вузе стали унифицированными, что позволяет обеспечить необходимый баланс между воспитательными мероприятиями, проектами и программами, реализуемыми на уровнях учебной группы, факультета и вуза в целом, и дает возможность формировать единую социокультурную среду вуза, основанную на его традициях и ценностях, ориентированную на формирование общей и профессиональной культуры будущего специалиста.

Обозначенные выше позиции легли в основу реализации основных образовательных программ на основе ФГОС ВО в части воспитательной деятельности в Вятском государственном гуманитарном университете. Приоритетной является системная реализация в процессе профессиональной подготовки тех идей, которые заложены в Концепции воспитания студентов ВятГГУ [4], в вузовских основных образовательных программах, в воспитательных программах и в воспитательной деятельности каждого из факультетов. Исходя из общей цели воспитания – становления личности студента ВятГГУ, осознающего себя гражданином своего Отечества и патриотом Вятского края, имеющего нравственную позицию, способного к профессиональному росту и творческой самореализации, осуществляется реализация Комплексных целевых программ Концепции, отражающих в своей совокупности содержание воспитания в университете: «Формирование духовно-нравственной культуры студентов ВятГГУ»; «Формирование правовой культуры студентов ВятГГУ»; «Формирование профессионально-трудовой культуры студентов ВятГГУ»; «Здоровая молодежь – здоровое общество».

Комплексная целевая программа «Формирование духовно-нравственной культуры студентов ВятГГУ» обеспечивает достижение задач вовлечения студентов в культурно-образовательное пространство университета, формирования у них уважения к традициям и истории вуза, развития способности оценивать и выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношение к себе, к другим людям, к обществу, к государству. Приоритетным в

данной сфере является решение проблем формирования ценностной и поведенческой (деятельностной) составляющей духовно-нравственной культуры студентов. Содержательным ядром данной комплексной целевой программы является совокупность соответствующих учебных дисциплин гуманитарной, социальной и экономической и общенаучной направленности, включенных в содержание основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры, а также система традиционных вузовских мероприятий в данной сфере, задающих целостность социокультурной среды вуза: Марафон «Я – Первокурсник», Конкурс студенческого творчества «Студенческая весна», студенческий тур «Общежитие – наш дом», «Фестиваль студенческого национального творчества ВятГГУ», выездные лагеря органов студенческого самоуправления («Я в степени», «Я – лидер»), творческие мастерские «Банк Инициатив». Вариативность социокультурной среды университета обеспечивается реализацией на факультетах и в учебных группах системы проектов и мероприятий в данной сфере в соответствии с профилем основных образовательных программ, а также деятельностью творческих и общественных студенческих объединений. Открытость вузовской среды обеспечивалась через участие студентов университета в образовательных форумах Росмолодежи, а именно в Молодежном форуме ПФО «Волга-2014» (смены: форум российско-китайских молодежных обменов «Волга – Янцзы», «АРТ Квадрат», фитнес-смена «Беги за мной», «Инновации и техническое творчество», «Информационный поток», «Малая Родина – большие возможности», «Политика», «Ты – предприниматель» и «Технология добра») и Всероссийском молодежном образовательном форуме «Селигер» (тематические смены «Беги за мной», «АРТ Квадрат», «Технология добра», «Инфопоток», «Команда 2018», «Молодежное самоуправление», «Предпринимательство», «Общественные объединения», «Все дома», «Экономика будущего», «Инновация», «Молодые экологи», «Молодежный туризм», «Регионы России», «Международная смена», «Работающая молодежь»).

Через актуализацию механизмов вовлечения будущих специалистов в личностно-ценную и социально значимую деятельность во внутренней среде вуза и в широкой социальной среде достаточно эффективно решаются задачи по формированию комплекса общекультурных компетенций, направленных на формирование мировоззренческой позиции (ОК-1), на развитие способностей к самоорганизации и самообразованию (ОК-7), на совершенствование навыков коммуникации (ОК-5); на формирование умения работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6).

Комплексная целевая программа «Формирование правовой культуры студентов ВятГГУ» ориентирована на создание условий для формирования человека, уважительно относящегося к правовым нормам, обладающего достаточным объемом правовой информированности, способного обеспечивать правомерный характер его действий во всех жизненных ситуациях. Содержательным ядром данной комплексной целевой программы является совокупность соответствующих учебных дисциплин правовой направленности, включенных в содержание основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры университета. Вовлеченность студентов в культурно-образовательное пространство университета в данной сфере воспитания обеспечивается наличием системы традиционных мероприятий по формированию правовой культуры. Среди них особо следует выделить мероприятия, посвященные памятным датам (День Победы, День единства, День памяти и скорби); встречи с представителями профильных ведомств (Минобороны, МВД, ФСБ, МЧС России), институтов гражданского общества; Дни Губернатора Кировской области в ВятГГУ. Формирование традиций системного взаимодействия студентов университета с представителями органов законодательной и исполнительной власти, правоохранительных органов, судебной системы, обеспечивающих становление социально активной гражданской позиции студентов, способствует росту уровня их информированности о своих правах и обязанностях как граждан и обучающихся. А успешное выполнение обучающимися университета инновационных проектов в сфере формирования правовой культуры («Правовой ликбез», «Скорая юридическая помощь субъектам предпринимательской деятельности», «День бесплатной юридической помощи», «Юридическая клиника» и др.) позволяет им реализовывать свои права и обязанности как активным членам гражданского общества. Через актуализацию механизмов вовлечения будущих специалистов в традиционные и инновационные формы воспитательной деятельности правовой направленности достаточно эффективно решаются задачи по формированию комплекса общекультурных компетенций, направленных на развитие способности анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2); совершенствование умения использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-4).

Комплексная целевая программа «Формирование профессионально-трудовой культуры студентов» имеет своей целью становление студентов в качестве субъектов трудовой деятельности

сти, обладающих необходимыми для ее осуществления профессиональными компетенциями, способных к успешной адаптации на рынке труда. Содержательной основой реализации данной комплексной целевой программы являются учебные дисциплины профессиональной и профильной направленности, а также совокупность традиционных мероприятий, проводимых в университете («День выпускника», «Ярмарки вакансий», «Неделя профессии», «Путь к успеху»). Как показывает опыт воспитательной деятельности, при реализации данной КЦП существенным ресурсом становится формирование в университете общего пространства профессионального общения и профессионально ориентированной деятельности. Участие обучающихся в предметных олимпиадах и конкурсах по профилю реализуемых основных образовательных программ вузовского, городского, регионального и всероссийского уровней обеспечивают повышение уровня осознанного отношения к выбранной специальности. Развитие устойчивых долговременных отношений с предприятиями, организациями, профильными службами по содействию занятости и трудоустройству позволяет включать представителей профессионального сообщества в процесс профессионального образования на этапах разработки, реализации и оценки качества освоения образовательных программ. Организация «сквозной» практики на предприятии, являющемся местом потенциального трудоустройства, выполнение курсовых и выпускных квалификационных по заявкам работодателей также обеспечивает действенное взаимодействие вуза и его стратегических партнеров в части достижения требуемых региональным рынком труда результатов образования, выраженных в компетенциях. Открытость социокультурной среды вуза в данной сфере обеспечивается успешной апробацией инновационных новых форм адресного взаимодействия с работодателями, способствующих отработке профессионально-трудовых навыков у обучающихся (система профессиональных проб). Среди них – деятельность студентов юридического факультета в качестве общественных помощников депутатов, сотрудников прокуратуры; членов добровольных народных дружин; в качестве понятых при проведении следственных мероприятий. Этот опыт еще более ценен в условиях, когда наблюдается некоторый рост неуверенности обучающихся в выбранной специальности. Полагаем, что включение студентов в систему профессиональных проб с первых этапов обучения становится важнейшим условием последующего осознанного трудоустройства. Актуализация механизмов «погружения» в профессиональную среду, несомненно, играет существенную роль в формировании сознательного отношения к выбранной профессии, в развитии способности использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-3), в формировании всей совокупности профессиональных (ПК), профессионально-дисциплинарных (ПДК); профессионально-специализированных (ПСК) компетенций

Комплексная целевая программа «Здоровая молодежь – здоровое общество» ориентирована на формирование потребности в здоровом образе жизни и предполагает становление у обучающихся активной жизненной позиции по отношению к своему здоровью, создание условий для вовлечения в активные занятия физической культурой и спортом и неприятие вредных привычек как форм деструктивного поведения. Содержательным ядром КЦП являются учебные дисциплины «Физическая культура» и «Основы здорового образа жизни», «Безопасность жизнедеятельности». Ее реализация также обеспечивалась совокупностью традиционных вузовских мероприятий: «Спартакиада студентов ВятГГУ по различным видам спорта»; «Спартакиада первокурсников»; «Фитнес-фестиваль»; Игра «Движение-жизнь»; Спартакиада преподавателей и сотрудников ВятГГУ; дни здоровья; акции: («День отказа от курения», «Я выбираю жизнь», «День донора» и др.). Во внутренней среде вуза существенным ресурсом в формировании у студентов потребности в здоровом образе жизни является вовлечение всех студентов в активные занятия физической культурой, расширение их знаний о здоровом образе жизни, здоровьесберегающих и здоровьесформирующих технологиях и стимулирование у них действенного неприятия вредных привычек. Открытость социокультурной среды вуза в данной сфере обеспечивалась проведением спортивно-оздоровительных мероприятий в сотрудничестве с учреждениями культуры, физкультуры и спорта, здравоохранения, участием студентов в соревнованиях городского, регионального, всероссийского и международного уровней. Через актуализацию механизмов вовлечения будущих специалистов в традиционные и инновационные формы воспитательной деятельности по формированию здорового образа жизни достаточно эффективно решаются задачи по формированию комплекса общекультурных компетенций, направленных на развитие способностей использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8); умений применять приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций (ОК-9).

Таким образом, воспитательная деятельность вузов в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования является важной состав-

ляющей профессионального образования, его неотъемлемой частью, так как напрямую работает на достижение образовательного результата – формирование у будущего специалиста общекультурных и профессиональных компетенций [4]. В центре профессионального образования при таком подходе находится формирование компетентных специалистов, которые сопрягают полученные знания и умения с нравственными принципами профессиональной деятельности и способны направлять свою социальную активность в интересах человека и человечества.

Примечания

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/3/20111115115310.pdf>.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/46_03_01_Istoria.pdf
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/020403_Matobesp.pdf
4. Ходырева Е. А. Концепция воспитания студентов гуманитарного вуза // Всероссийский семинар-совещание председателей советов проректоров по воспитательной деятельности субъектов РФ: материалы семинара-совещания «Потенциал воспитательной деятельности в повышении качества образования» / сост. А. В. Пономарев, А. А. Фокин. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 130–133; Ходырева Е. А. Проблемы формирования общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся в вузе // Формирование и оценка общекультурных и профессиональных компетенций в высшем профессиональном образовании: теория и методика: материалы II Всерос. метод. конф. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 1 электрон. оптич. диск (CD-ROM); Проблемы обеспечения качества профессионального образования в открытой образовательной среде вуза // Формирование открытой образовательной среды вуза как фактор повышения качества образования: материалы III Всерос. метод. конф. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014. 1 электрон. оптич. диск (CD-ROM).

Notes

1. Federal state educational standard of higher professional education. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/3/20111115115310.pdf>. (in Russ.)
2. Federal state educational standard of higher education. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/46_03_01_Istoria.pdf (in Russ.)
3. Federal state educational standard of higher education. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/020403_Matobesp.pdf (in Russ.)
4. Khodyreva E. A. Konceptiya vospitaniya studentov gumanitarnogo vuza [The concept of educating students of the humanitarian higher schools] // Vserossijskij seminar soveshchanie predsedatelej sovetov prorektorov po vospitatel'noj deyatel'nosti sub"ektov RF: materialy seminarov soveshchaniya «Potencial vospitatel'noj deyatel'nosti v povyshenii kachestva obrazovaniya» - All-Russian seminar meeting of chairmen of the councils of rectors on educational activity of subjects of the Russian Federation: materials of the workshop meeting "Potential educational activities to improve the quality of education"/comp. A. V. Ponomarev, A. A. Fokin. Ekaterinburg. Ural Federal University. 2012. Pp. 130-133; Khodyreva E. A. Problemy formirovaniya obshchekul'turnyh i professional'nyh kompetencij obuchayushchihsya v vuze [Problems of formation of common cultural and professional competences of students in higher schools] // Formirovanie i ocenka obshchekul'turnyh i professional'nyh kompetencij v vysshem professional'nom obrazovanii: teoriya i metodika: materialy II Vseros. metod. konf. - Formation and evaluation of common cultural and professional competences in higher professional education: theory and methodology: proceedings of the II All-Russia method. conf. Kirov. Publ. LLC "Raduga-PRESS". 2013. 1st electronic optical disk (CD ROM); Problemy obespecheniya kachestva professional'nogo obrazovaniya v otkrytoj obrazovatel'noj srede vuza - The problems of providing quality professional education in an open educational environment of the university // Formirovanie otkrytoj obrazovatel'noj sredy vuza kak faktor povysheniya kachestva obrazovaniya: materialy III Vseros. metod. konf. - Creating an open educational environment as a factor of improving the quality of education: materials of III All-Russia method. conf. Kirov: Publ. LLC "Raduga-PRESS". 2014. 1st electronic optical disk (CD ROM).

Д. В. Перевощиков, Ю. А. Сауров

О методике организации познавательной деятельности при изучении астрономии в курсе физики

В статье обозначена под углом зрения реализации ФГОС научная проблема освоения методологических знаний при изучении астрономии в курсе физики. В настоящее время астрономия встроена в виде заключительных глав в курс физики XI класса. Сохранение единства учебного предмета, формирование интереса на основе внимания к вопросам мировоззрения, разнообразие видов учебной деятельности школьников – актуальные проблемы науки и практики изучения астрономии в курсе физики.

The article is from the perspective of the implementation of the ФГОС scientific issue of methodological knowledge in the study of astronomy in the physics course. Currently, astronomy is built in the form of the final chapters in the course of physics XI class. Preserving the unity of the subject, generating interest on the basis of ideology, species diversity training school – actual problems of science and practice study of astronomy in the physics course.

Ключевые слова: астрономия, методология, модель, экспериментирование, моделирование, учебная деятельность.

Keywords: astronomy, methodology, model, experimentation, modeling, learning activities.

Постановка научно-методической проблемы. Современный ФГОС задаёт высокий уровень требований к метапредметным результатам обучения. В частности, требуется овладение «навыками познавательной, учебно-исследовательской и проективной деятельности, навыками решения проблем; способностью и готовностью к самостоятельному поиску методов решения практических задач, применению различных методов познания». Задать и обеспечить такой уровень подготовки невозможно без прямого использования методологии познавательной деятельности, в рамках нашего предмета удачно выраженной ориентировкой научного метода познания «факты, проблема – гипотеза, модель – следствия, выводы – эксперимент, опыт понимания и конструирования» (В. Г. Разумовский).

Сейчас астрономия встроена в школьный курс физики. И межпредметные связи организационно стали внутрипредметными. Это накладывает, на наш взгляд, свой отпечаток на методику изучения астрономии. Во-первых, обратим внимание на следующий экспериментальный факт. Нами изучено использование в темах астрономии таких ключевых понятий, как «закон», «модель», «явление», «факт», «принцип», «гипотеза» [1]. Обнаружилось существенное доминирование одного термина (см. таблицу), что говорит о бедности отражения методологии познания в содержании курсов. В целом такая картина типична для содержания и курсов физики. Во-вторых, ни в структурировании содержания материала, ни в организации практической учебной деятельности нет в явном виде ориентира на освоение логики научного метода познания. В-третьих, освоение вопросов миропонимания в курсе астрономии без преемственной связи с освоением методологических понятий затруднено. И диагностика это показывает. В течение двух лет среди учеников 11-х классов (около 100) г. Кирова, собирающихся сдавать ЕГЭ по физике, была проведена контрольная работа мировоззренческого содержания (см. её текст ниже). Обнаружилось, что большинство учеников правильно ответили всего лишь на 3–4 вопроса из десяти предложенных, и только 11,3% школьников ответили на больше половины вопросов. Типичными оказались следующие затруднения школьников: Луна во время солнечного затмения находится в фазе полнолуния; Земля ближе к Солнцу летом, а дальше зимой; ночь покрывает большую часть земной поверхности. Отсюда при анализе и формулируется проблема для исследования: как повысить методологическую грамотность школьников при изучении астрономии.

Педагогические науки

Учебник	Касьянов В. А., базовый уровень, 2012	Касьянов В. А., профильный уровень, 2011	Пинский А. А., профильный уровень, 2011	Мякишев Г. Я., 2014	Разумовский В. Г., 2011
Название раздела	Элементы астрофизики	Элементы астрофизики	Строение и эво- люция Вселенной	Астрономия	Вселенная
Количество страниц	29	50	35	53	93
Закон	11	21	12	29	27
Модель	2	7	0	6	5
Явление	0	1	5	6	2
Факт	0	0	9	3	6
Принцип	0	0	0	1	4
Гипотеза	0	0	6	0	2

Задания по диагностике миропонимания

Вариант 1

1. Какая планета самая близкая к Солнцу?
2. Укажите явления, происходящие при смене суток на Земле.
3. С какой широты выгоднее стартовать с Земли, чтобы попасть на геостационарную орбиту?
4. День или ночь покрывает большую часть земной поверхности?
5. Предложите модель, описывающую явление движения Земли по орбите.
6. Постройте модель солнечного затмения.
7. Как можно точнее подберите модель, описывающую свечение Солнца.
8. В какой фазе находится Луна во время солнечного затмения?
9. Когда Земля ближе к Солнцу: зимой или летом?
10. Почему температура поверхности Венеры самая высокая среди других планет Солнечной системы?

Вариант 2

1. Какая планета наименее массивная в Солнечной системе?
2. Укажите явления, происходящие при смене времен года на Земле.
3. Какое действие требует меньших затрат энергии при старте с Земли: улететь из Солнечной системы или сесть на Солнце?
4. Почему времена года в северном и южном полушарии различны?
5. Опишите модель, объясняющую процесс вращения Земли вокруг своей оси.
6. Постройте модель лунного затмения.
7. Как можно точнее подберите модель, описывающую свечение Луны.
8. В какой фазе находится Луна во время лунного затмения?
9. Когда утро наступит раньше: в Петербурге или во Владивостоке?
10. Почему на Юпитере отсутствуют смены времен года?

Методическое решение-проект. Сравнительно простым, рациональным, эффективным и доступным, на наш взгляд, тактическим решением является организация **астрономического практикума**. Он позволяет разнообразить учебную деятельность при изучении астрономии, задаёт важные методологические (высокой степени обобщённости) ориентировки деятельности, способствует освоению фундаментальных понятий [2]. По содержанию опыта практикум представляет собой учебную деятельность с моделями астрономических объектов, с методами исследования. По форме организации деятельности школьников выполнение практических работ возможно на обычном уроке как при изучении нового материала, так и на этапе отработки знаний. В нашем случае построение структуры инструкции-регламента, выделение объекта-предмета деятельности, содержание практических действий школьников, контрольные вопросы были нацелены на освоение элементов методологии познания.

При организации учебной деятельности школьников, на наш взгляд, принципиально важно ориентироваться на освоение двух ведущих деятельностей – экспериментирования и моделирования [3]. Физическое познание, по смыслу и в главном приближении, может и должно быть в школьном образовании представлено этими двумя видами деятельности. Экспериментирование задается как деятельность с реальными объектами и явлениями, моделирование – как деятельность со знанием. Причем, с одной стороны, в широком поле смыслов в деятельность экспериментирования можно включить и моделирование как экспериментирование с идеальными обра-

зованиями. Хотя, с другой стороны, моделирование идейно, логически ведет экспериментирование, задавая смыслы и точку «видения» – метод. Технологическое задание данных деятельности, исследование их содержательных и процессуальных взаимоотношений, проблемы освоения этих деятельности в практике обучения – актуальные задачи методики обучения как физики, так и астрономии.

При изучении астрономии в курсе физики мы поневоле ограничены в экспериментировании с реальными астрономическими объектами и явлениями. Причины простые: доступность объектов на уроке, ограниченность времени. Вот почему для развития познавательных способностей следует использовать экспериментирование над моделями, шире – знаниями. Как раз в так организованном учебном процессе эффективнее всего осваиваются элементы методологии познания. А значимость их как ориентировок деятельности для развития школьников трудно переоценить.

Нами построено десять лабораторных работ по астрометрии, небесной механике, астрофизике и основам космонавтики [4]. Инструкции к двум из них с небольшими комментариями приводятся ниже.

Лабораторная работа № 1. Моделирование солнечного и лунного затмения

Оборудование: два шара разных размеров, светодиодная лампа-фонарик, бумага, линейка.

Цель – построить схемы-модели солнечного и лунного затмения и исследовать их.

Теория работы. Солнечное затмение происходит вследствие того, что Солнце для земного наблюдателя перекрывает Луна. Экспериментально и теоретически изучая явление, можно построить модель-механизм, которая в итоге позволяет понять событие, предсказать его проявления (рис. 1).

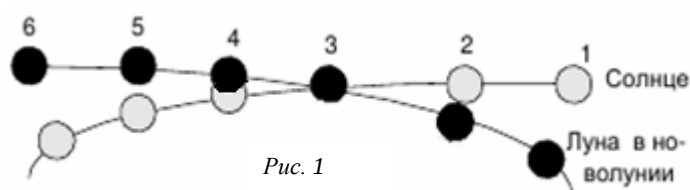

Рис. 1

Лунное затмение происходит вследствие того, что Луна попадает при своём движении в тень Земли. Наблюдения с Земли позволяют построить схему-модель лунного затмения (рис. 2).

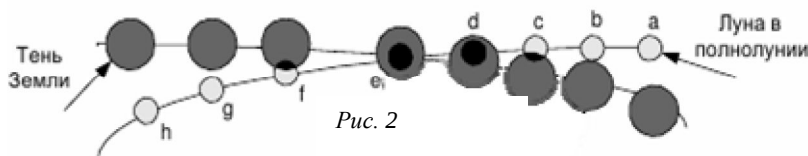

Рис. 2

Ход работы

Первое задание: моделирование солнечного затмения.

1. Поместите лампу («Солнце») на стол и включите её. Поместите шары так, чтобы они с потоком света лампы составляли прямую линию. Большой шар играет роль Земли, меньший – Луны. Землю в нашем случае считаем неподвижной.

2. Смоделируйте в условиях статики **явление** солнечного затмения. Измерьте расстояния, диаметры шаров, выполните рисунок-схему в масштабе.

3. Продемонстрируйте на **модели** солнечное затмение в условиях движения Солнца и Луны, т. е. в системе отсчета, связанной с Землей.

4. Определите условия полного солнечного затмения, выполните **рисунок-схему**.

5. При условии полного солнечного затмения **предскажите** величину диаметра Солнца, если известны диаметр Луны, расстояния от Земли до Луны, от Земли до Солнца.

Второе задание: моделирование лунного затмения.

1. **Экспериментально** получите тень Земли от Солнца. Всегда ли тень (полутень) образуется? Изучите, как она меняется при движении Земли. Выполните **схему-рисунок**.

2. Продемонстрируйте на **модели** попадание тени Земли на Луну. Выясните на модели, при каких условиях происходит полное лунное затмение. Выполните схему-рисунок (см., например, рис. 2).

3. **Предположите** и зафиксируйте на модели изменение продолжительности времени затмения в зависимости от скорости движения объектов.

4. Объясните отличие полного лунного затмения от частичного. Смоделируйте оба явления, выполните схему-рисунок.

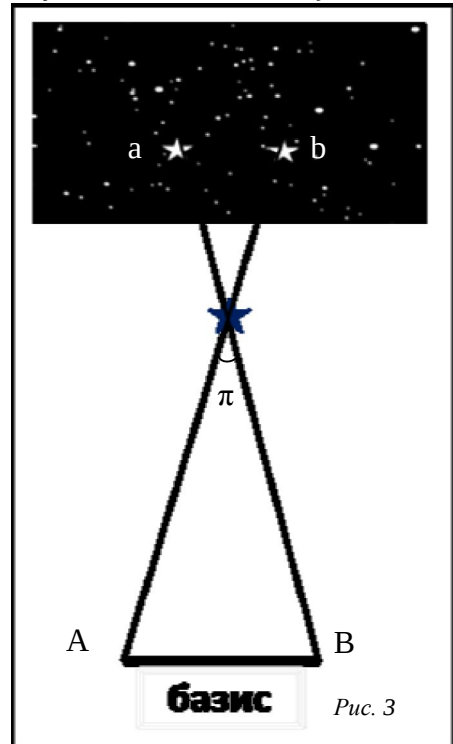
Контрольные вопросы: Что увидит наблюдатель, расположенный на Луне, в момент лунного затмения? Что увидит наблюдатель, расположенный на Солнце, в момент солнечного затмения? При каком движении Луны вокруг Земли не бывает лунного затмения? Выполните схему-модель. Всегда ли солнечное затмение (см. рис. 1) будет полным? Если нет, то предложите схему-модель подобного исключения.

Лабораторная работа № 2. Построение модели параллактического смещения и её изучение (при разработке идеи работы и инструкции принимал участие Е. И. Ковязин)

Оборудование: фотография, линейка, транспортир.

Цель – изучить методы горизонтального и годичного параллакса и построить их схемы-модели.

Теория работы. Понятия «горизонтальный и годичный параллакс» базируются на более общем понятии «параллактическое смещение». Это изменение направления на объект наблюдений, вызванное перемещением наблюдателя из одной точки в другую. Расстояние между этими точками называется базисом (рис. 3). Если в качестве базиса используют радиус Земли, то угол, под которым он «виден» с объекта наблюдений, называется его горизонтальным параллаксом. Если в качестве базиса используют радиус орбиты Земли, то угол, под которым он «виден» с объекта наблюдений, называется его годичным параллаксом. Горизонтальный параллакс используют при определении расстояний до объектов Солнечной системы. При определении расстояний до звезд используют годичный параллакс. Эти методы являются единственными прямыми методами измерения расстояний. В пределах Солнечной системы расстояния до некоторых тел были измерены методами радио- и оптической локации. Они подтвердили результаты, полученные методом горизонтального параллакса.

При определении расстояний до тел Солнечной системы считают, что звезды находятся бесконечно далеко и можно просто определять кажущееся смещение объекта наблюдений на фоне звёзд. Зная величину базиса и масштаб фотографии участка звездного неба, можно рассчитать расстояние до объекта наблюдений.

Если отсутствует фон бесконечно далеких объектов, измеряют углы при базисе, что также позволяет определить величину угла параллактического смещения и рассчитать расстояние до объекта наблюдений.

Ход работы

Первое задание: экспериментальное определение расстояния до далекой звезды.

1. На рис. 4 приведены две фотографии одного и того же участка неба, разделённые полугодовым промежутком времени. Известен размер сфотографированного участка неба в квадратных градусах. На каждой фотографии присутствует точечное изображение некоего далекого объекта (предполагаем, звезды). Его положение на фотографиях различное. Выделите этот **эмпирический факт**.

2. Постройте **схему-модель** годичного параллакса, объясняющую данный экспериментальный факт.

3. Получите **следствия**: рассчитайте некоторые параметры звезды на основе построенной модели. В частности, определите величину параллактического смещения и рассчитайте расстояние до звезды.

4. Сделайте **выводы**: Трудно ли было обнаружить экспериментальный факт? Почему? Каковы недостатки построенной модели? Можно ли быть уверенным, что по фотографиям мы зафиксировали изменение положения звезды? Почему?

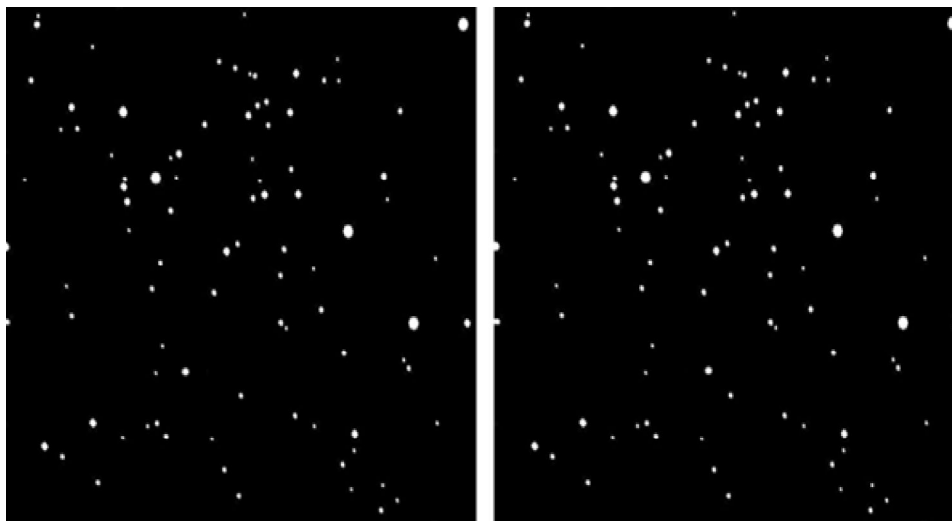

Рис. 4

Второе задание: на основе модели изучите метод «параллактического смещения».

1. Построение модели: звезды моделируются материальными точками («звездочками»), их положение можно брать разное. На отдельном листе бумаги поставьте в произвольных местах несколько «звездочек». В нижней части листа изобразите базисный отрезок, крайние точки которого – точки наблюдения «звездочек» (рис. 5).

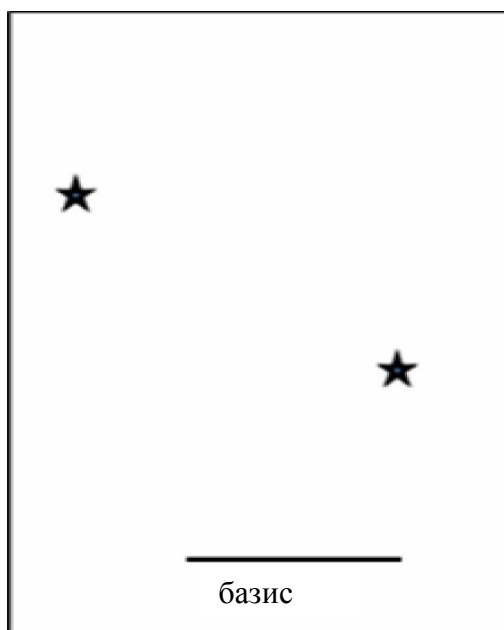

Рис. 5

2. Постройте схему метода: под задачу определения расстояния до звезды сделайте такие геометрические построения, чтобы наблюдатель на «базисе» измерениями смог на их основе определить расстояние. В отчете приведите результаты всех измерений и расчетов.

Контрольные вопросы: Смоделируйте с помощью схемы-рисунка явления годичного параллакса звезды и горизонтального параллакса планеты. Для каких объектов – близких или дальних – метод годичного параллакса точнее?

Заключение. Наше предположение о возможности и эффективности экспериментирования с таким объектом, как модель-схема (шире – текстом, знанием), заместителем труднодоступного реального астрономического объекта (или явления), оправдывается. Уже первый опыт использования практикума убеждает в его значимости. Практическая деятельность по моделированию астрономических явлений и объектов повышает познавательный интерес школьников, учит рассуждать, находить обоснованные решения различных задач, вырабатывает умения мыслить сис-

темно, продуктивно, нестандартно. Теория и практика в такой познавательной деятельности выступают в единстве, что способствует формированию у учащихся фундаментальных понятий методологии – метод, модель, экспериментальный факт, гипотеза, следствие.

Примечания

1. Касьянов В. А. Физика. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2012. 269 с.; Касьянов В. А. Физика. 11 кл. Профильный уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2011. 448 с.; Глазунов А. Т., Кабардин О. Ф., Малинин А. Н. и др. Физика. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений и shk. s uglubl. izucheniem fiziki / pod red. A. A. Pinskogo, O. F. Kabardina. М.: Просвещение, 2011. 416 с.; Мякишев Г. Я., Буховцев Б. Б., Чаругин В. М. Физика. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / под ред. Н. А. Парфентьевой. М.: Просвещение, 2014. 399 с.; Разумовский В. Г., Орлов В. А., Майер В. В., Сауров Ю. А., Страут Е. К. Физика 11: учеб. для общеобразоват. учреждений. Ч. 2 / под ред. В. Г. Разумовского, В. А. Орлова. М.: ВЛАДОС, 2014. 359 с.

2. Ванкليف Дж. Эксперименты по астрономии / пер. с англ. М. Я. Рутковской. М.: АСТ: Астрель, 2009. 236 с.; Дагаев М. М., Чаругин В. М. Книга для чтения по астрономии. Астрофизика. М.: Просвещение, 1988. 207 с. Левитан Е. П. Дидактика астрономии. М.: УРСС, 2004. 296 с.; Сауров Ю. А. Физика: методические разработки: 11 класс. М.: Просвещение, 2010. 256 с.; Страут Е. К. Астрономия. Дидактические материалы. 11 класс. М.: ВЛАДОС, 2000. 80 с.

3. Коханов К. А., Сауров Ю. А. Методология функционирования и развития школьного физического образования: монография. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. 326 с.; Сауров Ю. А., Коханов К. А. Экспериментирование и моделирование как коллективная познавательная деятельность в обучении физике // Вестник ВятГГУ. 2014. № 5. С. 130–135. Разумовский В. Г., Орлов В. А., Майер В. В., Сауров Ю. А. Стратегическое проектирование развития физического образования: монография. Киров: ООО «Типография «Старая Вятка», 2012. 179 с.

4. Перевошиков Д. В. Школьный астрономический практикум: учеб. пособие. Киров: Изд-во ЦДООШ, 2014. 17 с.

Notes

1. Kasyanov V. A. Fizika. 11 kl. Bazovyy uroven': ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij [Physics. 11 CL. Basic level: textbook for general education institutions]. Moscow. Drofa, 2012. 269 p.; Kasyanov V. A. Fizika. 11 kl. Profil'nyj uroven': ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij [Physics. 11 C. Profile level: textbook for general education institutions]. Moscow. Drofa, 2011. 448 p.; Glazunov, A. T., Kabardin O. F., A. N. Malinin. etc. Fizika. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij i shk. s uglubl. izucheniem fiziki [Physics. 11: textbook for general education institutions and schools with advanced course of physics] / ed. by A. A. Pinsky, O. F. Kabardin. Moscow. Prosveshcheniye. 2011. 416 p.; Myakishev G.Y., Buhovtsev B. B., Charugin V. M. Fizika. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij [Physics. 11: textbook for general education institutions] / ed. by N. A. Parfentyeva. Moscow. Prosveshcheniye. 2014. 399 p.; Razumovsky V. G., Orlov V. A., Mayer, V., Saurov J. A., Straut E.K. Fizika 11: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij [Physics 11: textbook for general education institutions]. Part 2 / under the editorship of V. G. Razumovsky, V. A. Orlov. Moscow. VLADOS. 2014. 359 p.

2. Vancleef J. EHksperimenty po astronomii [Experiments in astronomy] / transl. from Eng. M. J. Rutkowski. Moscow. AST: Astrel. 2009. 236 p.; Dagaev M.M., Chagrugin V. M. Kniga dlya chteniya po astronomii. Astrofizika [Reading book on astronomy. Astrophysics]. Moscow. Prosveshcheniye. 1988. 207 p. Levitan E. P. Didaktika astronomii [Didactics of astronomy]. Moscow. URSS. 2004. 296 p.; Saurov Y. A. Fizika: metodicheskie razrabotki: 11 klass [Physics: methodological developments: grade 11]. Moscow. Prosveshcheniye. 2010. 256 p.; E. K. Straut Astronomiya. Didakticheskie materialy. 11 klass [Astronomy. Didactic materials. 11 grade]. Moscow. VLADOS. 2000. 80 p.

3. Kokhanov K. A., Saurov Y. A. Metodologiya funkcionirovaniya i razvitiya shkol'nogo fizicheskogo obrazovaniya: monografiya [Methodology of functioning and development of school physical education: monograph]. Kirov. LLC "Raduga-PRESS" Publ. 2012. 326 p.; Saurov J. A., Kokhanov K. A. EHksperimentirovanie i modelirovanie kak kollektivnaya poznavatel'naya deyatel'nost' v obuchenii fizike [Experimentation and simulation as a collective cognitive activity in learning physics] // Vestnik VyatGGU - Herald of VyatSHU. 2014, No. 5, pp. 130-135. Razumovsky, V. G., Orlov V. A., Mayer, V., Saurov Y. A. Strategicheskoe proektirovanie razvitiya fizicheskogo obrazovaniya: monografiya [Strategic planning for the development of physical education: monograph]. Kirov: LLC "Printing "Staraya Vyatka". 2012. 179 p.

4. Perevoshchikov D. V. SHkol'nyj astronomicheskij praktikum: ucheb. posobie [School astronomical workshop: tutorial]. Kirov. CCES Publ. 2014. 17 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРМИНА Елена Сергеевна – аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: arnicka@mail.ru

БАТАГОВА Людмила Хазретовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре социально-гуманитарных дисциплин Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46.
E-mail: l-elkanova@mail.ru

ВЕРЗИЛИНА Ирина Геннадьевна – соискатель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), председатель Избирательной комиссии Кировской области. 610000, г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 69.
E-mail: sovetnikpfo@yandex.ru

ГОЛЕНOK Марина Петровна – кандидат культурологии, доцент по кафедре философии и культурологии Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: gmp0889@yandex.ru

ЕРМАКОВА Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ermakova9999@rambler.ru

ЖЭНЬ Фэй – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

ИМАШЕВА Марина Маратовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии. 414000, г. Астрахань, ул. Красная Набережная, д. 7 / ул. Куйбышева, д. 1.
E-mail: imaschewa@yandex.ru

КАСАТКИНА Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Московского государственного областного гуманитарного института. 142612, Московская обл., г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
E-mail: olga_kasatkina49@mail.ru

КРАШЕНИННИКОВ Андрей Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков Северо-Восточного государственного университета. 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13.
E-mail: kroschke@yandex.ru

ЛИЦАРЕВ Михаил Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: yiddos43@gmail.com

МАКЕЕВА Екатерина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре физики и методики обучения Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. 443090, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67.
E-mail: katrin0509@mail.ru

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

НАУМОВА Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: aj-latan@yandex.ru

ПЕРЕВОЩИКОВ Денис Владимирович – студент факультета информатики, математики и физики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: inf_disp@vshu.kirov.ru

ПЕТУХОВ Кирилл Вадимович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кировского филиала МГЭИ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: mr.Kirillvadimovich@yandex.ru

САУРОВ Юрий Аркадьевич – доктор педагогических наук, профессор по кафедре физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: saurov-ya@yandex.ru

СМОЛОНОГИНА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре немецкой филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, д. 48, корп. 14.
E-mail: teerfussler@mail.ru

СТАРЫГИНА Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре социальных наук и технологий, проректор по образовательной деятельности Поволжского государственного технологического университета. 424003, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3.
E-mail: staryginann@volgatech.net

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ШАБАЛИН Владимир Васильевич – аспирант кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова. 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3.
E-mail: v-shabalin@mail.ru

ШАКИН Сергей Александрович – ассистент кафедры философии и культурологии ВятГУ, аспирант кафедры философии ВятГГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 39.
E-mail: seryjsha@yandex.ru

ШАРАБАРОВ Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ШУТАЛЕВА Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент по кафедре онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51.
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

ЮДИНА Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка и речевой культуры Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7.
E-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BARMINA Elena Sergeevna – postgraduate student of the Department of Philosophy of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.
E-mail: arnicka@mail.ru

BATAGOVA Ludmila Khazretovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of Social-Humanitarian disciplines of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. 46 Vatutin str. 362025, the Republic of North Ossetia Alania, Vladikavkaz.
E-mail: l elkanova@mail.ru

VERZILINA Irina Gennadjevna – VERZILINA Irina Gennad'evna – postgraduate student on the Department of Constitutional and Municipal law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Chairman of the Election Commission of the Kirov region. 69 K. Libkneht str. 610000, Kirov.
E-mail: sovetnikpfo@yandex.ru

GOLENOK Marina Petrovna – Candidate of Culturology, Associate Professor in the Department of Philosophy and Cultural studies of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str. 610000, Kirov.
E-mail: gmp0889@yandex.ru

ERMAKOVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of law, Associate Professor in the Department of Criminal Law disciplines of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.
E-mail: ermakova9999@rambler.ru

ZHEN Fej – graduate student of the Department of Russian Language of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.
E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

IMASHEVA Marina Maratovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines of Astrakhan branch of Saratov State Academy of Law. 7 Krasnaya Naberezhnaya str. / 1 Kuibysheva str. 414000, Astrakhan.
E-mail: imaschewa@yandex.ru

KASATKINA Olga Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, head of the Department of Romance-Germanic Philology of Moscow State Regional Humanitarian Institute. 22 Zelenaya str. 142612, Moscow region, Orekhovo-Zuyevo.
E-mail: olga_kasatkina49@mail.ru

KRASHENINNIKOV Andrey Evgenievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Foreign Languages of Northeastern State University. 13 Portovaya str. 685000, Magadan.
E-mail: kroschke@yandex.ru

LITSAREV Mikhail Yur'evich – postgraduate student of the Department of Russian History of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

MAKEEVA Ekaterina Dmitrievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of Physics and Methods of Teaching of Volga State Social and Humanitarian Academy. 65/67 M.Gorky str. 443090, Samara.
E-mail: katrin0509@mail.ru

MASHKOVTSOVA Victoria Vyacheslavovna – candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

NAUMOVA Natalia Gennadievna – Candidate of Philological Sciences, head of the Department of the Russian Language of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: aj-latan@yandex.ru

PEREVOSHCHIKOV Denis Vladimirovich – student of the Faculty of Informatics, Mathematics and Physics of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: inf_disp@vshu.kirov.ru

PETUKHOV Kirill Vadimovich – postgraduate student of the Department of Criminal Law disciplines of VyatSHU, lecturer on the Department of State and Legal disciplines of the Kirov branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: mr.Kirillvadimovich@yandex.ru

SAUROV Yuri Arkad'evich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Physics and Methods of Teaching Physics of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: saurov ya@yandex.ru

SMOLONOGINA Elena Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German Philology of Institute of Foreign Languages of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 48/14river Moika Embankment, 191186, Saint Petersburg.

E-mail: teerfussler@mail.ru

STARYGINA Natalia Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor in the Department of Social Sciences and Technology, Vice-rector for educational activities of Volga State Technological University. 3 Lenin sg. 424003, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola

E-mail: staryginann@volgatech.net

KHODYREVA Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical sciences, Professor, Vice-rector for Education of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmeyskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: ur@vshu.kirov.ru

SHABALIN Vladimir Vasil'evich – postgraduate student of the Department of Aesthetics, History and Theory of Culture of Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 3 Wilhelm Pieck str. 129226, Moscow.

E-mail: v shabalin@mail.ru

SHAKIN Sergei Aleksandrovich – assistant of the Department of Philosophy and Cultural studies of Vyatka State University, postgraduate student of the Department of Philosophy of the Vyatka State University of Humanities. 39 Moskovskaya str. 610000, Kirov.

E-mail: seryjsha@yandex.ru

SHARABAROV Pavel Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Native History in VyatSHU. 26, Krasnoarmeyskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SHUTALEVA Anna Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, docent at the Department of Ontology and Theory of Knowledge of Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 51 Lenin Ave. 620000, Ekaterinburg.

E-mail: ashutaleva@yandex.ru

YUDINA Tatiana Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor on the Department of Russian Language and Speech Culture of Institute of Philology and Cross-cultural Communication, NARFU named after M. V. Lomonosov. 7 Smolny Buyan st., Arkhangelsk, 163002.

E-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3 (2015)

Подписано в печать 31.03.2015 г.
Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1000. Заказ № 45.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390